

Перевели с английского Ю. Фролов и Е. Смиренская

Редактор А. Логинова

Научный консультант Н. Кашовская

Корректор М. Романова

Глава 1. Трумпельдор и другие мои герои

Кирият-Шмона (Город Восьмерых), городок у подножия Голанских высот недалеко от границы с Ливаном. Год тысяча девятьсот шестьдесят четвертый. В тот День памяти¹ мы, школьники, выстроенные в длинные шеренги, не отрывали глаз от флага еврейского государства. Национальный флаг Израиля был приспущен. Сегодня мне уже не вспомнить все возвышенные речи, произносимые директором и старшеклассниками в тот день. Торжественно и сурово говорили они о зверствах подлых фашистов по отношению к евреям в далекой стране Германии.

¹ День памяти Катастрофы и Героев: истребление нацистами шести миллионов евреев в годы Второй мировой войны. — *Прим. ред.*

Когда в точности началась Вторая мировая война? Десять лет назад? Тысячу? Кто ее знает! В конце концов, история еврейского народа изобилует описаниями жестокостей. Каждый национальный или религиозный праздник пробуждает воспоминание о наших врагах, которые из поколения в поколение поднимались против нас, чтобы смести с лица земли. Но Святой Израилев, да будет Он благословен, всякий раз спасал нас от наших врагов... В голове двенадцатилетнего мальчика все эти события слились в мешанину из наказаний, несчастий, карательных указов и ненависти к евреям — будь то сирийцев на Хануку¹, персов на Пурим², египтян на *Песах*³ (Пасху), римлян на Лаг Б'Омер⁴ или арабов в День Независимости Израиля. Как мне, ребенку, было разобраться в столь многочисленных врагах, длинной вереницей проходящих через всю нашу историю?

¹ Ханука — праздник, связанный с радостным избавлением евреев от гнета Селевкидов (2 в. до Р. Х.) и чудесным очищением Храма. — *Прим. ред.*

² Пурим — праздник, связанный с избавлением евреев от казни в Персии, благодаря заступничеству Эстер (Есфири); установился в постталмудическое время. — *Прим. ред.*

³ Далее по тексту значения слов, приведенных курсивом см. в «Словаре терминов» в конце книги. — *Прим. ред.*

⁴ Лаг Б'Омер — 33-й день между *Песахом* (Пасхой) и *Шавуотом* (Пятидесятницей); по традиции этот день связывается с переломом в пользу евреев в войне, которую вел Бар-Кохба против римлян. — *Прим. ред.*

Но вот интересно — одна фраза, произнесенная в тот день, прочно запечатлелась в моей памяти: «Мы никогда не забудем, мы никогда не простим!» Я и сегодня могу мысленно воссоздать ту гнетущую атмосферу с душераздирающим воем сирен, который напоминал мне причитания обездоленной матери, оплакивающей свое мертвое дитя... Наконец, мы хором пропели национальный гимн «Хатиква» («Надежда»), который завершил церемонию.

Я изо всех сил старался представить, что же именно произошло тогда в нацистской Германии, в надежде прочувствовать хотя бы капельку ужаса того океана смертей в лагерях истребления и газовых камерах. Но и самые искренние усилия не помогали мне оживить в душе то, что давно умерло и похоронено в чужой земле. Руки по швам, стоял я в шеренге учеников на просторной игровой площадке начальной школы. Мои глаза были прикованы к флагу, бурно развеваемому утренним ветром с Галилеи. Кроме знакомых звуков национального гимна мое сердце было

переполнено острым чувством гордости за то, что я — гражданин Израиля. Любовь к моей стране и готовность в любую минуту встать на ее защиту переполняли мое сердце.

Шли годы. Мы жили на севере Кирьят-Шмона, совсем рядом с ливанской границей. Однажды на переднем дворе нашего дома появился огромный бульдозер. Козы, утки и куры, обычно привольно бродившие по просторному двору, в ужасе бросились врассыпную перед громыхающей машиной. Наблюдая за бульдозером, роющим большую яму, я размышлял о тех проклятых траншеях в Европе, наполненных трупами мужчин и женщин, стариков и детей — трупами наших людей. «Никто и никогда не будет рыть таких траншей в нашей стране!» — поклялся я самому себе.

Но эта яма, как и все подобные ямы, вырытые в те дни в нашем городке, предназначалась совсем для другого. Вскоре туда опустили доски, железную арматуру и бетонные плиты. В конце концов все это превратилось в бомбоубежище — укрытие от воздушных налетов. Черную землю, которой засыпали бомбоубежище, скрыли тут же посаженные кроваво-красные анемоны — ветреницы, напоминавшие мне о крови евреев, погибших и погибающих под снарядами «катюш», которые летели на нас из Ливана.

Глядя на новую постройку, я думал: «Наши враги никогда не скрывали своей ненависти к нам. Если начнется очередная война, мы в Кирьят-Шмона первыми подвергнемся обстрелу. Звуки сирен будут загонять нас в бомбоубежища, как перепуганных кроликов. Побегу ли и я прятаться? Буду ли спасать свою шкуру, как все остальные? Нет, ни за что! Я буду сражаться! Я ни за что не позволю этим дикарям, этим язычникам снова причинить нам вред!» — торжественно пообещал я себе. «О Господи, зачем Ты вообще сотворил этих язычников? Неужели Ты не мог сделать их всех евреями? Разве не интересно посмотреть, как выглядел бы этот мир, если б его населяли одни евреи?»

Шабат (святая Суббота) и другие святые дни были для нашей семьи особенными. После субботней утренней молитвы в синагоге мы любили собраться вместе за праздничным столом, накрытым моей матерью и сестрами. Мы читали *киддуш*, традиционную субботнюю молитву освящения вина и хлеба — *йа 'ин* и *халы*. В этой благословенной атмосфере святости мы съедали традиционный поздний завтрак, состоящий из печеных картофелин, багровой свеклы и крутых яиц, которые потихоньку кипятились всю ночь и к утру темнели, словно от загара. На столе бывали и ломтики жареных баклажанов или тыквы, а иногда и приправленная красным перцем рыба. И никто, конечно, не отказывался от крепкого сладкого чая — он был непременной частью семейного завтрака.

Потом, когда отец уходил вздремнуть, а мать принималась за свои нескончаемые хлопоты обо всем и обо всех, я уходил на субботнюю прогулку по окрестным холмам. Там я любил собирать цветы, наблюдать за бабочками и лакомиться дикой малиной, инжиром и гранатами, росшими в долине. Я освежался холодной речной водой и бодрящим воздухом Верхней Галилеи.

На вершине холма Тель-Хай (Живой холм) находились могилы национальных героев. Все ощущения и запахи, которые я вбирал, гуляя там ранней весной, по-прежнему свежи в моей памяти, словно это было только вчера. Вспоминаю огромные эвкалипты, затенявшие крутую и извилистую асфальтовую дорогу; детей из ближайшего *киббуца* (ферма-коммуна в Израиле), управляющих тележкой, которую таскал по дороге длинноухий черный мул. И еще тяжесть корзин, доверху наполненных горькими маслинами, которые я приносил матери для засолки.

Пока я взбирался на этот холм, словно запятнанный кровью, в душе поднималась вереница взволнованных мыслей и чувств. Дело в том, что именно здесь, на холме Тель-Хай, я навещал своего старшего друга, героя по имени Трумпельдор¹. Склонив голову в великом почтении, входил я на это военное кладбище. Мертвые, стоны которых,

казалось, поглотила черная земля, были для меня примером патриотизма и горячей любви к Родине. Я просто не мог не думать об Иосифе Трумпельдоре и его легендарных последних словах: «Хорошо умереть за свою страну!» Он не прорычал эти слова, как лев, каменное изваяние которого воздвигнуто на его могиле; нет, скорее уж, он с мучительным вздохом прошептал их на своем смертном ложе. Эти слова начали звучать в его сердце, когда он вел плуг на полях Тель-Авива, вел своей единственной рукой; и по сей день эти слова снова и снова находят отклик в самых потаенных уголках души каждого еврея.

¹ Иосиф Трумпельдор (1880—1920) — род. в России, был первым евреем, получившим офицерский чин при Порт-Артуре; эмигрировал в Палестину в 1912 г., принимал участие в Первой мировой войне на стороне Великобритании; в 1919 г. вернулся в Палестину и начал создавать еврейские поселения в северо-восточной части страны, которая находилась под французским правлением; был убит во время столкновения с французскими административными войсками у колонии Тель-Хай. — *Прим. ред.*

Восемь героев пали на этих полях, и в их честь назван Кирыят-Шмона. Возможно, я жив сегодня только благодаря пролитой ими крови. Если бы эти восемь героев Тель-Хая не принесли себя в жертву на алтаре национального возрождения, может, тогда мне пришлось бы родиться и расти на чужой земле?

Каждый мой приход на это место пробуждал глубокие мысли и неразрешимые вопросы. Каково жить евреям среди язычников-антисемитов? Почему еврейский народ был преследуем с такой жестокостью во время его изгнания? Почему вообще мои предки покинули свою родину? Почему они оставались в изгнании столько лет, почему вернулись только теперь?

Раввины учили нас, что причиной первого семидесятилетнего изгнания с родной земли были наши грехи — «идолопоклонство, кровосмешение и кровопролитие». Они говорили, что из-за нашей «беспричинной ненависти» мы были уведены из родной страны на последние две тысячи лет. На кого же была направлена эта «беспричинная ненависть»?

Почему мы не вернулись раньше, чтобы покорить пустыню, заставить одичавшую страну расцвести, как роза, и сделать бесплодную землю радостной? Почему не пришли мы раньше, чтобы высушить зараженные малярией болота долины Хулах? Земля, дарованная нам Богом, превратилась в обитель шакалов, мы были рассеяны по другим странам и брошены на милость всех тамошних язычников (см. Ис. 35 гл.). Почему Бог решил привести нас домой именно теперь? Неужели искупление Израиля начинает воплощаться в жизнь прямо здесь и сейчас, на наших глазах? Неужели мы действительно — последнее поколение рабов и первое поколение спасенных? Что же, мы чем-то лучше или святее наших предков? Чем мы заслужили эту честь — быть «началом спасения», как учили нас раввины? Как это вышло, что и я стал частью этого поколения?

Из всех людей почему именно я? Как получилось, что мы были наконец допущены к жизни в стране, которая до сих пор считалась страной, «пожирающей своих обитателей»? Изгнал ли нас Сам Господь Бог — или эта земля возненавидела нас и исторгла из себя? Есть ли на лице земли другой такой род человеческий, который дважды был изгнан с родины, но оба раза вернулся, чтобы разбудить спящий дух и возродить омертвевший язык? Кого благодарить и почитать за возвращение? Теодора Герцля? Лорда Бальфура? Хаима Вейцмана? Давида Бен-Гуриона?¹ Или на самом деле мы должны благодарить Всемогущего Бога Израиля, Который изгнал нас из нашей страны за грехи наши и Который, оставаясь верным Своим давним обещаниям, великодушно вернул нас домой?

¹ Теодор Герцль (1860—1904) — основатель современного сионистского движения, движения за возвращение евреев в Палестину, за предоставление государственной автономии; получил образование в университетах Вены и Берлина. Разработчик первой программы массовой эмиграции евреев «Земля обетованная»; организатор Первого сионистского конгресса (Базель, 29 августа 1897 г.). Его называли новым Моисеем на Западе; в 1904 г. его останки были перенесены в Иерусалим.

Артур Джеймс Бальфур (1848—1930) — английский государственный деятель и сионист; будучи министром иностранных дел, в 1917 году направил историческую декларацию, выражавшую поддержку Англией идеи создания в Палестине Еврейского национального дома.

Хаим Вейцман (1874—1952) — профессор, химик, один из лидеров сионистского движения, на первом этапе возглавлял группу русских сионистов, но был сторонником дипломатического решения вопроса о переселении; в 1920 г. был избран президентом Всемирной сионистской организации; в 1948—1952 гг. — президент Израиля.

Давид Бен-Гурион (1886—1973) — первый премьер-министр Израиля, один из лидеров сионистского движения. 14 мая 1948 г., с момента окончания действия мандата Великобритании, им была провозглашена Декларация о Независимости; во временном правительстве занимал пост премьер-министра и министра обороны Израиля.

Все эти вопросы, затрагивающие самую суть нашей жизни, поражали меня своей таинственной силой. Почему с вершины Тель-Хая рычит каменный лев, и к кому обращен этот беззвучный рык? Бросает ли он вызов ненависти и злобе наших врагов, которые смотрят с Голанских высот на наши молодые поселения, на наше возрожденное государство? Или этот лев — Боже упаси! — поднимает свою голову в открытом вызове Господу, Который позволил язычникам тащить нас к виселицам, как овец на бойню? И вообще, в чем заключался наш ужасный грех, послуживший причиной страстной ненависти к нам всего мира? Кто еще поднимется на нашу страну в будущем, чтобы наказать наших потомков?

Я смотрел на покрытую снегом гору Хермон, возвышавшуюся над далеким горизонтом, и на окружавшие меня зеленые просторы. Меня тревожил контраст между красотой природы и уродливостью истории. В тот далекий День Памяти я стоял, руки по швам, под приспущенными флагами, размышляя о жестокости христиан и задавая себе вопрос: где же был Бог, когда нацисты беспощадно уничтожали нас? Здесь, на Тель-Хае, я сидел в тиши, погруженный в мысли о жгучей ненависти к нам арабов-мусульман. В синагоге я молился, спрашивая себя: что же это значит — быть евреем и как случилось, что Бог избрал именно нас среди всех народов Земли?

Я никогда не сомневался в существовании Бога, но не мог понять, почему и как Он позволил каким-то язычникам истреблять нас с такой жестокостью. Почему Он разрешил им нас убивать? Неужели Он избрал нас только для этой цели? Чего же хочет Бог, и почему так трудно Ему угодить?

Посреди кладбища на стене из обтесанных камней — надпись громадными черными стальными буквами:

«Кровью и железом пал Иуда,
Кровью и железом Иуда возродится!»

Как-то, глядя на эту надпись, я подумал: «Нам всегда приходилось пересекать вброд реки огня и крови. Даже сегодня мы вынуждены сражаться, проливать свою кровь, чтобы защитить родную страну, иначе наша земля снова попадет в руки врагов!» И вызывающая, еретичная мысль вдруг пронзила мой мозг: «Если это то, для чего мы были избраны, то не лучше ли было нам оставаться необрезанными, как все другие народы, живущие вокруг нас? Ведь последний язычник живет лучше, чем обрезанный еврей, которого до самой могилы преследует беспощадный меч!»

«Господи, помилуй! Прочь эти богохульные мысли! — осадил я себя. — Разве я не еврей? Я рожден евреем и никогда не должен осквернять себя таким кощунством! Да мне лучше сгореть живьем, чем подражать этим необрезанным язычникам, погрязшим в бесстыдстве и грехе!»

С раннего детства учителя привили нам чувство крайнего отвращения к презренным «эллинизаторам» и «обращенным», встречавшимся на протяжении всей истории евреев, к этим предателям-приспособленцам, которые избирали легкую и удобную жизнь среди язычников, предпочитая ее исполненной духовности еврейской жизни. Наши

наставники учили нас презирать тех, кто трусливо пытался избежать всевозможных преследований со стороны *гойим* (*гоев*, т. е. неевреев) и злого рока, подстерегающего ненавидимых всеми евреев.

Я пришел к мысли, что мы, евреи, являемся живым свидетельством существования Бога. Если бы и мы вели себя, как язычники, на земле не осталось бы никого, кто может нести миру свидетельство Единого Истинного Бога! Эти язычники, которые вроде бы мечтают избавиться от евреев, на самом деле пытаются освободиться от Самого Бога и подчинения Ему. На самом деле они тщетно пытаются свергнуть Бога с Его победоносного престола и незаконно узурпировать Его власть. Но разве и мы, евреи, в сущности, не стремимся к той же цели?

Чем, в самом деле, человек отличается от животного? Что отличает меня, еврея, от остальных тварей земных, от деревьев, от камней и океана? Разве язычник может увидеть во мне что-то особенное и притягательное? Побуждает ли язычников знак обрезания, запечатленный в моей плоти, к тому, чтобы попытаться узнать моего Бога и полюбить Его превыше всего существующего? Да и как им узнать, что я обрезан? В конце концов, это как-то не принято демонстрировать! И даже если язычники узнают, что от этого изменится? Может, *кипа* (головной убор иудея, закрывающий верхнюю затылочную часть), *цицит* (бахрома или кисточки на национальной одежде) и *пейсы* (хотя евреи их больше почти не носят) отличают нас от остального человечества и показывают, что мы — Богом избранный народ? Но если это так, то не должен ли наш внешний вид, отражающий внутренний смысл, вызывать у язычников ревность и побуждать к подражанию нам?

Несмотря на то, что я гордился своей национальностью, я не мог видеть в себе образец, достойный подражания любого человека, ищущего Бога Израиля. Приходилось признать, что я никак не могу служить примером человека, избранного Богом для просвещения язычников.

Может быть, если бы мой народ постарался быть морально чище других народов, язычники увидели бы в нас доказательство существования Бога? Но разве мы чем-то лучше? Даже если бы нам и удалось стать самым милым и приятным народом на Земле, разве язычники не стали бы злоупотреблять нашей добротой, используя наше радушное расположение? Что лучше — эксплуатировать или подвергаться эксплуатации? И скажите мне ради всего святого, кто знает ответы на все эти противоречивые и запутанные вопросы?

Тишина и спокойствие кладбища напоминали мне о торжественной тишине школьного двора во время церемонии, посвященной Дню памяти Катастрофы и Героев Израиля. Длинные ряды могил были похожи на длинные прямые шеренги школьников, стоящих по стойке «смирно». Невольно подумалось, что здесь, в темной земле Тель-Хая, совсем недалеко от Кирьят-Шмона, похоронены в основном молодые люди, почти дети. Конечно, дети Кирьят-Шмона никак не похожи на эти могильные камни. Они переполнены жизненной силой, их сердца бьются в ожидании лучшего будущего, в предощущении жизни в мире, не знающем страха — страха перед внезапным ревом низко летящего бомбардировщика или перед воем очередного снаряда, пущенного на нас из Ливана.

Долго ли нам еще идти по этой долине теней под страхом смерти, собирающей столь обильную кровавую дань? Верно, конечно, что этот драгоценный клочок земли принадлежал нашим праотцам, что его дал нам в наследие Сам Господь, обещавший нам эту землю. Но оправданы ли все жертвы, которые приходится приносить, чтобы владеть ею?

Что касается меня, я буду защищать эту землю до самого конца. Я буду закрывать ее своим телом, я не позволю врагу отнять ее у меня. Когда придет время идти в армию, я стану летчиком, на худой конец — воздушным десантником. Я любой ценой буду защищать любимую землю!

Беззвучный рык льва на могиле Трумпельдора отдавался эхом в растревоженном сердце, этот каменный монумент навсегда запечатлелся в детском мозгу. Наконец, оставив мертвых спать с миром, я поворачивал на юг по дороге, ведущей к дому.

Высокие пихты тянулись к светло-лазурному небу, птицы радостно распевали среди ветвей. Воздух был тих в этот час, и мне казалось, что даже ветер прекратил свой полет, чтя святую Субботу. Полевые цветы всех оттенков украшали обочину дороги: здесь были красные анемоны, оранжевые маки, золотые хризантемы, желтые ковры дикой горчицы, и все они наполняли воздух своими чарующими ароматами. Справа от меня вздымался хребет Нафталийских гор, на востоке виднелись далекие Голанские высоты, окрашенные бледно-голубыми тенями. Под ними я мог видеть сверкающие, словно сапфиры, рыбозаводные пруды плодородной долины Хулах. Я вдохнул в легкие чистый воздух, пытаюсь навсегда сохранить эти ощущения: восторг перед чудом творения, перед чудом того, что еврейский народ — мой народ — сумел выжить, пройдя через тысячелетия своей трагичной истории.

Внезапно нахлынули повседневные заботы, исторгнув меня из этого состояния мечтательной задумчивости. И все же осталось несомненное ощущение того, что быть евреем — это хорошо, пусть и нелегко.

Когда я вернулся домой, отец уже готовился возвращаться в синагогу: наступало время вечерней молитвы.

Глава 2. В местной синагоге

Субботним утром я любил шагать рядом с отцом в местную синагогу, находившуюся примерно на полдороге между домом и школой. Вместе с другими детьми я носился вокруг синагоги, забегал внутрь и пробегал ее насквозь и всегда заново восторгался высокими узкими окнами, украшенными звездами Давида. В те дни синагога казалась мне гораздо выше и больше всех зданий в округе. Впрочем, это так и было, потому что все остальные дома и впрямь были маленькими, тогда как синагога достигала высоты двухэтажного здания. Только много лет спустя, снова навестив Кирьят-Шмона, я понял, какой маленькой была она на самом деле.

Прямо напротив входа в синагоге стоял *Арон ха-Кодеш* (священный ковчег завета). Этот шкафчик, в котором хранилась священная *Тора* (Закон, Пятикнижие, т. е. пять книг пророка Моисея), был накрыт гладким, блестящим покрывалом из пурпурного бархата с вышитыми на нем золотыми львами. Воздух синагоги был насыщен резким запахом нюхательного табака, которым торговцы курами с близлежащего рынка щедро делились в честь общего праздника со всеми присутствующими. Табак брали из потемневшей от времени серебряной табакерки. Я тоже любил иногда к ней прикладываться, чихая громко и с большим удовольствием. Сладкий аромат розовой воды и мирта, стекавший на нас с галереи для женщин, смешивался с запахом горящих свечей. Таким был пьянящий аромат *Шабата*.

Когда же случалась *бар мицва* (церемония посвящения, во время которой еврейский мальчик становится *бар мицва*, т. е. «сыном закона»), и начинает нести личную ответственность за соблюдение Божьего Закона во всей полноте) или свадьба, на нас под ликующие крики детей и радостные возгласы женщин сыпался дождь разноцветных конфет. Дети и подростки нагребали целые пригоршни этого редкого угощения, выхватывали конфеты друг у друга, и эта возня усиливала общую радостную атмосферу.

Мужчины набожно распевали молитвы, давно заученные наизусть, а женщины махали разноцветными надушенными платочками. Празднество достигало своего апогея, когда героя дня — а им бывал жених или парнишка, только что прошедший церемонию *бар мицвы*, — призывали выйти вперед и прочитать отрывок из *Торы*: чтеца буквально забрасывали конфетами!

Эту синагогу посещала примерно сотня верующих, все — эмигранты из Ирака и Персии. Наши родители говорили на ломаном иврите, и мы, их дети, чувствовали себя по сравнению с ними высокообразованными людьми. Мы считали своим священным долгом поправлять их ошибки, учить их «настоящему израильскому ивриту». Но хотя в повседневной жизни взрослые говорили на исковерканном иврите, они не переставали удивлять нас быстротой своего чтения. Они так хорошо знали свои молитвенные книги, что нам казалось, будто они приходят в синагогу только для того, чтобы посостязаться в скорости чтения. Задолго до того, как я успевал опуститься на колени в честь Маген Аврахам (Защитника Авраама) в середине *амиды* (безмолвной молитвы-медитации), взрослые уже ее заканчивали и «запечатывали» молитву тремя шагами назад под ее последние слова «Осе Шалом» (Миротворец).

Став старше, я обнаружил, что не только мы, *сефарды* (евреи Средиземноморья и Среднего Востока), спешим поскорее закончить молитву. *Ашкенази* (европейские евреи) легко обгоняют нас в произнесении молитв.

Однако, когда я был ребенком, меня не удивляла та скорость, с которой взрослые читали молитву. В конце концов, все они были набожными, богобоязненными людьми и посещали синагогу с раннего детства. Молитвы были неотъемлемой частью их повседневной жизни. Естественно, каждый из них помнил *сидур* (молитвенник иудеев) наизусть и легко находил нужные места, а я лишь начинал знакомство с моим молитвенником. Отец, похоже, считал меня зрелым евреем с самого момента моего рождения и, видимо, ожидал от меня, что я буду знать *сидур* наизусть, полагая, что настоящий еврей с этим знанием рождается. Он никогда не считал нужным сидеть и учить меня, как пользоваться *сидуром* или как правильно молиться.

Что же касается меня, то я по своей детской простоте полагал, что для исполнения молитвенного долга достаточно бормотать красивые, но вроде бы бессмысленные звуки и слоги из священной книги. Молитва стала для меня обязательным обрядом, требующим трех посещений синагоги каждую субботу. Я ни разу не задумался о том, что истинная цель молитвы — создавать жизненно необходимый прямой контакт с живым Богом. Правда, нередко у меня появлялось желание замедлить чтение, чтобы понять смысл слов молитвы или чтобы оказаться наедине с Господом, Который, как я полагал по своей наивности, скрывается в *Арон ха-Кодеше*. Но в конечном счете всегда побеждало чувство локтя — я выучился спешить вслед за другими и так же, как и все остальные, «пробегал» тексты священных книг.

Я завидовал царю Давиду, герою моей юности, и думал: «Что если Давид оказался бы в нашей синагоге — неужели он тоже участвовал бы в бешеной гонке к *алейн*, заключительной молитве благословения? Ну нет, он наверняка стоял бы перед Господом Богом в благоговейном страхе и трепете, скорее всего, на коленях, в неторопливом размышлении перед Своим Творцом». К сожалению, местные посетители синагоги больше напоминали мне не Давида, а царя Шаула (Саула), потому что Шаул держался за свое славное прошлое, не понимая, что Бог его покинул. В ветхозаветные времена молящиеся напоминали Господу о Его милосердии по отношению к их предкам, о благословениях, которые Он посылал в далеком прошлом Своему народу, о жертве Ицхака (Исаака), предлагая Ему благоуханный аромат своих жертвоприношений. Но сейчас они мало что могли предложить Господу.

Я заметил, что вера в добродетели отцов играет, в сущности, центральную роль в религиозной философии современного иудаизма. Может, потому мы и почитаем их в своих молитвах, что не имеем за душой никаких добрых дел? Скорее всего, верующие, собиравшиеся в синагоге моего родного городка, и не подозревали, что Бог их праотцов, Бог Авраама, Исаака и Иакова — все тот же живой Бог, способный помочь сегодняшним верующим так же, как Он помогал людям прошедших веков. Они забыли и о том, что праведность и вера их праотцов никак не может спасти

непокорных Богу и грешных потомков, ибо сказано: «...каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление» (Втор. 24:16).

В те дни я не знал Господа, как знаю Его сейчас, но почему-то даже тогда у меня было странное ощущение, что Бог никогда и никуда не спешит и не торопится. Мне казалось, что Бог любит нас и хочет, чтобы мы к Нему приблизились, а мы, наоборот, отходим, бежим от Него, совершенно не осознавая Его любви. Меня тревожило, что прихожане синагоги вовсе не считали Бога своим любящим Отцом, а скорее, строгим и сердитым начальником, которого приходится умиротворять положенной дозой молитв.

Я же стремился к большему. Мне хотелось выразить свою любовь к Богу не одними словами, а делами. Но какими должны быть эти дела? Я знал, что Писания требуют от нас: «И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими» (Втор. 6:5), — но разве может кто-либо приказывать, чтобы его любили? Более того, как можно любить столь далекого от нас Бога? Достаточно ли для этого носить *цицит* и *кипу* или отрастить *пейсы* и длинную бороду? Не есть *некошерную* (нечистую с ритуальной точки зрения) пищу и строго соблюдать Субботу — достаточно ли этого, чтобы выполнить строгие требования Господа? Мне казалось, что Богу нужно мое сердце, а не мои одежды, или церемониальное *омовение рук*, или другие традиционные ритуалы, но тогда я еще не знал, как отдать Ему свое сердце.

Почему Бог был так далек? Почему Он скрывал от меня Свою любовь? Почему Он ни разу не открылся мне? Эти вопросы мучили меня постоянно. Я выходил из синагоги расстроенным, опустошенным, как будто прошел долгий путь, чтобы увидеться с любимым другом, а тот по какой-то причине не пришел на встречу. Мыслями, терзавшими меня в стенах синагоги, я не мог ни с кем поделиться, так как они казались мне еретическими. Я не осмеливался поведать их даже родному отцу.

Несмотря на атмосферу святости, царившую в синагоге во время субботних служб — чтения *Торы*, благословений раввина, пения и молитв, — моя жажда узнать Бога оставалась неутоленной. Я не находил там духовной пищи, и мне казалось, что, значит, ее нет нигде.

Когда *хазан* (духовный глава общины) поднимался на *биму* (возвышение) и продавал *мицвы* (свидетельства о праведных делах, которым придается духовное значение) тому, кто больше заплатит, предоставляя им почетное право открыть *Арон ха-Кодеш*, прочитать *Тору*, поднять и свернуть свиток *Торы*, я чувствовал себя почти оскорбленным, словно дом Господа моего превращался в вертеп разбойников, черный рынок святынь, — и это в святую Субботу!

Мне хотелось задать отцу трудные вопросы, мучившие меня: почему право чтения *Торы* и *мицвы* продаются таким образом? Разве нельзя просто поставить ящик для пожертвований у входа в синагогу, чтобы прихожане могли в любой будний день войти и опустить туда свой дар, не привлекая излишнего внимания, вместо того, чтобы демонстрировать свою «праведность» на публике? Ведь такой порядок унизителен для прихожан победнее. Разве бедняки менее достойны поклоняться Богу? Но, к сожалению, я держал эти мысли при себе.

В глазах отца, смотревшего на меня, я замечал печаль и понимал, что и его этот «аукцион» оскорбляет не меньше, чем меня. По праздникам бывало еще хуже, особенно на *Йом Киппур* (День Искупления), когда цены в синагоге подсакивали неимоверно. Неужели Бог любил Своих неимущих детей меньше, чем тех, которые могли участвовать в «аукционе», платя за привилегию читать *Тору* в синагоге? Мне казалось, что изменить людские традиции сложнее всего, что так будет всегда и что традицию часто считают более священной, чем само Священное Писание.

Что же до обычных субботних молитв, то родители, многое прощавшие своим детям, не делали никаких поблажек и не шли на компромиссы, когда дело доходило до чтения *Торы*. Мы, мальчишки, сидели рядом с отцом и в полной тишине почтительно слушали традиционное напевное чтение *Торы* и *Ха-фтара* (Книги пророков), хотя никто и не пытался объяснить нам смысл Писания. Чтение *Торы* считалось самой священной частью службы, и нас с раннего детства учили слушать чтеца с глубоким восторгом и благоговением.

Особенно помнится мне суббота, в которую читался отрывок *Торы* из книги Чисел. Одно за другим там назывались места рассеяния Израиля среди «диких» народов и племен, и в мыслях я уносился во все эти места изгнания детей Израиля — куда они только ни попали за два тысячелетия! Сегодня этот список был бы длиннее, чем во времена написания *Торы*, — ведь сейчас вряд ли можно найти такую точку на поверхности земли, куда не забрели бы евреи и где бы их не преследовали. И если бы кто-то захотел высечь названия всех этих мест на каменной плите, положенной у постамента каменного льва на Тель-Хае, то ему просто не хватило бы на ней места.

Что разбросало нас среди других народов и почему? В молитве *Таханун* (молитва, допускающая просьбу) мы признаем: «За грехи наши мы были изгнаны с родной земли». Какой же ужасный грех увел нас из родной страны на такое долгое время и сделал посмешищем для других народов?

В ту же субботу читался следующий отрывок из *Ха-фтара*, из Книги пророка Иеремии:

- 4 *Выслушайте слово Господне, дом Иаковлев и все роды дома Израилева!*
- 5 *Так говорит Господь; какую неправду нашли во Мне отцы ваши, что удалились от Меня и пошли за суетою, и осуетились,*
- 6 *и не сказали: «где Господь, который вывел нас из земли Египетской, вел нас по пустыне, по земле пустой и необитаемой, по земле сухой, по земле тени смертной, по которой никто не ходил и где не обитал человек?»*
- 7 *И Я вывел вас в землю плодоносную, чтобы вы питались плодами ее и добром ее; а вы вошли и осквернили землю Мою, и достояние Мое сделали мерзостью.*
- 8 *Священники не говорили: «где Господь?», и учителя закона не знали Меня, и пастыри отпали от Меня, и пророки пророчествовали во имя Ваала и ходили во след тех, которые не помогают.*
- 9 *Поэтому Я еще буду судиться с вами, говорит Господь, и с сыновьями сыновей ваших буду судиться.*
- 10 *Ибо пойдите на острова Хиттимские и посмотрите, и пошлите в Кидар и разведайте прилежно, и рассмотрите: было ли там что-нибудь подобное сему?*
- 11 *переменил ли какой народ богов своих, хотя они и не боги? а Мой народ променял славу свою на то, что не помогает.*
- 12 *Подивитесь сему, небеса, и содрогнитесь, и ужаснитесь, говорит Господь.*
- 13 *Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды.*
- 14 *Разве Израиль раб? или домочадец? почему он сделался добычею?*
- 15 *Зарыкали на него молодые львы, подали голос свой...*

(Иер. 2:4—15)

Внезапно этот отрывок из *Ха-фмара* напомнил мне рычащего каменного льва с холма Тель-Хай. «О чем думают молящиеся, читая все это? — размышлял я. — Вникают ли хоть отчасти в глубокий смысл этих тяжелых слов укоризны или просто проговаривают их, совершенно не понимая их значения?»

Глядя на тещу, я на минуту представил себе, что это сам пророк Иеремия стоит перед нами на возвышении и с мукой в голосе выкрикивает свое великое послание: «*Разве Израиль раб? или он домочадец? почему он сделался добычей?*» И я невольно подумал: «Видно, народ Израиля остается рабом. Ведь если бы мы действительно были детьми Великого Бога, то просветили бы весь мир, и все народы собрались бы вокруг нас со всех концов земли, так что даже неверующие, живущие по соседству с нами, увидели бы, что мы призываем имя Господне. Но если бы пророк Иеремия и вправду предстал перед нами сегодня, провозглашая: «*И учителя закона не знали Меня [Господа]*», то мы наверняка бросили бы его в тюрьму, как это сделали наши праотцы. Так чем же мы лучше них?»

Наконец тещу, покрытый белоснежным молитвенным покрывалом, бахрому которого была навита на его указательный палец, покинул возвышение. Он благоговейно поцеловал бахрому, помахал ею в сторону присутствовавших и благословил всех: «*Будьте благословенны! Будьте благословенны в Господе!*»

И я снова унесся в мыслях на кладбищенский холм Тель-Хай. Я словно видел перед собой Иосифа Галилеянина (Грумфельдора), его друзей — Якова Токера, Бениамина Мунтера и других. Почему-то я никак не мог себе представить этих пионеров заселения Израиля покрытыми молитвенными покрывалами и благословляющими верующих в синагоге словами: «*Будьте благословенны! Будьте благословенны в Господе!*»

А под конец Субботы, уж будьте уверены, они не стали бы обшаривать глазами вечернее небо, чтобы найти там три звездочки средней величины, появление которых позволило бы им наконец закурить свои сигареты. Их окружали запах чернозема и смрад болот, тела их пахли потом и кровью. Что двигало ими? Что связывало их с землей столь любимой ими страны? Что побудило их посвятить свои жизни ее защите и умереть ради нее мученической смертью? Ведь не за дело же религии они погибали!

Служба окончилась. Собравшиеся запели «Шир Хаккавод» («Гимн славы») и «Адон Олам» («Господин Вселенной»). Еще не закончив пение, они уже складывали свои молитвенные покрывала, прятали их в бархатные сумки. В синагоге повеяло духом мирской суеты. Субботняя святость внезапно исчезла, словно испарилась. Все собирались отправиться по домам, а Бога спрятали в Его ящик, можно сказать, оставили Его, одетого в пурпурную мантию, вышитую золотыми львами и украшенную серебряными гранатами, в священном ковчеге — пусть подождет нас до следующей субботы. Но Бог Всемогущий не живет в святилищах, сделанных человеческими руками. Он хочет жить в сердцах людей, созданных Им по Своему образу и подобию.

Постепенно я пришел к выводу, что синагога, собственно говоря, — не что иное, как своеобразный общественный клуб, членов которого объединяет только религиозная традиция. Людям свойственно увлекаться второстепенными религиозными ритуалами и всем тем, что способно отвлечь их от истинного приближения к Господу и поклонения Ему в духе и истине. Отсюда и соревнование на скорость чтения молитв в синагоге: молящиеся подсознательно стремятся заглушить тихий, едва слышный голос Господа, упрекающий их с любовью.

О, если б только мы решились посидеть перед Господом в тишине, в уединении, стараясь прислушаться к Его тихому голосу! Если б только мы молились, как царь Давид, сладкоголосый песнопевец Израиля: «*Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое; испытай меня, и узнай помышления мои*» (Пс. 138:23). Тогда Он изменил бы наш образ мыслей, дал бы нам чистое сердце и обновил бы Свой Дух Святой внутри нас! Но, скорее всего, мы обнаружили бы, что

на самом деле не хотим ни чистого сердца, ни обновленного духа, да и вообще не имеем ни малейшего желания искренне служить Богу и поистине поклоняться Ему. Мы предпочли бы ограничиться необходимым минимумом, шепча лицемерные молитвы и соблюдая ритуалы, оскорбительные в глазах Господа, ибо все это ничуть не затрагивает сердца.

Воистину испорчено и безнадежно нечисто сердце человеческое: оно готово соблюдать любую религиозную церемонию, лишь бы она не допускала, чтобы Господь завладел этим сердцем. Недаром пророки с такой силой обличали пустые, псевдорелигиозные ритуалы, традиции людей, не имеющие никакого отношения ни к воле Господа, ни к Его Духу.

- 12 *Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы топтали дворы Мои?*
13 *Не носите большие даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие — и празднование!*
14 *Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их.*
15 *И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови.*
16 *Омойтесь, очиститесь; удалите злые деянья ваши от очей Моих; перестаньте делать зло;*
17 *научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову.*
18 *Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю...*

(Ис. 1:12—18)

Должен заметить, что образом жизни и моральными устоями неверующие евреи на самом деле не особенно отличались от людей вроде бы религиозных — разница проявлялась только в соблюдаемых ими обычаях. Набожные носили *тефиллин* (или *филактерии* — маленькие кожаные коробочки, в которых хранятся отрывки из священных книг; следуя традиции, еврейские мужчины ежедневно надевают такие коробочки на лоб и на плечо во время утренней молитвы), по субботам они ходили в синагогу. Люди же неверующие по субботам толпой отправлялись отдохнуть на природе в Верхней Галилее либо на Киннерете (Галилейское море, оно же Геннисаретское озеро).

Постепенно я пришел к убеждению, что настоящее служение Господу заключается далеко не в одних религиозных ритуалах. Я спрашивал себя: «Неужели Богу и вправду угодно, чтобы евреи трижды в день обращались к Нему с бессмысленной болтовней, зачастую на непонятном им самим языке? Неужели Он не предпочел бы, чтобы Его возлюбленные дети приходили к Нему с простыми, идущими от сердца словами, каждый со своими собственными, сказанными в присущей ему манере, вместо того, чтобы повторять слова какого-то незнакомого им поэта, написавшего свои стихи пятьсот или более лет назад на древнем, почти забытом языке?» Как мне хотелось высказать эти мысли вслух! Но кто бы стал слушать глупого мальчишку?

По окончании службы мы возвращались домой. Отец, человек очень эмоциональный, но по природе скрытный, шел медленно, заложив руки за спину, он редко высказывал свои мысли, предпочитая наблюдать и размышлять об увиденном.

Глава 3. Семья и дом

По пути из синагоги домой мы проходили мимо ручья, где мама по будним дням стирала белье. Этот ручей, вытекавший из подножия Нафталийских гор, был для нее и школой, и синагогой. Здесь она училась справляться с трудностями повседневной жизни, и учеба эта давалась нелегко. Здесь она, стоя в воде, топтала босыми ногами белье, как виноград в давяльне; с печалью в глазах, но с благостью в сердце она обращала к Господу свои безмолвные молитвы. Казалось, в нежном шепоте родниковых струй слышались вздохи ее души.

Маме приходилось заботиться о восьмерых детях, и я мог только поражаться, откуда у нее брались силы нести это бремя одной, да притом одаривать нас таким теплом, такой любовью. Рано утром я помогал ей отнести грязное белье к источнику, а на закате — доставить его, свежестыранное, домой. В свете заходящего солнца капельки пота сверкали на ее лице, как алмазы. Она никогда не жаловалась, не ворчала, но без усталости трудилась, не думая о своих собственных нуждах и желаниях.

Глаза моей матери научили меня безропотно принимать все, что бы ни принесла жизнь. Ее маленькая «синагога у ручья» была совершенно непохожа на большую и богато обставленную отцовскую, но для меня она была не менее святой.

Я вспоминаю *ямим нораим* (десять дней благоговения) перед *Йом Киппуром*, когда мы ходили к ручью для традиционного обряда *ташилх* — символического выбрасывания наших грехов в воду. Мне кажется, мама исполняла этот обряд день за днем круглый год, а не только перед большим праздником.

Когда-то отец привез из Персии (теперь это Иран) в Израиль свою семью, в которой уже тогда было пять детей и ожидали шестого. Когда маме пришло время рожать, ее отвезли в шотландскую больницу в Тиверии (Тивериаде) — там располагалось ближайшее к Кирьят-Шмона родильное отделение. И вот в раскаленный от жары июльский день на свет появился я — первый в семье мальчик-*сабра*, то есть уроженец Израиля. Меня нарекли Яковом. В дальнейшем родились еще две девочки, и в семье стало десять человек — восемь детей и отец с матерью.

Отец был портным и плетельщиком циновок, он научился этим ремеслам в Иране. По натуре человек скрытный и сдержанный, он всегда держался на некотором расстоянии от нас, от жизни семьи. Иногда я приносил ему на работу обед; он принимал его из моих рук без единого слова, как нечто само собой разумеющееся. Говорил он мало и редко обращался к нам, детям.

Однако отец делал все, чтобы обеспечить свою семью. Много лет он работал на стройках, но всегда мечтал приобрести независимость и завести собственное дело. Помню, одно время он держал зеленую лавку на рынке под открытым небом в Кирьят-Шмона — это предприятие, мягко говоря, не имело большого успеха. То же можно сказать о ресторане, который он много позднее открыл у центрального автовокзала в Тель-Авиве. Как-то так выходило, что предпринимательское счастье не улыбалось моему отцу. Все средства, которые он вкладывал в осуществление своей мечты, уходили на множество первоначальных расходов, а прибыли почти не приносили.

Так что, несмотря на все искренние усилия отца нас обеспечить, весомая доля бремени по ведению хозяйства и поддержанию жизни семьи ложилась на хрупкие плечи матери. День и ночь она трудилась уборщицей в чужих домах. Меня это никогда не смущало, я не видел в том ничего постыдного. Мама трудилась с восхода до заката, а мы, дети, как могли, помогали ей. Вспоминая те годы, я жалею только о том, что не помогал ей больше.

Наша семья из десяти человек жила в полутораконатной квартирке на самой северной улице Кирьят-Шмона. Каждый вечер нам приходилось раскладывать на полу матрасы — квартира превращалась в сплошное поле матрасов.

Мы ворочались, вертелись, укладывались на них и так и эдак, пока не засыпали одной большой и счастливой кучей. Никто никогда не жаловался на тесноту. И вот удивительно: современные семьи имеют по отдельной комнате на каждого ребенка и все равно жалуются на тесноту!

В долгие холодные зимние вечера в Кирьят-Шмона в середину комнаты ставили горящую керосинку, и мы, дети, собирались вокруг нее под огромным одеялом. Мама садилась в центр, как наседка, собирающая своих цыплят под крыльях, и рассказывала нам о своей жизни. Одним из любимых нами рассказов была история о том, как они с отцом эмигрировали из Персии.

«Когда мы сошли с самолета в аэропорту «Лод» (Международный аэропорт имени Бен-Гуриона), люди из Еврейского миграционного агентства погрузили нас и других репатриантов на большие грузовики и повезли на новое место жительства.

Вдруг, когда мы проехали уже с полдороги, наш отец заподозрил неладное. «Очень уж долго едем», — решил он. Хотя он совершенно не представлял себе географии Израиля, здравый смысл подсказывал ему, что нас, чего доброго, завезут слишком далеко от столицы. Он поднял крик, стал барабанить в стенки и пол нашего фургона, требуя объяснить, куда нас везут. Водитель сумел уговорить и утихомирить его и так довез нас до самого севера страны, до поселения Хальса, ныне известного как Кирьят-Шмона».

Каждая новоприбывшая семья получила в качестве жилья маленькую будку, обитую листовой жестию, а для приготовления пищи — керосинку с коптящим фитилем. Затем керосинку сменил более современный, но более шумный и гораздо более опасный примус, также работавший на керосине. Кроме того, нам выдали несколько шерстяных одеял и продуктовые карточки на каждого, позволявшие приобретать в местном магазине некоторые основные продукты. В то время наше государство, наводненное потоком репатриантов, старалось растянуть свои скудные ресурсы, чтобы обеспечить минимальный паек питания каждому новоприбывшему. Каждый из нас получал в неделю два свежих яйца, немного растительного масла, муки, сахара, сухого молока, яичного порошка, кокозина (белый жирный маргарин из масла кокосовой пальмы) и около двухсот граммов говядины на целый месяц. Несколько позже стали выдавать рыбное филе, ввозимое из Скандинавии, и долгое время оно было для нас единственным источником белка.

У беременных женщин, долгие часы простаивавших перед продуктовой лавкой, чтобы отоварить недельные карточки, иногда из-за крайнего истощения случались выкидыши. Казалось, мы живем на самом краю света. За пределами нашего поселка мы могли видеть лишь огни арабских деревень через границу с Ливаном. К югу от нас начинались Хулехские болота. Через них, извиваясь как змея, шла узкая асфальтовая дорога, связывавшая Верхнюю Галилею с далекой Тиверией — еще одним северным городом Израиля, который, впрочем, казался нам дальним югом.

Отец с моими старшими братьями и сестрами отправлялся на работу — пропалывать газоны перед домами *ашкенази*, которых в Кирьят-Шмона было совсем немного по сравнению с *сефардами*. В те дни это называлось работой на общественных началах. В конце концов, никто не мог платить за работу, ни у кого не было денег. Да и кому они нужны были, деньги? Получить пищу можно было только по карточкам, и они были для нас дороже золота. Тогда нельзя было заплатить за продукты деньгами, и никаких товаров, кроме выдававшихся по карточкам, просто не было. Черный рынок почему-то еще не добрался до «дальнего севера», до Кирьят-Шмона, хотя в больших городах он процветал.

В сотый раз мама спрашивала нас: «Рассказать, как я повстречала вашего отца?» И хотя мы, разумеется, уже знали эту историю наизусть, нам никогда не надоедало снова и снова слушать рассказ о зарождении нашей семьи.

«Однажды в Тегеран, столицу Ирана, приехал на осле молодой человек. Он прибыл в большой город из деревеньки Демованд, затерявшейся где-то далеко в высокогорье Персии. Еще в молодости потерял он родителей, и в родной деревне ему не на что было особенно рассчитывать. Поэтому он оседлал своего осла и отправился в столицу в надежде добиться лучшего будущего. В те времена на подобное решались очень немногие!

Так вот, этот молодой человек снял комнату в доме моих родителей. Он постоянно преследовал меня взглядом. По вечерам он швырял камешки в окно, чтобы привлечь мое внимание. Родителям не очень-то нравился мой ухажер, но он упорствовал и в конце концов завоевал мое сердце. Вот так молодая и привлекательная учительница французского стала женой этого необразованного молодого деревенского нахала. А потом и вашей мамой...»

Не раз замечал я в тоне этого рассказа легкую задумчивость. Ведь моя мать могла выйти замуж за доктора или адвоката, за кого-нибудь с более высоким положением в обществе или образованием, а ей пришлось довольствоваться таким простым человеком, как мой отец. И все же я благодарю Бога за то, что она вышла за него — ведь иначе я был бы не я. Честно говоря, у меня нет никакого желания быть кем-то другим!

Еще я помню Лупу, деревенского дурачка. Это был одинокий, бессемейный румынский еврей, переживший Катастрофу. Он с трудом говорил — заикался, жил в крошечной темной клетушке неподалеку от нас. Скучное пропитание он зарабатывал, пася овец своего владельца на окрестных холмах. Каждый вечер на закате мы могли издали слышать звон колокольчика, болтавшегося на шее первого барана, за которым с громким бляением плелась вся отара. Мы слышали и раскатистый рокот — «Р-р-ррр!», — которым Лупу направлял стадо в загон. На эти звуки мы сбегались к большой отаре, перед которой шагал Лупу; каждый из нас выбирал себе овцу и садился ей на спину, как на осла. Бедняга пастух осыпал нас сочной румынской бранью, а мы только хохотали в полном восторге. Лишь спустя несколько лет мы узнали о его трагическом прошлом и больше никогда не насмехались над ним.

Однажды ночью загорелась соломенная крыша соседского амбара. Огромные языки пламени вздымались к небу, пожирая все, что могло гореть, и распугивая по окрестности обезумевший скот. Между нашим домом и амбаром был пустырь, поросший колючим кустарником, так что мы все выскочили на двор с резиновыми шлангами, поливая водой полыхающие заросли, чтобы огонь не перебросился на наш двор.

Раньше на месте этих буераков росли виноградные лозы и яблони. Помню, мой старший брат, будучи по натуре лицемером, строго запрещал нам срывать яблоки прежде, чем они созреют, но настоять на соблюдении этого запрета ему никак не удавалось.

В ту пору, до наступления эры стальных дверей и хитрых замков, все дома стояли открытыми. Открыты были и наши сердца. Каждый мог зайти в любой дом и выйти из него в любое время дня и ночи, и все мы были одной большой семьей, и в радости, и в горе. Никто не был богаче своего соседа. Это было настоящее братство бедняков без зависти и раздоров. Эти пороки человеческой природы стали нам известны лишь много лет спустя, когда и до нас добрался «прогресс».

Когда мне было десять лет, моя сестра Зива и я решили внести свой вклад в семейный котел. В первый день летних каникул с восходом солнца мы отправились в ближайший *мошав* (сельскохозяйственный кооператив), чтобы подзаработать на сборе яблок. Весь день мы трудились с большим прилежанием. Вечером, когда мы подошли к

бригадиру, чтобы получить заработанное, он заплатил нам ровно столько, сколько стоили билеты на автобус до дома. Правда, он разрешил нам взять с собой столько яблок, сколько мы могли унести, и с тем отправил восвояси. Я, десятилетний ребенок, был глубоко обижен таким обращением.

Вообще-то, вспоминая о детстве, я не испытываю чувства тяжести, у меня нет осадка горечи или обиды на события того времени. Скорее наоборот — ведь тогда мы были удивительно чисты и наивны. Наши потребности были крайне скромны, мы довольствовались тем, что имели. Если между нашими родителями и бывали какие-то разлады, они скрывали их от нас, детей. Свои трудности и невзгоды они держали при себе, а нам позволяли прожить детство настолько счастливо и беззаботно, насколько это было возможно. Оглядываясь назад, я думаю, что, если бы мне довелось начать жизнь заново, я бы ничего не стал менять.

Глава 4. Переезд в город

Однажды вечером у наших ворот раздался знакомый треск мотоцикла. Мой старший брат Шмуэль, недавно демобилизованный из ВВС и работавший авиатехником в аэропорту «Лод», приехал домой с радостной вестью: мы переезжаем в Холон, в большой город! Отца эта новость не слишком вдохновляла, но мама, для которой на первом месте всегда стояло благополучие семьи, все же смогла его убедить. Моего мнения, конечно же, никто не спросил. В конце концов, я был всего лишь ребенком, даже еще не *бар мицва*.

Снова все наши пожитки погрузили в машину. Вся семья, кроме старшей сестры, которая уже была замужем и решила остаться с мужем в Кирьят-Шмона, отправилась на юг.

Наконец мы оказались в доме нашей мечты. Это был новехонький четырехэтажный дом, совершенно чистый, отмытый добела. С раскрытыми от восторга ртами мы взобрались по лестнице на третий этаж и вошли в нашу новую квартиру. Подумать только, у входной двери имелся дверной звонок — восхитительная для нас новинка, а туалет нас просто очаровал: больше уж нам не придется бегать в уборную на двор, как в холодные дождливые ночи в Верхней Галилее! Выходившее на балкон большое окно со шторами, которые поднимались и опускались с помощью шнура, — еще одно невиданное чудо техники. Теперь у нас было попросторнее: две спальни и общая комната. Да и семья наша уменьшилась, поскольку замужняя сестра жила отдельно.

В те далекие дни я был неискушенным провинциальным мальчуганом, впервые в жизни попавшим в большой город. Все в нем казалось чудесным, восхитительным, необычным, новым и таким огромным — здесь имелся даже настоящий океан! Вместо угрожающего свиста реактивных истребителей «Мираж», часто пролетавших над Кирьят-Шмона на пути в Ливан или Сирию, теперь мы слышали громовой гул больших пассажирских и транспортных лайнеров, прямо над нашими головами летевших на посадку к расположенному поблизости аэропорту. В темном вечернем небе сверкали их посадочные огни, сладко волнуя мою юную душу.

В начальной школе, куда я теперь ходил, я познакомился с детьми, весьма непохожими на тех, что остались в Кирьят-Шмона. Однажды один из этих сорванцов задумал подшутить над учителем и взорвал прямо в классе какое-то вонючее вещество. Тогда наш преподаватель Священного Писания просто поплотнее закрыл окна, запретил их открывать и покинул класс, оставив нас дышать этой вонью.

Несмотря на это, я полюбил этого учителя, которого звали Майер Цубари. Он умел вдохнуть жизнь в ветхозаветные истории и сделать их для нас настолько реальными, что мы невольно представляли себя на месте героев. Я был абсолютно уверен, что он знает Писания наизусть. Но другие уроки я не особенно любил, кроме, может быть,

физкультуры и сельского хозяйства. Самым неприятным в годы учебы было приготовление домашних заданий, но изучение Писаний я всегда любил и не мог дождаться начала занятия. С раннего детства Священное Писание притягивало меня к себе, и до сих пор я люблю изучать его подробно и обстоятельно. Спасибо Вам, господин Цубари!

В год нашего переезда в Холон мне исполнилось 13 лет, и я прошел церемонию *бар мицвы*. В тот же год я начал посещать собрания молодежного движения «Ханоар Ха-овед» («Рабочая молодежь»; сейчас оно политически связано с Лейбористской партией Израиля), а через год — собрания «Ха-Шомер Ха-Цаир» («Молодая Гвардия», левое молодежное движение). Эти сборища мне очень нравились. Но в то же самое время я начал захаживать и на танцплощадки, где наблюдал, как старшеклассники из нашей школы вовсю ухлестывают за девочками из моего класса. Постепенно я стал входить во вкус такого времяпровождения.

Переход из замкнутого мирка синагоги в Кирьят-Шмона в светский водоворот Холона, к открытым пляжам и шумной жизни большого города оказался для меня настолько захватывающе-драматичным, что я вскоре отошел от религии. Сам-то я тогда не придавал этому особого значения, но должен признать, что родители мои совсем не одобряли эту перемену.

Поскольку в Холоне не было выбора, мы начали посещать синагогу *ашкенази*, но там мы не чувствовали себя уютно, нам недоставало привычного *канторского* пения в персидском стиле.

Через несколько лет мы переехали из многоквартирного дома в маленькую двухкомнатную квартиру с небольшим садиком у входа. Она находилась в одном из беднейших кварталов города. По мере возможности мы прикупали к ней соседние комнаты, постепенно превратив маленькую квартирку в анфиладу комнат. В этом районе жило немало средневосточных евреев, и неподалеку от парка мы обнаружили персидскую синагогу.

Однако вскоре после этого я совсем перестал ходить в синагогу.

Однажды утром, на *Рош-Хаиана* (еврейский Новый год), когда мне было шестнадцать лет, я отказался встать и идти в синагогу. Мой брат, рассердившись, раздраженно крикнул: «Если ты больше не чувствуешь себя членом нашей семьи, убирайся из нашего дома!» Никто не думал, что я пойму его буквально, но именно так я и поступил. Вскочил с постели, натянул джинсы, красную футболку, обулся в кроссовки и впервые в жизни покинул родной дом.

Я отправился в путь, не имея ни копейки за душой и ни малейшего представления о том, куда идти и что делать. В одной лавке я стянул (первая в жизни кража!) арбуз, расколол его о край тротуара и утолил жажду и голод. Потом отправился на юг автостопом до одного *киббуца* в северной части Негева, где жила другая моя сестра. Она покинула дом несколько раньше, поссорившись с отцом: не могла примириться с его властным характером и запретами. Конечно, я не мог ей сказать, что убежал из дома! Так или иначе, но сестра искренне мне обрадовалась. Я переночевал у нее, наутро, взяв рюкзак и складной нож, «одолжив» кое-какие продукты на кухне *киббуца*, продолжил свое путешествие на юг.

Вскоре я примкнул к группе длинноволосых, неопрятно одетых хиппи, слонявшихся по пляжам Эйлата. Здесь я научился курить (до того я не знал вкуса табака) и связался с такими типами, с которыми приличный человек не захотел бы встретиться ночью в темном переулке. Днем и ночью они валялись в гамаках, одурманенные наркотиками, лениво распевая бесконечные монотонные песни. Они прибыли в нашу страну из-за границы и, будучи от природы лентяями, не сумели устроить свою жизнь в Израиле. Я помог им собрать в брошенных хибарах асбоцементные плиты и построить из них маленькие будки на пляже, напоминавшие собачьи конуры. Со временем мы построили в роще у отеля «Красная скала» в Эйлате настоящий городок.

Бывали ночи, да и дни, когда я мог видеть, как хиппи-наркоманы страдают от болезненной «ломки». Мое сердце просто разрывалось, когда я слышал, как часами они отчаянно стонали: «Кто-нибудь, ну пожалуйста, дайте немного

опиума!» Правда, я и сам попробовал этой отравы, но вскоре пришел к удивительно разумному, учитывая мое окружение, решению: никогда не употреблять наркотики.

Однажды ночью полиция устроила в этом районе облаву, надеясь найти преступников, совершивших на нашем пляже крупную кражу. Было темно, и я лежал в своей тесной асбоцементной конуре, когда полицейский внезапно вошел и направил в мои сонные глаза яркий луч фонаря. Хотя я не участвовал в краже, но оказался одним из подозреваемых. Полицейский потребовал назвать имя. Когда я назвал, несколько полицейских накинулись на меня с криками: «Так ты и есть тот самый Яков Дамкани, которого ищет вся страна? Как же ты мог так поступить со своей матерью? По радио только что передавали твое имя в списке пропавших без вести!» Меня сразу же поместили в камеру предварительного заключения в полицейском участке в Эйлате. На другой день за мной приехали родители.

В Эйлате они оказались впервые за все время жизни в Израиле, и мне захотелось повести их на берег — показать, какую жизнь вел здесь их сын. Я сказал: «Пойдемте, я покажу вам то самое место, где сыны Израиля пересекли Красное море по обнажившемуся морскому дну». На самом деле это случилось совершенно в другом месте, но я думал, что ссылка на *Танах* (Ветхий Завет) расшевелит их любопытство и пробудит интерес, ради чего я и отважился на подтасовку исторических и географических фактов. Однако, к моему разочарованию, они не проявили ни малейшего интереса! Их совершенно не интересовал ни осмотр местных достопримечательностей, ни посещение исторических мест. Все, о чем они заботились, было единство и благополучие семьи.

«Как чудесно было бы, — думал я, — насладиться тишиной, купанием и солнцем в этом краю вечного лета, если бы родители остались здесь со мной хоть на денек!» Но они ни на час не пожелали задержаться в Эйлате. Мы сели на первый же идущий на север автобус, и, к моему огорчению и полному разочарованию, меня доставили домой.

Только позднее я узнал — конечно, от других людей, — как сильно страдала моя мать в долгие месяцы моего отсутствия. Охваченная отчаянием, она обходила улицы города, плача обо мне, как плачут о погибшем ребенке: «Яков, сынок, где же ты? Яков, сынок, дорогое мое дитя, пожалуйста, прошу тебя, вернись домой!»

Вернувшись домой, я снова стал ходить в школу, на этот раз — в старший класс вечерней школы. Но теперь моя душа витала в других мирах, далеких и чарующих. Пока мое тело просиживало школьную скамью, мой дух наслаждался солнечными пляжами Эйлата. Успехов в учебе не было, так что в конце концов я бросил школу. И не только школу: я опять перестал посещать синагогу. Я проводил время то в Холоне, то в Иерусалиме, то в Эйлате. Иногда я заскакивал и домой, повидать своих. Так продолжалось до тех пор, пока не настало время идти в армию.

До того, как сбежать из дома в Эйлат, я дружил в основном со старшеклассниками вечерней школы. Вернувшись домой из «жемчужины юга», я стал водить компанию с парнями из окрестных трущоб, что дурно повлияло на мое поведение. К тому времени я работал независимым подрядчиком по сооружению стальных конструкций и мог самостоятельно планировать свое рабочее время. Я сам решал, когда мне работать, а когда гулять.

Тот образ жизни, который я тогда вел, повлиял не только на мое поведение, но и на образ мыслей, систему ценностей и приоритетов. Понемногу я стал забывать высокие чувства и мысли, когда-то пережитые у каменного льва на холме Тель-Хай.

Вновь начал я восставать против всяческих авторитетов: прежде всего против родителей, потом против учителей и раввинов. Дошло до того, что я стал рассматривать любого человека в форме как потенциального врага, с которым надо быть начеку. Я начал отрицательно относиться ко всем представителям власти и обладателям мундиров. Перемены в моем отношении к жизни происходили так медленно и исподволь, что я и не заметил, как пришел к полному неприятию самой мысли о том, чтобы надеть военную форму и пойти служить в армию.

Куда девался юный горячий патриот из Кирьят-Шмона, торжественно обещавший защищать свою землю и свой народ, как его герой Трумпельдор? И откуда взялся этот «принципиальный бунтовщик», глядевший теперь на меня из зеркала каждое утро?

Когда пришло время отправляться в армию, я явился на призывной пункт с тяжелой гривой кудрявых волос, падавших на плечи, с душой, полной отвращения и враждебности к существующей системе, которая использует «черных» (т. е. *сефардов*) в своих целях. Увы, моя демонстрация показательной «крутости» ни на кого не произвела впечатления.

Я принялся делать все, что в моих силах, чтобы вернуть утраченную свободу. «Я им не молокосос какой-нибудь», — решил я про себя. И уже на первой неделе курса молодого бойца я, зеленый салага, попросил увольнительную на вечер: одна из соседских девчонок выходила замуж, и я решил, что обязательно должен быть на ее свадьбе. Под изумленными взглядами других новобранцев мой непосредственный командир обложил меня кучей таких грязных ругательств, каких я никогда прежде не слыхивал. Безответно проглотить обиду я, конечно, не мог. Сразу же после команды «Разойдись!» я покинул лагерь и исчез на целых семнадцать дней.

В один из этих дней в три часа ночи я сидел с приятелем на лужайке под гуавой на нашем дворе. Как и многие другие парни нашего квартала, он сумел «откосить» от армии. Внезапно он насторожился. Ему уже приходилось иметь дело с военной полицией, и его натренированный слух уловил приближение полицейских, когда они еще только подходили к нашему дому. «Беги!» — рявкнул он. И я рванул, что было силы, стрелой перелетел соседский двор и исчез. Мой приятель продолжал спокойно лежать на траве, изображая полное безразличие. Он без сопротивления позволил полицейским надеть на себя наручники и увести в патрульную машину, чтобы я тем временем успел надежно скрыться.

Услышав шум, мой отец проснулся, вышел на двор и сразу понял, что уводят не того. «Тупые ослы! Это вовсе не мой сын! Он, должно быть, побежал вон туда!» — крикнул он полицейским, указывая в сторону соседского двора. Но я, разумеется, был уже далеко.

На семнадцатый день самоволки военная полиция схватила меня на пляже в Эйлате. Меня доставили к судье, который приговорил меня к тридцати пяти дням заключения в военном лагере для штрафников.

Еще «на гражданке» я усвоил от соседских парней один важный урок: никогда не позволяй властям отправить тебя в часть с призывного пункта без обследования у психиатра. На сборном пункте, откуда солдат рассылают по разным учебным лагерям, я отказывался откликаться на поверках, пока мне наконец не выдали направление к «психу». Только тогда я позволил им отправить меня в учебный лагерь артиллеристов в Самарии. С помощью нескольких друзей мне удалось убедить своего командира, что я негоден к военной службе. Когда я наконец попал к психиатру, почва была подготовлена. Кое-как отслужив полгода, я был демобилизован «по непригодности». К сожалению, тем и окончилась моя военная карьера.

Я все больше опускался. На *Йом Киппур* 1973 года, когда сирены возвестили о начале этой несчастной войны, я бил баклуши со своими приятелями на квартире одного из них в Холоне. Мы и не подумали спускаться в бомбоубежище. И пойти в синагогу в самый священный день еврейского календаря нам тоже не пришло в голову.

Где-то в глубине души я ощущал некоторую неловкость из-за того, что меня нет в такой день в синагоге, но ведь я уже давно понял, что синагога ничего не может мне дать. Дух протеста против всех и всяческих авторитетов, укрепившийся во мне, распространялся и на раввинов, и на их представителей. Конечно, я не знал тогда Бога и не хотел понимать, что обязан держать перед Ним ответ за свои поступки. «Ведь все мы грешны, — рассуждал я, — так почему

же из всех людей именно я должен отвечать за грехи?» Весь мой тогдашний мир заключался в стенах квартирки, где мы с приятелями сидели и точили лясы о том о сем.

Во время войны Судного дня¹ я стеснялся бродить по городу. Молодых мужчин нигде не было видно; кругом одни женщины, дети и старики. Все мужчины были на передовой, во всем ощущалась атмосфера военного времени. Всем сердцем я сожалел теперь о своем дурацком отказе служить в армии, как все. На самом деле я даже пытался с помощью брата записаться добровольцем на фронт, но на сей раз армия сама меня отвергла. Мне не оставалось ничего иного, как бесцельно бродить по улицам и взглядом избегать безмолвных вопросов, которые ясно читались в глазах прохожих.

¹ Война Судного дня — шестидневная война, связанная с освобождением Иерусалима и возвращением его евреям (1969 г.). — *Прим. ред.*

Глава 5. Я отправляюсь в большой мир

Шло время, и я понял, что больше так продолжаться не может. Единственный путь к наполненному и осмысленному существованию я видел в выходе за пределы своей крошечной страны. Я решил на временный отъезд из Израиля.

Мой брат Шмуэль, тот самый, который перевез нас в Холон, к тому моменту уже обосновался в Дании, в Копенгагене. Он поработал в авиакомпании «SAS», а потом открыл в центральной пешеходной зоне города ювелирный магазин. Я решил, что было бы неплохо навестить его. Так в один из холодных осенних дней я оказался в международном аэропорту Дании.

Я приехал всего на несколько дней, но мой визит затянулся на два месяца. За это время я понял, что Европа — не то место, где мне хотелось бы жить. По сравнению с темпераментными израильтянами датчане выглядели, как снулые рыбы. К тому же я понял, что мне вряд ли когда-нибудь удастся освоить датский язык.

В те дни я узнал о большом строительном буме в Австралии. Уже обладая некоторым опытом работы со стальными конструкциями и вообще в строительстве, я решил отправиться туда и быстро сколотить большие деньги. Однако у Господа Бога были для меня другие планы. Мой брат сообщил, что владеет клочком земли на острове Фрипорт в Багамском архипелаге. Он убедил меня вместо Австралии отправиться на Багамы и построить на его участке отель.

— Возьми себя в руки, стань, как все мы, твои родные! — в сердцах кричал на меня брат. — Мы всегда были такой дружной, сплоченной семьей! Почему ты живешь, как какой-то отщепенец? Шляешься повсюду, связываешься с дурными компаниями... И когда ты только повзрослеешь? Поезжай на Фрипорт. Я уверен: если мы все дружно объединим усилия, вложим деньги и энергию в стоящее дело, то еще оставим свой след в истории!

— Кстати, — добавил он, — там вообще сейчас много строят, так что ты найдешь, чем занять руки.

Шмуэль, как старший брат, чувствовал себя ответственным за мое воспитание, да и за мое поведение в чужой стране. Вполне естественно, что он пытался изменить мой образ жизни. Он снабдил меня документами, свидетельствующими о праве на владение участком земли, и посадил на поезд, идущий в Люксембург, где я сел на первый же самолет до Багам.

Когда мы приземлились в Насау, столице Багамских островов, миграционный чиновник спросил, сколько у меня при себе денег. В редком приступе честности я сказал ему чистую правду — что у меня всего-навсего семьдесят долларов. «И что же вы намерены тут делать с семью десятками зеленых?» — рассмеялся чиновник. Затем он поставил штамп в мой паспорт и сообщил, что отправит меня обратно первым же рейсом на Люксембург.

«Какой же смысл быть честным?» — подумал я и пробился к главному управляющему аэропортом. Я показал ему документы на землю, которыми меня снабдил брат, и представился бизнесменом, владеющим участком земли на Фрипорте. И еще я ему сказал, что намерен сделать капитальные вложения в экономику острова.

— На Фрипорте меня ожидают партнеры, — уверял я его. — Видите ли, в прошлый мой визит на этот остров меня ограбили, и теперь я предпочитаю не возить с собой много наличных.

Похоже, он мне поверил. Во всяком случае, управляющий исправил запись в моем паспорте. Ночь я проспал в открытом американском автомобиле на автостоянке близ аэропорта, а утром отправился на Фрипорт.

Попав туда, я взял такси и попросил темнокожего водителя отвезти меня к любой стройплощадке. Таксист посмотрел на меня, как на инопланетянина (что было недалеко от истины), и спросил, что я, собственно, имею в виду.

— Отвезите меня на стройку, я ищу работу! — проговорил я на ломаном английском.

— О чем вы говорите? — изумленно взглянул он на меня. — На наших островах уж сколько лет ничего не строят! У нас депрессия, нету никаких строек.

— Тогда выпустите меня! — приказал я, не желая тратить последние доллары на бесполезную поездку.

Выбравшись из такси, я огляделся вокруг. Остров казался каким-то неземным, настоящей драгоценностью в оправе океана. Аллеи, по которым я шагал, были обсажены пальмами и пышной тропической растительностью. Зеленые шеренги аккуратно подстриженных газонов и бесконечные клумбы тянулись по обочинам дорог и украшали дворы перед элегантными виллами. Повсюду журчали декоративные фонтаны. Неподалеку виднелся пляж с ослепительно белым песком, а за ним переливались воды океана от темно-синего до бирюзового. Все вокруг было до такой степени ярким, чистым и величаво-прекрасным, что казалось, я попал в Эдемский сад! Огромные американские автомобили бесшумно скользили по гладким автострадам. Словом, я мог воспринимать все окружающее лишь с почтительным трепетом и полным восторгом.

Вскоре я улегся на зеленой лужайке вблизи сверкающего белизной здания отеля. Под голову я сунул свой коричневый чемодан. Мысли так и роились в мозгу: «Какое великолепное место, прямо-таки тропический рай! С какими людьми я тут познакомлюсь? Что-то сейчас поделявают мои друзья, моя семья в далеком Израиле? Как найти участок, принадлежащий брату? И где мне сегодня ночевать?»

Я с упоением думал о трудностях и приключениях, ожидавших меня в этом большом и открытом мире. Как это здорово, высадиться в любой точке земного шара, научиться выживать и наслаждаться разными неожиданностями. Я предвкушал нескончаемые развлечения, такие же, как когда-то в Эйлате.

Два темнокожих, худых, весьма убого одетых человека спускались по улице с холма. Их лица говорили о нелегком труде, но и о том, что им не чужды радости жизни. Я обратился к ним, завязался разговор. Когда я сказал, что прилетел из Израиля, то по их озадаченным лицам понял, что они не имеют ни малейшего представления о том, где это. Они и слыхом не слыхивали об Иерусалиме.

Я спросил совета — где бы найти работу и жилье, — и в ответ услышал: «Не беспокойся! Идем с нами, и все будет в порядке!» Конечно, я принял это сердечное приглашение и присоединился к ним. Вскоре мы подошли к кварталу маленьких домиков с крошечным садиком перед каждым из них. К моему удивлению, эти парни залезли в один из домиков через окно. Дом был страшно запущенным, внутри стоял тяжелый запах. Новые знакомцы рассказали, что этот квартал когда-то заселяли негры, которых постепенно вытеснили, чтобы реконструировать этот район и заселить его белыми людьми. Пока же оставленные дома стояли заброшенными.

Ночью я спал хорошо, а на рассвете мы покинули эту хибару. Новые приятели привели меня к большой пекарне с булочной в промышленном районе города. «Эта пекарня, — объяснили мне, — как и все прочие предприятия на острове, принадлежит белому. Но все рабочие и продавцы здесь — черные, и они с нами дружат. Так что пошли. Сейчас мы пройдем через заднюю дверь и вынесем все что угодно, сколько руки захватят. Вот увидишь, никто даже не заметит!»

Мы вошли, а через минуту уже были на улице с охапками добра: свежие хлебы, пироги и всяческая другая выпечка. И действительно, никто и слова не сказал. Белый хозяин булочной отсутствовал, а его черные служащие душой были с нами заодно. Вот так мои новые друзья добывали свой хлеб насущный.

На острове Фрипорт было одно казино — только для белых. Пользуясь своей сравнительно светлой кожей, я иногда туда заходил. Денег на игру, конечно, не было, но меня захватывала сама атмосфера игорного дома. Как-то вечером, покидая игорный зал, я вдруг услышал арабскую речь. Оказалось, сюда зашли три матроса с ливийского танкера, бросившего якорь в гавани. Им предстояло прожить на острове три дня, и они пришли в восторг, встретив человека, умеющего хотя бы немного говорить по-арабски. Их отношение ко мне ничуть не изменилось, когда я признался, что приехал из Израиля. Напротив, они были рады пригласить меня поужинать в их отеле, и я охотно принял это приглашение.

Здесь я впервые увидел «сладкую жизнь» постояльцев пятизвездочной гостиницы. Один из матросов, Мухаммед, привел меня в свой номер, чтобы показать, как живут гости столь шикарного отеля. Я и не подозревал, что на свете существует такая роскошь. И как только невежда вроде меня из забытого Богом Кирьят-Шмона угодил в такое место? Мне казалось, что я попал в волшебную сказку.

Придя с новыми знакомыми на ужин в ресторан отеля, я опять попал впросак. Как вести себя за таким великолепным столом с бесчисленными серебряными приборами, с уймой роскошных фарфоровых блюд, с разноцветными тропическими напитками, подаваемыми в сверкающих хрустальных бокалах? Подавалось столько разных блюд, а я не мог толком справиться с ножом и вилкой, как подобает цивилизованному человеку!

Я терялся в догадках: кто же заплатит за все это изобилие? Но и тут все оказалось очень просто. Одному из моряков поднесли счет, он взял ручку и накарябал внизу неразборчивую подпись. Стоимость ужина будет автоматически включена в счет за проживание в номере. Удивительное дело! А кто же оплатит тот счет? Не волнуйся, сказали мне, богатое ливийское правительство заплатит за все, включая и мой ужин.

Да, такой образ жизни был мне по душе. Мое воображение работало с бешеной скоростью. Если это так просто — всего лишь расписаться на клочке бумаги, — то почему бы и не попользоваться?

Прошли три дня, настала пора моим ливийским друзьям выписаться из отеля и возвращаться на судно. На ломаном арабском, смешанном с ломаным английским, я сказал Мухаммеду:

— Вы уходите в море, и там вас никто не найдет. Почему бы тебе ради нашей дружбы не сказать портье, что ты потерял ключ от номера, и не дать мне возможность пожить в нем еще немного?

Идея Мухаммеду понравилась.

— Если будет угодно Аллаху, мы еще встретимся с тобой в мирном Иерусалиме! — сказал он. В его глазах светились надежда и вера в лучшее будущее.

Мы распрощались чуть ли не со слезами, и Мухаммед вручил мне ключ от своего номера. Я занял его и продолжал жить за счет ливийского правительства. Я смаковал каждую минуту такой жизни, наслаждаясь и прохладой плавательного бассейна, и ресторанным залом, и удобствами сервиса в номере. Я уже чувствовал себя почти как дома.

Примерно в то же время я встретил тех двоих чернокожих, с которыми познакомился в свой первый день на острове. Они все так же лежали на лужайке, где я их встретил впервые, как будто и не поднимались с нее. К моему удивлению, они вовсе не обрадовались нашей встрече, а когда я попросил отвести меня в тот дом, где я оставил свой коричневый чемодан, они ответили отказом. Похоже, в мое отсутствие они сами позаботились о моем чемодане. До сей поры я еще сохранял некоторую веру в порядочность человеческого рода. Однако теперь до меня дошло, что не везде и не от каждого встречного можно ожидать верности, взаимопомощи и братства. Когда-то я на свои скудные средства купил им по гамбургеру, а они теперь в упор меня не видят!

Однако выбора не было — нужно было выручать чемодан. Применив «умеренное физическое воздействие», я заставил их отвести меня туда, где были спрятаны мои пожитки. Оттуда я вернулся уже без всяких иллюзий, разочарованный нечестностью этих неблагодарных, вернулся в «мой» пятизвездочный номер, где честный человек вроде меня мог обрести душевный покой!

Шли дни, все было замечательно, пока однажды вечером портье не подозвал меня к своей конторке и не спросил, а кто я, собственно, такой.

— Меня зовут Ахмед Али, — неожиданно для самого себя ответил я и пояснил, что я — член команды того самого ливийского танкера.

— Но ведь уж неделя, как они съехали из отеля, — ответил он.

— Верно, — согласился я, — но капитан оставил меня здесь, на этом острове, дожидаться следующего судна, которое должно вскоре прибыть. Там требуется как раз такой специалист, как я.

Я не мог поверить, что произношу эти слова, как бы сами собой слетающие с моего языка. Я и не подозревал, что врать так легко. Служащий снял телефонную трубку и позвонил в порт, но, к счастью для меня, номер не отвечал. Я предложил ему попытаться позвонить утром. Бедняга был так расстроен, настолько чувствовал себя виноватым, что буквально рассыпался в извинениях.

Что же касается меня, то я исчез из гостиницы еще до восхода солнца.

Во время моих первых посещений казино я познакомился с молодым израильянином, который работал крупье за игорным столом. Узнав, что мне негде жить, он пригласил меня в свою квартиру. Он прекрасно знал остров, и от него я узнал, что участок земли, который мой брат приобрел за немалые деньги, не принадлежал тому, кто его продал, — аферы и обманы были здесь таким же обычным делом, как и в соседней Флориде.

Соседней Флориде?! Когда я узнал, что от Багам до Флориды — рукой подать, мои глаза загорелись. Я и не думал, что Америка так близко. Знакомый сказал, что шансов найти работу на островах у меня нет никаких, и если я хочу чего-то добиться в жизни, то мне следует попытаться попасть в Америку.

На той же неделе полный надежд я покинул свой «остров мечты» на самолете, который должен был доставить меня в страну великих возможностей, где только небо могло быть мне пределом!

Глава 6. Нью-Йорк, Нью-Йорк!

Колеса воздушного лайнера коснулись посадочной дорожки аэропорта Майами-Бич. Я прибыл в Америку! Если в детстве квартирка из двух с половиной комнат в Холоне казалась мне верхом мечты, то можете себе представить мои впечатления от Соединенных Штатов! Здесь все, казалось, было крупнее, неизмеримо богаче, изысканнее и намного дороже. Ошеломленный, пораженный, сбитый с толку обилием впечатлений бродил я по улицам огромного города. Я

впитывал в себя картины, звуки, запахи. Мое воображение захватывали громадные мосты-путепроводы автострад, извивающиеся как змеи, переходящие один в другой на нескольких уровнях и в конце концов сливающиеся в многорядные суперавтострады. «Как же тут найти нужную дорогу и не заблудиться?» — поражался я.

Непрестанно мигая, яркие цветные огни, рекламировавшие самые разнообразные товары, в какой-то момент создавали единую картину, которая, в свою очередь, размывалась и исчезала, чтобы возродиться вновь и начать все сначала. Все это будоражило мое воображение, было одновременно странным и восхитительным для меня, простого провинциального парня.

С чего начинает молодой, 21-летний, израильтянин, попав в Америку? Конечно же, с поисков работы! Я прожил в Майами-Бич целую неделю, а работы все не было. Других вариантов не оставалось: пришлось ехать к моему знакомому Михаилу, жителю Нью-Йорка.

Когда-то любящие, но сверхортодоксальные родители послали Михаила из нью-йоркского Бруклина, где жила семья, в Израиль. Они надеялись, что там их сын станет великим раввином. Конечно, богатые родители постарались, чтобы их сын имел все, что только можно купить за деньги, и едва его банковский счет начинал худеть, они тут же его пополняли. Но родители не имели ни малейшего представления о том, чем занимался их обожаемый сын. У Михаила не было никакого желания изучать *Tору*. В Иерусалиме он предпочитал посещать не раввинские школы, а пивные бары и ночные клубы.

В то время я разъезжал между Тель-Авивом, Иерусалимом и Эйлатом. Случилось так, что в одну из темных ночей мы познакомились в «Желтой чайной» в Иерусалиме. После довольно продолжительной беседы он дал мне свой домашний адрес в Бруклине и заверил, что, если я когда-нибудь попаду в Америку, он будет счастлив меня повидать. Скорее всего, он никак не думал, что я и впрямь свалюсь ему на голову.

Решив отыскать Михаила, я вышел на автостраду и поднял большой палец, как привык делать в Израиле, желая попасть из Тель-Авива в Эйлат. Езда автостопом была тогда столь же распространена в Америке, как по сей день обычна в Израиле, где на дорогах нередко можно увидеть «голосующих» солдат. В первый же день мне удалось забраться довольно далеко на север — до штата Джорджия.

Так в конце концов я прибыл в Бруклин, где полицейский проводил меня к станции подземки. Следуя в указанном им направлении, я встал на эскалатор и поехал вниз. Спустившись, я совершил свою первую ошибку на американской земле: на секунду поставил чемодан на пол, чтобы разменять доллар на четыре монеты по 25 центов и позвонить по телефону. К счастью, проходившая мимо еврейка заметила это и завопила изо всех сил: «Никогда не выпускай чемодана из рук, ни на секунду! Они тут все *ганувин* (т.е. вору — на иврите)!» Только позднее я осознал, насколько она была права, и проникся к ней чувством благодарности; однако в тот момент я был ошеломлен и оглушен этим громовым приветствием. Надо признаться, мое первое впечатление от Нью-Йорка оказалось весьма мрачным.

В конце концов я добрался до дома Михаила, но узнал, что мой знакомый отсутствует. Три или четыре дня я ночевал в холле захудалой гостиницы, где спал на полу за обшарпанным диваном.

В те дни я впервые столкнулся с феноменом «плохого израильтянина». Оказалось, что нередко за границей израильтянин израильтянину — волк. Было похоже, что все, кого бы я ни встретил, думали только о себе, о своих заботах, даже если у них имелись четыре стены и крыша над головой, куда можно пригласить соотечественника. Никто не изъявлял желания предложить собрату необходимую помощь. Хотя я рассказал о своем тяжелом положении нескольким людям и не скрывал от них, что только что прибыл в Америку и не имею пристанища, никто не пригласил

меня к себе хотя бы ненадолго. Похоже, что подозрительность и страх перед незнакомцами заставили наших людей забыть древние традиции гостеприимства, с которыми они выросли в Израиле.

Кроме того, я узнал, что рядовой израильский *йоред* (эмигрант) готов приняться почти за любую работу, если она принесет хоть несколько долларов, — даже за такую, от которой он отвернулся бы в Израиле. Каждый был готов сражаться за свой заработок, как лев, даже за счет благополучия своего земляка.

Три дня спустя я вернулся к дому Михаила. На этот раз я постучался в дверь полуподвального этажа. К моему удивлению, дверь отворилась и на пороге стоял Михаил! В этот час они с другом занимались отработкой приемов каратэ.

Он выглядел несколько озадаченным, никак не мог вспомнить, кто я такой, и уяснить, как я оказался у его порога. Но когда я показал ему адрес, написанный его же рукой, и напомнил, где и при каких обстоятельствах мы встречались, его лицо внезапно просияло, и он радостно пригласил меня в дом.

Радость встречи была искренней и обоюдной. Поболтав о том о сем, я узнал, что вся его семья переехала в Иерусалим и сдала свой шикарный особняк жильцам. Их собственному сыну, оставшемуся в Нью-Йорке, пришлось переселиться в тесный полуподвал родного дома.

Кровать Михаила занимала большую часть комнатенки, но на полу помещался еще и гимнастический мат. Кроме спальни его жилище состояло из миниатюрной кухоньки с маленькой газовой плитой и совмещенного санузла.

Я спросил Михаила, почему бывший кандидат в раввины теперь изучает приемы каратэ. Ответ был весьма неожиданным: «Однажды, когда я был еще ребенком, по пути в школу на меня напала ватага ребят, которые с криками «грязный еврей» и «христубийца» принялись меня избивать. Вот тогда-то я и решил, что больше не допущу ничего подобного. Я поклялся, что, если в будущем на меня или на другого еврея нападут антисемиты, я буду готов дать отпор и даже перейти в наступление. Мы больше не допустим, чтобы нас гнали в газовые камеры!»

Михаил помог мне найти мою первую работу — прямо в центре Манхэттена. Правда, из-за слабого знания английского меня вскоре уволили, и пришлось искать другое место. Потом я служил посыльным в итальянском ресторане, а так как у меня не было законного разрешения на работу, хозяева нещадно меня эксплуатировали. Американский «плавильный котел» начал свою работу и надо мной.

Все это напоминало мне то время, когда 14-летним мальчиком я работал в холонской мастерской, изготавливавшей проволочные клетки для птиц. Я пытался заработать что-то для себя и помочь семье. Я очень старался. Хотя моя продукция была ничем не хуже клеток, изготовленных взрослыми работниками, хозяин, пользуясь моим возрастом, платил мне жалкие гроши.

В Нью-Йорке я тоже не был защищен законом, и любой потенциальный работодатель видел во мне легкую добычу. За год я сменил немало рабочих мест. Прожив около полугода в полуподвале у Михаила, я был вынужден в конце концов съехать, так как он женился и молодым требовалась площадь. Пришлось мне снять квартиру в Бруклине по рыночной цене. Однако вскоре я понял, что моего месячного заработка едва хватает на оплату квартиры, не говоря уже о пропитании.

Я переехал в соседний штат Нью-Джерси и начал работать на стройке, которой руководил выходец из Израиля. Потом я устанавливал плавательные бассейны в домах «богатых и знаменитых» американцев. Роскошь и блеск их особняков ослепляли меня. Никогда не забуду, как в одном из этих дворцов мы монтировали огромный плавательный бассейн, ванну-джакузи и просторную сауну. Мне трудно было понять, как люди могут позволить себе возводить такие роскошные дворцы стоимостью в миллионы долларов. Для чего им все эти пустые комнаты? Ни у одного из этих

миллионеров не было больше одного — от силы двоих детей. В большинстве случаев дети уже выросли и покинули родительский дом. Для кого же предназначалась вся эта красота — может, для белого пуделя или сиамского кота?

За три года, что прошли с той поры, как я ступил на «святую землю» Соединенных Штатов, я достиг немало. Перебрав множество временных работ, я постоянно откладывал деньги и сумел купить автомобиль и лоток для продажи *фалафелей* — острых жареных лепешек из молотых бобовых, например нута и фасоли, с зеленью. Лоток можно было возить за машиной в виде прицепа. В Манхэттене продавцы «хот-догов» торчали на каждом углу, и я был уверен, что в городе, где полно евреев и арабов, мой бизнес по продаже *фалафелей* обернется потрясающим успехом. Я парковал свой импровизированный прилавок посреди Еврейского рынка на улице Дилэнси, прямо у площади Вашингтона. Каждое воскресенье, когда в Центральном парке проходили концерты, я зарабатывал до трехсот долларов — больше, чем раньше за неделю тяжелого и упорного труда!

Хотя теперь я мог держать голову высоко, я понимал, что на лепешках по-настоящему не разбогатеешь. Открыв магазин украшений и сувениров в Нью-Джерси, я продвинулся вверх по социальной лестнице и теперь чувствовал себя настоящим американцем. Мое знание английского значительно улучшилось, и я достиг процветания, как материального, так и социального. Я считал Соединенные Штаты своей новой родиной, и меня было не выкорчевать из американской почвы даже бульдозером!

Однажды мне позвонили родные из Израиля и сообщили, что моя любимая сестра Фрида собирается замуж. Фрида была на два года моложе меня, и мы всегда были с ней очень близки.

Не говоря никому ни слова, я ближайшим рейсом вылетел в Израиль. Когда автомобиль с женихом и невестой прибыл к месту бракосочетания, именно я открыл дверь машины для молодых! Трудно описать всеобщую радость и ликование в этот момент — ведь никто не ожидал моего приезда. Мама чуть не упала в обморок; потом братья упрекали меня: «Что же ты заранее не предупредил, что приедешь? С мамой мог случиться инфаркт!»

После свадьбы я три недели оставался в родительском доме. Встречи со старыми друзьями детства и соседскими ребятами принесли как радость, так и разочарование. С одной стороны, благодаря этим встречам мне казалось, что я вовсе не покидал родную страну; с другой — многие мои старые дружки сидели в тюрьме, а некоторые не вылезали из камеры предварительного заключения в полицейском участке, так что она практически стала их вторым домом.

Вскоре я начал ощущать, что это место для меня слишком мало и тесно. Возвращение в такой маленький город, как Хон, после нескольких лет, проведенных в США, произвело на меня тягостное впечатление. Разница между жизнью в крупном американском городе и в провинциальном Израиле оказалась огромной. В Израиле вся страна жила и функционировала, как одна большая семья; каждый точно знал, что у его соседей варится на обед. У меня сложилось впечатление, что любимое развлечение израильтянина — обсуждать повседневные успехи и неудачи соседей. Но в этот приезд я не ощутил той теплоты и близости, еще недавно свойственных израильскому обществу. Грязные улицы, плохо мощенные дороги, облупившиеся дома, знававшие лучшие дни, подавляли меня духом печали и упадка. Я, как пойманная птица, сидел в клетке, которую сам же для себя смастерил. Больше всего на свете мне хотелось расправить крылья и улететь. Я с нетерпением ожидал конца своего визита, чтобы вновь подняться на борт самолета, который доставит меня «домой» — в Америку.

Укладывая чемодан, я нашел в родительском доме старый *Танах* на древнееврейском языке, так верно служивший мне в школьные годы. Внезапно мне вспомнились слова моего любимого учителя *Танах* Майера Цубари, сказанные на выпускной церемонии: «У меня есть к вам одна просьба, друзья мои. Прошу вас, пока вы живы — заглядывайте в Псалтирь и Книгу притчей Соломоновых».

Я положил эту старую книгу в свой новый чемодан (к тому времени я был уже настолько богат, что смог наконец позволить себе приобрести новый взамен моего старого коричневого). Когда пришло время отъезда, я взошел на борт самолета в полной уверенности, что в будущем, когда бы мне ни пришлось поехать в отпуск, я выберу Гавайи или Швейцарию, а то и Тимбукту, но только не Израиль!

Глава 7. Знакомство с Джеффом

Вернувшись в свой магазинчик в Нью-Джерси, я положил мой старый *Танах* на прилавок и оставил его там как своего рода талисман, для удачи. Помня заповедь учителя, я иногда перелистывал старую книгу. В один прекрасный день в мою лавку зашел высокий молодой человек. Его глаза излучали доброту, черты лица были мягкими, но свидетельствовали о решительном характере — возможно, из-за усов. Звали его Джеффом.

Когда Джефф увидел на прилавке *Танах*, в его глазах что-то сверкнуло. Обратившись ко мне на иврите, он спросил:

— Вы ведь верите в Иешуа¹, не так ли?

¹ Иешуа — более ранняя форма имени Иисус. — *Прим. ред.*

Недопоняв, я ответил:

— Конечно, я верю в Иегошуа! — имея в виду Иисуса Навина¹.

¹ Иисус Навин — сын Нона; был посвящен Моисеем в преемники в долине реки Иордан (см. Чис. 27:18 и далее). — *Прим. ред.*

— Нет-нет, я имею в виду не Иегошуа бен Нона (Иисуса сына Навина), — ответил он с улыбкой, — я говорю о Иешуа, Которого те, кто Его не знает, зовут Иешу (уничжительная, бытовая форма употребления имени Иисуса среди иудеев).

— Почему Иешу? — отвечал я, охваченный недоумением, злостью и возмущением. — Вы еврей? Если да, то зачем вам Иешу? Мы, евреи, в него не верим! Мы верим только в Бога, единого Бога!

— Нет, я не еврей, — отвечал Джефф, — но во время войны Судного дня я, чтобы помочь Израилю, бесплатно работал там водителем автобуса. До того я работал в качестве добровольного помощника в нескольких *киббуцах* и даже немножко освоил иврит. Я всем сердцем люблю народ Израиля и твердо уверен, что и Бог его любит.

Довольно грубо я оборвал его:

— Минуточку! Вы хотите сказать, что вы — не еврей?

— Нет, к сожалению, я не еврей, — честно признался Джефф, — но я люблю евреев, потому что Иисус был одним из них.

Теперь уж я совсем поразился: «Никогда не слыхал о нееврее, который любил бы евреев! Но при чем тут Иешу?»

Джефф не заставил меня ждать ответа: «Потому что Иешуа — Сын Божий и Мессия народа израильского». Его ответ прозвучал так уверенно, что стало ясно: Джефф — глубоко верующий человек и принимает свою веру всерьез. Похоже, он и мысли не допускал, что кто-то может не разделять его взгляды.

— Сын Божий? — снова возмутился я. — С каких это пор у Бога появился сын?

— О-о, — рассмеялся Джефф, — я вижу, вы несколько отстали от жизни! У Бога не только есть Сын, но этот Сын — полноценный еврей, Царь Иудейский, рожденный в роде Давида! — И внезапно изменив тему разговора, спросил: «Вы когда-нибудь читали *Брит Хадаша* (Новый Завет)?»

— Ну уж нет, упаси Господи! — этот вопрос прямо-таки ужаснул меня. — Нам, евреям, строго запрещено даже касаться этой книги! Это языческая книга, и мы не можем осквернять ею свои руки!

— Как же вы можете осуждать книгу, которую даже не видели?

Джефф перешел на английский:

— Как же можно иметь такие твердые понятия о том, с чем вы совершенно незнакомы? Ведь, например, когда человека привлекают к суду, то судья должен быть совершенно беспристрастным и непредвзятым, чтобы объективно взвешивать аргументы, излагаемые как обвинителем, так и защитником. Судья не должен руководствоваться своими личными пристрастиями. Он должен судить честно и праведно. Как же вы можете выносить такой суровый приговор Иешуа и Новому Завету, не имея о них ни малейшего представления? Разве вы не понимаете, что тем самым позволяете своим предрассудкам или, того хуже, предрассудкам других людей влиять на ваше мнение и выносить суждение до того, как вы ознакомились с фактами?

— Хорошо, но в чем состоят эти факты? — разговор начинал меня развлекать. — Еще в раннем детстве я узнал, что Иешу нужен только *гоям*, язычникам! Да, должен признать, я действительно ничего не знаю ни об Иешуа, ни о христианстве.

Похоже, именно этих слов Джефф и ожидал, чтобы рассказать мне побольше о своем Боге.

— Возможно, то, что я собираюсь рассказать, окажется для вас совершенно новым. Но прежде всего должен вам сказать, что настоящее, истинное христианство — некоторые предпочитают называть его «мессианской верой» — совершенно не похоже на то искаженное представление о христианской вере, которое разделяет сегодня большинство евреев.

Мессианская вера — это образ жизни, который сам человек выбирает для себя, пользуясь свободой воли, а вовсе не религия, которой он вынужден следовать, так как родился среди народа, ее практикующего. Вера в Мессию Израиля — единственный путь к спасению, к настоящему общению с живым Богом, и это верно для каждого из нас, еврей он или нееврей. Мессианская вера — не только для неевреев. Напротив, в первую очередь и прежде всего она была предназначена для еврейского народа. Я не хочу вам проповедовать христианство и ни в коей мере не собираюсь уговаривать вас переменить веру и обратиться в христианство. Упаси Бог! На самом деле, хоть я и не родился евреем, только благодаря Иешуа я узнал, что такое настоящий иудаизм.

Я молчал, оторопев, а Джефф продолжал, пользуясь моим молчанием:

— Вот в чем состоит основное расхождение мнений, и я не уверен, что вам это известно. Евреи считают, что евреем может быть только тот, кто рожден от матери-еврейки. Другими словами, религия человека, или, точнее, его вера, которой он должен придерживаться всю жизнь, зависит от брачных связей его родителей. Но раз так, можно считать, что Исав был не меньше евреем, чем Иаков, поскольку оба были рождены в одно время и от одних родителей. Точно так же можно сказать, что родители Гидеона были добрыми и преданными Богу евреями, хотя они служили идолам и поклонялись им (см. Суд. 6:25). Тот факт, что кто-то был рожден в еврейской семье, никак не гарантирует его приверженности Богу Израиля. Ведь, если человеку выпало родиться в гараже, это не значит, что он — автомобиль.

— Другими словами, — продолжал Джефф, — никто не рождается приверженцем мессианской веры. В этом смысле мессианская вера — совсем не религия, как, например, христианство. Человеку самому необходимо решить, хочет он принять эту веру или нет. Только тот, кто верою признает то великое благодеяние, которое Иешуа совершил для него, и принимает Его как своего Господа и Спасителя, — только тот может стать мессианским верующим. Тогда мы говорим о нем, что он «спасен» или «заново рожден». Это не противоречит *Танаху*, это — исполнение его пророчеств.

Еврей, который принимает Иешуа, становится мессианским евреем, а я, *гой*-язычник, уверовав в Иешуа, теперь являюсь заново рожденным мессианским верующим.

Я взирал на него с изумлением, его слова казались мне лишенными смысла.

— Послушайте, — прервал я его, — у нас, евреев, долгая и горькая история взаимоотношений с вами, христианами. Две тысячи лет христиане жестоко преследовали нас во имя этого самого Иешу. Крестоносцы шли, чтобы освободить могилу этого Иешу из рук мусульман, и заодно зверски убивали нас. Во времена «святой» инквизиции в католической Испании нас пытали и сжигали живьем у позорного столба, требуя перейти в христианство или умереть. Казаки Хмельницкого в Польше и России резали нас, как свиней. Потом христиане выдумали печально знаменитое обвинение: евреи, мол, в своих пасхальных ритуалах используют кровь невинных христианских младенцев. Возбужденные толпы, охваченные безумной ненавистью, распевая гимны своим богам Иешу и Марии, загоняли целые еврейские деревни в их синагоги, запирали там и поджигали! И не обязательно вспоминать столь давнюю историю. Еще совсем недавно христиане-антисемиты, католики и протестанты, с нашивками свастики вели наш народ, как овец на убой, в газовые камеры и крематории нацистской Европы. Кровь жертв еще не высохла, она все еще вопиет к небесам об отмщении. И вот вы приходите и пытаетесь уговаривать меня, еврея, принять Иешу и уверовать в него? Да я не желаю иметь с ним ничего общего!

— Прежде всего давайте разберемся в некоторых моментах, — ответил Джефф. — Вы негодуете не по тому адресу. Вы ставите Иешуа (кстати, Его имя Иешуа, а не Иешу!) и верующих в Него на одну ступеньку с антисемитами, действия которых резко расходятся с учением Нового Завета. Я прекрасно осведомлен о несправедливом и враждебном отношении к евреям многих из тех, что называют себя «христианами». Это отношение происходит от невежества, греховности, неверного понимания Слова Божьего и от достойного сожаления непонимания спасения, которое Бог приготовил для Израиля и всего мира. Вам, должно быть, известна теория, которая все еще господствует во многих христианских церквях, — очень древняя, кстати, теория, — согласно которой евреи, бывшие «в прошлом» избранным Богом народом, ослушались Бога, когда отвергли Сына Его Мессию. И, по этой теории, Бог в гневе как бы «развелся» с ними и вместо евреев избрал Своим народом и Своей новой невестой христианскую Церковь. Это полная чепуха. Бог Израиля, — Который и является, разумеется, Господом всей Вселенной, потому что существует лишь один Бог, — Он справедлив и праведен и никогда не нарушает Своих обещаний. Те, кто принимает эту ересь, известную под названием «теология замещения», не понимают, что если Бог Израиля действительно однажды расторг Свой вечный завет со Своим древним народом, то тогда вера каждого христианина не имеет под собой никакой опоры! Кто же, будучи в здравом уме, поверит в такого переменчивого Бога и в Его обещание спасти верующих в Него? Если эти так называемые христиане считают евреев неверными ослушниками Бога, то кем они считают себя? Чем они-то лучше?

— Многие из тех, что называют себя христианами, — решительно продолжал Джефф, — совсем не являются верными учениками Иешуа. В действительности они творят прямо противоположное тому, чему учил и чего требовал от них их Учитель. Между этими номинальными христианами, которым случайно довелось вырасти в христианской среде, и настоящими мессианскими верующими, которые в определенный момент своей жизни без чьего-либо давления приняли Иешуа как своего Господа и Спасителя, — дистанция огромного размера. Первые не имеют ничего общего с реальным историческим Иешуа, Который родился, умер и воскрес, оставаясь Царем Иудейским. Иешуа учил и продолжает учить Своих последователей любить Бога всем сердцем, всей душой, всем разумом и любить ближних, как самих себя (см. Лк. 10:27). Более того, Он даже дарует им силы и возможности для этого. Он пришел в этот мир, чтобы простить наши грехи, дать нам новое сердце и вдохнуть в нас новый Дух!

Брит Хадаша можно по-настоящему понять лишь в свете *Танаха*. *Гой*-язычник, рожденный заново от Божьего Духа, очень хорошо понимает, что Иешуа был послан прежде всего к еврейскому народу. И он сознает, что его вера в Иешуа, божественного Спасителя, Который пришел в этот мир согласно обетованиям, данным Богом Своему народу в *Танахе*, на самом деле приводит его, уверовавшего *гой*, в лоно Израиля. Этот уверовавший нееврей понимает, что он, по сути, принял еврейскую веру в еврейского Мессию и Бога Израилева и что еврейская вера его приняла, как приемного сына или праведного пришельца-прозелита, новообращенного.

Иешуа вошел в историю не для того, чтобы принести в мир новую религию. Напротив, Он пришел к нам для того, чтобы исполнилось предназначение еврейского народа быть светом для язычников. Иешуа пришел в мир, чтобы дополнить веру Израиля — и в то же время широко распахнуть врата спасения перед неевреями, ибо сказано:

2 *Отворите ворота; да войдет народ праведный, хранящий истину.*

(Ис. 26:2)

1 *...ибо помилует Господь Иакова и снова возлюбит Израиля; и поселит их на земле их, и присоединятся к ним иноземцы и прилепятся к дому Иакова.*

(Ис. 14:1)

— *Брит Хадаша* ясно говорит, что Господь не оставит Свой народ, — с жаром продолжал Джефф. — Среди прочего Новый Завет включает послания апостола Павла. Он был евреем, родившимся в племени Вениамина в городе Тарс (Малая Азия), и сам себя относил к *фарисеям* согласно своим религиозным убеждениям. Он жестоко преследовал евреев, уверовавших в Мессию, пока Сам Иешуа не явился ему в видении и не изменил полностью его сердце. В одном из своих богодухновенных посланий к верующим в Риме он сравнивает народ Израиля с ухоженным оливковым деревом, несколько ветвей которого были отрезаны, а вместо них привиты ветви дикой маслины. Павел затем спрашивает верующих неевреев: «Кто кого тут поддерживает? Ветви поддерживают корень или наоборот?» (см. Рим. 11:18). Павел предостерегает уверовавших язычников, что они не должны считать себя чем-то лучше евреев, ибо родными, естественными ветвями оливы были именно евреи (см. Рим. 11 гл.). И все же неевреи совершили именно то, против чего их предостерегали! Разве это можно назвать послушанием Слову Божьему?

Наказание, которое падет на *гоев*, думающих таким образом, будет крайне суровым, ибо они поднимают руку на зеницу ока Божьего — на евреев (см. Зах. 2:8). Мы, неевреи, становимся евреями через нашу веру в Иешуа, а не наоборот. Вот почему я не уговариваю вас обратиться и стать христианином — Боже упаси! Я не верю, что еврей должен изменить свою религию, принимая еврейского Мессию Израиля. Это величайший абсурд! Приходя к своему собственному Мессии, вы должны оставаться настоящим евреем!

— К моему Мессии? — горько усмехнулся я. — Мой Мессия еще не пришел! Каждый еврей трижды в день провозглашает, что ждет пришествия Мессии. Еврей не может оставаться евреем и верить, что Мессия уже пришел.

— Боюсь, здесь вы ошибаетесь, — ответил Джефф. — Мессия уже пришел, и Его настоящее имя — Иешуа бен Давид (Иисус, сын Давида). К сожалению, многие евреи имеют совершенно неверное представление об ожидаемом Мессии. Они думают, что Он придет как Лев из колена Иудина, чтобы принести им окончательную победу над язычниками. Многие евреи все еще ожидают Мессию потому, что гораздо легче ожидать чего-то хорошего в отдаленном будущем, чем принять все беды и тяготы в настоящем. Люди говорят: «Когда придет Мессия...» — и разворачиваются от настоящего к будущему. Но Бог решил с самого начала, что, прежде чем совершенствовать мир, Он обновит человеческое сердце.

Основная проблема — в нас, в людях. Это мы совратились с путей Господних. Это мы принесли в мир войны и все связанное с ними зло. Мы загрязняем мир, разрушаем его физически и морально. Каждый из нас внес свою долю лживыми речами, эгоизмом, жадностью и кто знает, чем еще. Вот что уничтожает и разрушает нашу Вселенную!

Глядя мне прямо в глаза, Джефф продолжал: «Первая и главная задача Мессии — разрешить основную проблему человечества, проблему нашего отстранения и отчуждения от Бога. Грех отделил нас от Него. Но Бог не удалился от нас. Он всегда желал и желает быть к нам поближе. Потому Он и пришел в наш мир, чтобы понести на Себе наказание за наши грехи, спасти нас от них, а затем очистить и освятить, чтобы в нас мог жить Его Святой Дух. Тогда мы сможем вместе с Самим Творцом наслаждаться Его творением, обитая здесь, в этом мире, и сможем соучаствовать с Ним в обновлении Его вселенной».

Я чувствовал, что он искренне верил в каждое произносимое слово. И все же я не мог до конца понять смысл его речей, не мог уразуметь, какое отношение все это имеет ко мне или к Иешу и что общего может быть у меня с Иешу.

Взглянув на часы, Джефф спохватился, что ему надо торопиться, но обещал еще вернуться, «чтобы попрактиковаться в иврите» и доказать мне, что Мессия уже пришел, чтобы искупить грехи человеческие. Джефф объяснил, что, когда Иешуа явился в мир в первый раз, Он пришел как Агнец Божий и был принесен в жертву на кресте, как на алтаре, за грехи всего мира. Однако Джефф заверил меня, что, когда Иешуа вернется, Он вернется как истинный Лев из колена Иудина, как великий воин, чтобы сокрушить всех врагов Бога и победить их силой Своей любви.

Джефф ушел, а я остался наедине с множеством путанных, противоречивых мыслей, проносившихся в моем мозгу. Мессия? Иешу? Да зачем мне все это? Конечно, я не сомневался в существовании Бога, да и никогда не верил, что единственный путь обновления Божьего творения — тот, что описан мудрецами в «Зохаре» и «Каббале», мистических трудах еврейских философов. Но что означают все эти рассказы об Иешу и его методе «обновления человечества перед тем, как изменить Вселенную»? А потом я подумал: «Да и зачем обновлять этот мир? Лучше позвольте мне насладиться теми несколькими годами, которые мне еще отпущены в нем!»

Вдруг я вспомнил Элизабет, мою приятельницу, которая однажды сказала, что я не имею ни малейшего представления о том, в чем истинный смысл жизни, но тут же прогнал из головы это неприятное воспоминание. Я сказал самому себе, что если кто-нибудь на этом свете понимает толк в наслаждении жизнью, то это как раз я. И все же я не мог освободиться от этих мыслей.

Размышляя над своей жизнью, я начал понимать, что человек действительно может «пробираться» по жизни извилистым путем, используя самые правильные слова, чтобы добиться всего, чего он желает. Ведь я жил именно так. Я понимал, что хотят услышать от меня люди, и неискренне говорил ожидаемые ими слова. Чтобы добиться своего, я готов был идти почти на все. Внезапно это мое преступление, пусть невидимое миру, стало казаться мне невероятно отвратительным. С тех пор, как стоит мир, люди используют слова, чтобы вводить в заблуждение и обманывать других, не задумываясь над тем, что именно эти слова делают мир таким жестоким. Мудрейший из людей — царь Соломон это хорошо понимал, когда написал: «Смерть и жизнь — во власти языка...» (Прит. 18:21). Что же касается меня, то, как знать, сколько доброго я погубил, сколько опустошения принес в сердца множества людей своим злым языком и нечистыми словами?

В тот момент, когда на меня снизошло духовное просветление, я понял, какой чудовищный вред мы наносим друг другу этим небольшим, но столь испорченным органом — нашим языком!

К тому времени я уже немало добился в жизни. Я получил «грин-карту», открыл собственную ювелирную лавку, и мне даже удалось вложить значительные средства в акции Уолл-стрит. Я по-настоящему ощущал, что только небо может быть мне пределом и что исполняется моя Американская мечта. Жизнь моя казалась мне такой блестящей и успешной, что я несколько возомнил о себе. Мои планы и стремления не имели границ. Что еще ожидает меня впереди? Любые все усложнявшиеся задачи, которые ставила передо мной жизнь, я воспринимал с восторгом.

Главнейшей целью для меня в то время было проникнуть в круг евреев, которые приехали в Соединенные Штаты из Сирии. Своим огромным богатством они славились по всей стране, контролируя большую часть торговли в Нью-Йорке. От квартирки, что я снимал в трущобах, до их роскошных особняков на берегу Атлантики было не больше километра, но их образ жизни отстоял от моего на несколько световых лет. Эти люди обитали в пригородах, вдали от шумного и грязного Нью-Йорка, где любая вилла стоила не менее миллиона долларов. В каждой был частный пляж, огромные прекрасно ухоженные сады, дорогие автомобили, шоферы и лакеи. Я надеялся с помощью своего красноречия найти в их сирийской синагоге выгодную невесту — такую, которая принесет мне в качестве приданого все, о чем я мечтал.

Мой разум был постоянно занят разработкой хитроумных планов. Если бы я не был столь самоуверенным, скорее всего, эта цель показалась бы мне совершенно недостижимой. Но к тому времени я уже успел понять, что в этом мире, особенно в Соединенных Штатах, вряд ли есть что-либо невозможное!

Кроме стремления проникнуть в сообщество сирийских евреев у меня были и некоторые другие смелые планы, я готовился к ним и физически, и умственно. Для поддержания хорошей физической формы я пробегал трусцой многие километры по огромным лужайкам Нью-Джерси и подолгу плавал в океане. Я был намерен любой ценой достичь своей цели — либо с помощью сирийских евреев, либо благодаря моей врожденной еврейской *хуцпа* (самоуверенности, нахальству), которую я ошибочно принимал за отвагу. Хотя двигавшие мною мотивы — дурные и нечистые, в конечном счете результат полностью их оправдает, рассуждал я.

Эта конечная цель, к которой я неуклонно стремился, была мне кристально ясна: великолепный дворец на взморье с огромными окнами из цельного стекла, через которые я буду смотреть на синий океан, личная яхта, на борт которой можно взойти, сделав всего несколько элегантных шагов. Такова была моя Американская мечта, и я намеревался осуществить ее любой ценой!

Джефф ворвался в мою жизнь внезапно, посреди всех этих планов и проектов получить от жизни все, что только возможно. Примерно через неделю после нашей первой встречи я увидел, как он паркует свой мощный мотоцикл через улицу напротив моей лавки. Я не мог себе представить, что столь хрупкий на вид парень способен справиться с такой огромной и неуклюжей машиной.

Джефф всегда старался навестить меня перед самым закрытием магазина. Когда он входил, мы тепло приветствовали друг друга. Джефф кое-что рассказывал мне о своей работе на металлургическом заводе. Он был совершенно доволен своей работой, а особенно тем фактом, что большую часть работы выполняли автоматы, а ему оставалось только присматривать за пультами управления, что оставляло достаточно времени для чтения Святого Писания во время смены. О своем труде он говорил не жалуясь, как человек, довольный своей долей и нашедший свое место в жизни.

Я мог только жалеть его. Кто знает, сколько денег наживал на труде Джеффа его босс ежечасно, ежедневно, ежемесячно и ежегодно! «Слава Богу, — думал я, — что мне удалось сломать этот капкан и вырваться из порочного круга».

Хотя Джефф говорил на иврите довольно хорошо, у меня не хватало терпения выслушивать его медленную, запинаящуюся речь с постоянными поисками нужного слова. К тому же мне хотелось совершенствовать свой английский, поэтому после нескольких ничего не значащих слов на иврите мы вскоре перешли на английский. Джефф начал с того места, на котором мы остановились на прошлой неделе. Без всякого вступления он задал мне вопрос:

— Знаете ли вы, почему во времена *Танаха* люди приносили жертвы?

— Конечно! — я был рад продемонстрировать свое знание еврейских Писаний. — Язычники, которые жили в земле Ханаанской, обычно приносили жертвы — даже собственных детей — своим языческим идолам. Бог не мог запретить детям Израиля участвовать в таких отвратительных действиях, поэтому Он просто ограничил эти жертвоприношения, очистив и освятив их.

Видя, что я неверно понял вопрос, Джефф слегка перефразировал его:

— Знаете ли вы, кто первым принес жертву в Священном Писании?

— Конечно, Авраам, наш отец! — гордо ответил я.

— Извините, вы опять ошиблись, — усмехнулся Джефф. — И до него многие хорошие люди приносили жертвы. На самом деле первая жертва была принесена уже в Эдемском саду. *Tora* говорит нам, что после того, как Адам и Ева согрешили, Бог сделал одежды из кож, чтобы прикрыть их наготу. Так откуда же взялись эти кожи животных? Видите ли, чтобы загладить грех Адама и Евы, Богу пришлось забить нескольких невинных животных и использовать их шкуры вместо ткани. Он мог бы создать для людей самые лучшие шелковые и бархатные одежды, но вместо этого Он использовал кожу животных. А знаете, почему? Дело в том, что именно так впервые был введен и применен древний принцип «душу за душу» (Ис. 21:23). Этот принцип «кровь за кровь» проходит красной нитью через все Писание. С тех пор и был введен обычай предлагать жизни чистых животных как выкуп за грешные человеческие жизни, ибо написано:

11 ...потому что душа тела в крови, и Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает...

(Лев.17:11)

— У Адама и Евы были два сына, Каин и Авель, — продолжал он. — Каин предложил Богу плоды своего поля, а Авель — «от первородных стада своего и от тука их» (Быт. 4:4). Откуда эти юноши могли узнать, что они должны принести жертвы Богу? Не могу сказать точно, научили ли их этому родители или Сам Бог дал им такое повеление. Но одно ясно: в человеческой природе глубоко заложено укорененное сознание греха, вины, а также глубинное знание о том, что необходимо искупление. Даже самые примитивные идолопоклонники, язычники приносили жертвы своим божествам, чтобы умиротворить опасных злых духов. Они были готовы уязвлять себя физически, наказывая таким образом за грехи и тем самым как-то облегчая совесть.

Несмотря на все это, Каин своевольно решил предложить в жертву нечто другое — часть плодов земли, произведенных посредством его труда. По сути, это первое упоминание в *Tore* о религии, созданной человеком; здесь мы впервые видим человека, который пытается оправдать себя перед Богом плодами своей хорошей работы. С тех пор

практически все религии мира основаны на том же принципе, суть которого в следующем: чтобы завоевать благосклонность своего бога или богов, человек должен делать то-то и то-то или, наоборот, не делать того-то и того-то.

В противоположность Каину Авель не пытался обмануть Бога, но решил подчиниться Ему буквально. Он принес в жертву животное, и Бог принял его дар. Этот принцип искупления через принесение в жертву животных передавался из поколения в поколение. Это был установленный Богом способ получить прощение грехов. Область, в которой эти жертвоприношения были действенными, расширялась с годами.

Джефф продолжал свои объяснения, и я не мог не признать, что этот *гой*, знающий мой еврейский *Танах* гораздо лучше меня, начинает меня интересовать.

— Видите ли, после того как Адам и Ева впали в грех, Бог обеспечил жертву за каждого из них, одев их в одежду из шкур животных. Авель тоже предложил Богу жертву, которая искупила лишь его одного. Много лет спустя кровь пасхального ягненка, нанесенная на дверной косяк, обеспечивала целому семейству защиту и укрытие от ангела разрушения при исходе евреев из египетского рабства — одна жертва за всю семью. В День Искупления первосвященник приносил жертву за весь народ израильский, и этой жертвы хватало на целый год. В конце концов за грехи всего мира был предложен в жертву Иешуа, Мессия, и искупительное действие этой последней жертвы непреходяще, вечно. После этой жертвы навсегда прекратились жертвоприношения животных в Храме.

Вы когда-нибудь обращали внимание на тот факт, что ровно через одно поколение после того, как был распят Иешуа, Храм был разрушен и всяческие жертвоприношения прекратились? Ведь это случилось потому, что с тех пор нужда в жертвоприношениях отпала, так как была принесена эта последняя и вечная жертва!

Все это было для меня совершенно новым. Хотя в школе мне нравилось изучать Писания, я не мог вспомнить, чтобы наш учитель Майер Цубари говорил нам что-либо подобное. Во мне пробудилось любопытство, и какое-то время я слушал Джеффа, не перебивая.

— Но продолжим наш разговор о жертвоприношениях, — сказал Джефф. — Моисей дал в *Торе* ясные и четкие инструкции относительно того, что жертвенное животное должно быть абсолютно безупречным, не иметь никаких физических пороков, поскольку таковые символизировали бы несовершенство или грех. В глазах Бога все люди — грешники. Сложность в том, что грешный человек не может принести себя в жертву за грехи кого-то другого, каждый должен нести наказание за свои собственные грехи. Возможно, эта истина нам кажется унижительной, но ничего не поделаешь — бык, ягненок, даже голубка являются более достойными жертвами на алтарь Бога, чем грешный человек, ведь грех оскверняет нас, делает нечистыми.

— Э-э-э, погодите минуточку! — прервал я его. — Вот вы все время говорите о грехе, причем принимаете за аксиому, что каждый человек по натуре грешник. Тут я не могу с вами согласиться. А как же все великие и праведные мудрецы, которые ни разу в жизни не согрешили? Разве не сказано в *Танахе* о народе Израиля: «*И народ твой весь будет праведный, на веки наследует землю*» (Ис. 60:21)? А как же тридцать шесть «легендарных праведников», на которых, по еврейскому преданию, держится вся Вселенная?

Глаза Джеффа наполнились искренней грустью, и он, осторожно выбирая слова, ответил:

— Да, это как раз тот случай, когда созданные человеком предания противоречат ясному указанию *Танаха*. Каждому из нас дан свободный выбор — верить Слову Божьему или следовать традициям людей. Из контекста того стиха в Книге пророка Исаии, который вы только что процитировали, ясно, что речь идет о том времени, когда Израиль обратится к Царю Мессии и лишь тогда будет прославлен. Вот тогда «*народ твой весь будет праведный..*». Вы же не

можете не признать, что сегодня израильтяне еще не совсем праведны, не так ли? А из *Танаха* мы знаем, что в глазах Господа

20 *Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы...*
(Екк. 7:20)

46 *Когда они согрешат пред Тобою, — ибо нет человека, который не грешил бы...*
(3 Цар. 8:46)

3 *Бог с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога.*

4 *Все уклонились, сделались равно непотребными; нет делающего добро, нет ни одного.*

(Пс. 52:3,4)

Согласно этим словам, а в Писаниях можно найти много подобных строк, грех — всеобщее явление, вошедшее в мир вскоре после того, как на лицо земли ступил первый человек. И я хочу, чтобы вы меня правильно поняли, потому что знаю, что это очень деликатный момент, часто неверно понимаемый как евреями, так и христианами, да и приверженцами других мировых религий. Видите ли, грех не столько в том, что делает или чего не делает человек, сколько в самой природе человека. Другими словами, для того, чтобы стать грешником, нам не надо дожидаться того момента, когда мы совершим грех. Дело обстоит как раз наоборот: мы совершаем грех потому, что являемся грешниками по самой своей природе.

Возможно, грех следует рассматривать как злокачественную опухоль, разрушающую тело изнутри, причем ее симптомы проявляются и внешне. Однако не симптомы делают человека больным, а болезнь порождает симптомы. Видите ли, мы все рождаемся с возбудителями этой ужасной болезни внутри нас. Мы были зачаты как грешники, ведь царь Давид писал: *«Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя»* (Пс. 50:7).

Я возразил ему с апломбом:

— Вы хотите сказать, что ребенок, который не может отличить своей правой руки от левой, уже грешник?!

— Это не я говорю, так говорит *Танах*, но вы и сами можете это видеть в повседневной жизни. Наша система воспитания и образования создана только для того, чтобы сделать общественную жизнь, насколько это возможно, сносной. Подумать только, одно из первых слов, которое выговаривает ребенок на любом языке, это слово «нет»! Ребенка никогда не приходится учить неповиновению или бунту; он способен на это по самой своей природе. Воспитанием мы стараемся укротить его и сломать в нем эту дурную склонность, которой его характер обладал с самого начала. Это один из первых принципов, выдвигаемых *Торой* в одной из первых глав книги Бытия:

5 *И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время.*

(Быт. 6:5)

Первородный грех, совершенный в Эдемском саду, состоял не только в том ужасном преступлении, когда люди попробовали запретный плод. Если вдуматься, это вовсе не такое уж страшное дело, во всяком случае этот поступок определенно не стоит изгнания из рая! Бог так разгневался из-за того, что Адам ослушался Его прямого запрета. И до

сих пор все человеческие грехи сводятся к одному — бунту и выпадку против Божьей воли. Всякий раз, когда вы делаете что-то противоречащее воле Бога, вы грешите. А поскольку на земле никогда не было ни одной души, которая неуклонно исполняла бы Божью волю и ни разу не согрешила, то Писания и рассматривают весь род человеческий как греховный.

Мы знаем, что Адам был создан по образу Божьему, но это было верно только для первой человеческой пары на земле и только пока они были невинными, пока не впали в грех. Этот образ Божий, по которому был создан первый человек, был страшно испорчен и искажен до неузнаваемости в результате греха.

Ну а в рамках *Торы*, Закона Моисея, если кто-то хотел (точнее, должен был) принести Господу жертву, то он обязан был привести священнику *кошерное* животное. Потом человек возлагал свои руки на голову животного в знак отождествления с ним и каялся в своем грехе, тем самым перекладывая грех и вину на безгрешную тварь. Только после этого священник забивал животное и возлагал его на алтарь. Жизнь невинного животного должна была приноситься в жертву вместо жизни виновного человека, и с этого момента человек рассматривался Богом как не согрешивший — разумеется, до следующего раза.

Я спросил:

— Но чем же этот бедный невинный ягненок, или неразумный бык, заслужил такую ужасную судьбу — быть убитым вместо меня и заплатить за мой грех? Почему бы мне не расплатиться за свой грех самому?

— О, вы платите за него, и еще как! Вы понимаете, в чем состоит наказание за грех? Кто-то когда-то сказал, что грех похож на жестокого надсмотрщика; на самом деле грех — это жесточайший тиран! Во все дни жизни он держит нас в кабале и помывает нами, давая взамен только чувство вины, стыда, ущербности и несостоятельности, а мы преданно служим ему, как рабы. Но потом, в свой последний день, когда мы приходим к нему за своей платой, он хохочет нам в лицо и платит за прилежную и верную службу только смертью, потому что «*возмездие за грех — смерть!*» (Рим. 6:23).

Скажите честно, вы действительно готовы заплатить эту страшную цену за грех — заплатить своей собственной жизнью? Разве вы не были бы счастливы, если бы кто-то другой полностью расплатился за вас? Поверьте, расплачиваться за грех — отнюдь не выгодная сделка!

— Но ведь мы все когда-нибудь умрем, не так ли? Что же в этом такого ужасного? — спросил я.

— Писание говорит о двух видах смерти, — терпеливо объяснил Джефф. — Во-первых, это так называемая физическая смерть — та, о которой вы только что сказали. Это прекращение физического существования живого организма. В этом отношении род человеческий сходен с остальными представителями животного мира на этой планете. Но есть и другой вид смерти — «*смерть вторая*» (Отк. 20:14), как называет ее Библия. Это духовная смерть — вечное и окончательное отделение человека от живого Бога, от единственного Источника жизни. Все люди, будучи грешниками, должны расплатиться за свой грех вечной духовной смертью, если они не приняли средства спасения, предлагаемые Богом: Его искупление и прощение грехов через жертву Иешуа, Мессии. Описывая эту вечную смерть, Священное Писание использует очень сильные образы, например, *Геенны* (овраг, в прошлом — долина, у стен старого Иерусалима; с давних пор является местом мусорной свалки, откуда постоянно исходят дым и смрад), озера, горящего «*огнем и серою; это — смерть вторая*» (Отк. 21:8). Она названа тьмой внешней, где «*будет плач и скрежет зубов*» (Мф. 22:13), где «*червь их не умрет, и огонь их не угаснет*» (Ис. 66:24).

— Это верно, что чистое животное невиновно в ваших преступлениях, — продолжал Джефф с того места, на котором я его ранее прервал. — Вы и только вы в нем виновны. Но Бог в Его бесконечной милости, чтобы дать вам понять, насколько ужасен грех в Его глазах, показывает, что только безупречно прекрасное, совершенное, невинное (и к

тому же дорогостоящее) создание, каким вы были бы, если б не согрешили, может занять ваше место и умереть вместо вас.

— Но сегодня у нас нет Храма, и мы не приносим жертв, — упрямо продолжал я. — Наши раввины учили нас, что после разрушения Храма все жертвоприношения прекратились, и с тех пор Бог изменил Свой способ искупления. Со времени разрушения Второго храма до наших дней «молитва, раскаяние и раздача милостыни отменяют злой приговор». Сегодня стих «*Отними всякое беззаконие и прими во благо, и мы принесем жертву уст наших*» (Ос. 14:3) применим к нам как средство спасения.

— Тут вы и правы, и не правы, — ответил Джефф. — Это верно, что сегодня у нас нет ни Храма, ни жертвоприношений. Верно и то, что жертвоприношения были прекращены после разрушения Храма в Иерусалиме. Но неверно думать, что Бог изменил систему и сегодня для спасения хватает поста и молитвы. Если это так, почему же раньше требовались жертвоприношения? Если душу человеческую могут спасти одни молитвы и посты, зачем же в прошлом Бог требовал уничтожать для этого столько невинных животных? Нет, Бог не изменился, и Он не изменится и в будущем. Он вечен, и у Него нет запасного плана для спасения человечества.

Повторю то, что уже сказал: именно поэтому Бог послал нам Мессию. Иешуа — совершенная и вечная жертва, и Его искупительная смерть положила конец всем и всяческим жертвоприношениям животных раз и навсегда!

— Но это вовсе не Иешуа положил конец жертвоприношениям! — Меня снова охватило раздражение. — Вы, *goi*, положили им конец, разрушив и спалив наш Храм.

Джефф посмотрел на меня так, словно читал мои мысли.

— Вы действительно думаете, что Бог Всемогущий так слаб и беспомощен, что не мог предотвратить случившегося? Другими словами, если бы Бог не позволил язычникам-римлянам разрушить Храм, разве они могли бы сдвинуть хоть один его камень? Вы, должно быть, знаете, что в Книге пророка Амоса говорится, что Бог никогда не делал ничего, не предупредив людей об этом заранее через Своих служителей — пророков, заранее сообщая им о Своих намерениях.

Я кивнул в знак согласия. Это я действительно знал. Но у меня было странное чувство, словно все, что я знал, во что верил до сего часа, как бы висело в воздухе без всякого прочного основания, а у Джеффа все держалось крепко, было основано на прочном и неизменном Слове Божьем. Да, это было очевидно. И еще я заметил, что вся его вера была основана только на Писаниях.

— Даже в этом случае, — сказал он, — как и во всех других, Бог открыл Своим слугам, пророкам, что первой и главной целью Мессии будет искупление грехов рода человеческого. Так что упразднение системы жертвоприношений было, можно сказать, лишь следствием выполнения этой важнейшей задачи.

— Ого, мне пора бежать! — вдруг вскричал Джефф, бросив взгляд на часы. — Но я скоро вернусь и покажу вам пророчества, открывающие кое-что относительно народа Израиля и Иешуа, — уверен, вам такое и во сне не снилось!

Мне пришлось согласиться, что я в жизни не слышал ничего подобного! Интересно, что еще этот человек покажет мне в *Танахе*, чего я не знаю?

Я запер магазин и пошел прогуляться по набережной над Атлантическим океаном. Голова кружилась от противоречивых мыслей. Ночью я не мог отделаться от мысли о моем стареющем отце. Я прямо-таки видел, как он выполняет *таиллих* — традиционный очистительный ритуал у источника, символически очищая себя от всех грехов на *Рош ха-Шана* (еврейский Новый год). Мне было жаль его, ибо было ясно, что таким путем от греха не избавиться.

Внезапно я увидел, как отец режет искупительного петуха накануне *Йом Киппура*. Я смотрел, как он старательно помахивает кровотокающей белой птицей, вырывающейся из его рук. Отец кругообразно поводит ею над нашими головами, бормоча традиционный напев: «Вот мое искупление, вот моя замена, мое замещение; этот петух уйдет на смерть, а мы вступим в хорошую жизнь и мир!» Мать потом использовала забитую птицу для приготовления традиционного куриного супа для последней трапезы перед постом *Йом Киппура*. Про себя я думал, что если все наши грехи действительно переносятся на этого несчастного петуха, то, съев суп, мы тут же получаем их обратно!

Неужели в этом и состоял смысл жертвоприношения? А кстати, где в *Танахе* упоминается принесение в жертву петуха? *Тора* говорит о быках, баранах, ягнятах и козлах, о голубях и других птицах, но где в этом контексте упоминаются петух или курица? Я еще помню, что в конце каждого *Йом Киппура* я никогда не был уверен, действительно ли мои грехи прощены. О да, мы приветствовали друг друга традиционным благословением «Гемар хатима това» («Пусть твое имя будет записано в Книгу жизни»), но даже это чудесное благословение давно стало всего лишь привычными словами.

А вдруг Джефф был прав, когда сказал, что главным событием Дня Искупления было на самом деле жертвоприношение, а так как мы сейчас не имеем козла отпущения, то и не можем быть уверены, что наши грехи в самом деле прощены? Я вспомнил историю из *Талмуда* (собрания иудейских устных преданий) о рабби Иоханане бен Заккае, который на смертном одре признался своим скорбящим ученикам, что отнюдь не уверен в том, куда его ведут ангелы — в рай или, увы, в ад!

А вдруг Джефф был прав, говоря, что потребность приносить жертвы была заложена в самой природе человека и что эта потребность столь же стара, как сам грех?

Я был смущен и ошеломлен, но в то же время так заинтригован, что с трудом мог дождаться очередной встречи с моим новым другом. Джефф любил Господа, как ребенок любит своего отца. Он был знаком с Богом лично, тогда как я почти ничего о Нем не знал. Для Джеффа Бог был не просто Высшей силой, чуждой и отдаленной, откуда-то издалика движущей колесами Вселенной. Нет, Бог был для него любящим Отцом, который досконально знает Своих детей и все же, несмотря на все их человеческие слабости и недостатки, любит их. Я вроде бы знал Бога еврейской традиции. Я обожал праздники Израиля и даже иногда с удовольствием читал *Танах*. Но для Джеффа *Танах* был живым Словом живого Бога. Он читал его так, как читают письмо от очень дорогого и любимого человека.

Джефф был уверен, что его грехи прощены, а я мог быть уверен только в том, что моя жизнь наполнена распутством и прелюбодеянием. Джефф знал, что, когда придет время, перед ним раскроются ворота рая и он всегда будет пребывать со своим возлюбленным Господом на небесах. Я же не имел ни малейшего представления, где окажусь в конце концов. Джефф говорил об этой жизни лишь как о коридоре, который ведет в пиршественный зал вечной жизни. И я задумался о том, как мне подготовить себя, пока я еще в коридоре. Если это мне не удастся, попаду ли я в вечности в зал для пиршеств?

Я понимал, Джефф, что ни говори, имеет явное преимущество предо мной. Он знал что-то такое, что должен был знать и я. У него было то, что, по-видимому, должно было быть и у меня, но, к сожалению, куда-то делось. Я готов был отдать все сокровища мира, чтобы узнать, что именно это такое. И в то же время я был до смерти напуган и совсем не уверен, хочу ли найти ответ на этот вопрос. Я понимал, что ответ подразумевает и ответственность, и серьезные обязательства, которые в то время мне не хотелось на себя возлагать.

Глава 9. Кто же был принесен в жертву?

Лишь через несколько дней в моем магазинчике снова появился Джефф. Оказалось, он пришел с новым арсеналом аргументов, готовясь сбросить на меня еще несколько «Иешуа-бомб». На этот раз я был готов согласиться с ним, во всяком случае с одним из тезисов: прогнившие религиозные установления были всего лишь огромным фиговым листком, прикрывающим наготу государственной политики. Джефф не сказал мне ничего нового о существовании Бога, чего бы я не знал. Все это мне было прекрасно известно еще с детства.

Бродя по свету, я встречал самых разных людей, но никогда не знал человека с таким оптимистичным отношением к жизни. Еще при нашей первой встрече я заметил, что Джефф был одарен особым родом мудрости, и меня по-настоящему восхищало то, как он высказывает свои убеждения. Я ценил и то, с каким терпением он выдерживал мои язвительные выпады в адрес его веры. Хотя я был так же далек от проблемы существования Иешуа, как далек восток от запада, тем не менее был рад видеть Джеффа, сознавая, что он многому может меня научить. Я искренне желал узнать те сведения из *Танаха*, которые не мог услышать ни в синагоге, ни в родительском доме, ни в школе.

Войдя в лавку, Джефф сразу приступил к делу, продолжив разговор точно с того места, на котором мы остановились в прошлый раз. Его настойчивость прямо-таки восхищала меня.

— Пророки действительно пророчествовали, но только насчет пришествия Мессии, — сказал Джефф и со свойственным ему воодушевлением процитировал нескольких еврейских мудрецов. — Я обещал показать вам в *Танахе* несколько пророчеств относительно Иешуа. Хотите, я найду Иешуа в вашем собственном *Танахе* на иврите или лучше в моем?

Я протянул ему свой *Танах*, и он сказал:

— Найдите Книгу пророка Исаии, главу 52-ю, стих 13-й, и читайте, пожалуйста, отсюда до конца 53-й главы.

Я не мог не принять этот вызов. Открыв свой *Танах*, я начал читать и сам не верил своим глазам!

13 *Вот, раб Мой будет благоуспешен, возвысится и вознесется, и возвеличится.*

14 *Как многие изумлялись, смотря на Тебя, — столько был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его — паче сынов человеческих!*

15 *Так многие народы приведет Он в изумление; цари закроют пред Ним уста свои, ибо они увидят то, о чем не было говорено им, и узнают то, чего не слыхали.*

1 *[Господи!] кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?*

2 *Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему.*

3 *Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его.*

4 *Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом.*

5 *Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились.*

6 *Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас.*

- 7 Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стрижушим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих.
- 8 От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь.
- 9 Ему назначили гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его.
- 10 Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его.
- 11 На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих, и грехи их на Себе понесет.
- 12 Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем.

(Ис. 52:13—53:12; выделено автором)

Несмотря на полученное мною образование и все уроки национальной истории, усвоенные со школьной скамьи, несмотря на все предрассудки, впитанные с молоком матери (согласно которым народ Израиля был всегда невинным и безупречным и страдал от рук злобных, безнравственных язычников), я не мог не признать, что тот отрывок, который я только что прочел на иврите в своем *Танахе*, явно описывал невинного человека, не сделавшего ничего плохого. Он претерпел ужасающие страдания и даже смерть от рук тех, которые называли себя «Его народом», хотя сам он ни в чем не был виновен! Здесь я не мог не принять объяснения Джеффа. А он продолжал:

— Пророк начинает с риторического вопроса: «Кто поверил слышанному от нас?» Он хорошо знал, что народ Израиля никогда не примет, никогда не поверит в Царя «праведного и спасающего, кроткого, сидящего на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной» (Зах. 9:9).

Пророк Исаия видел своими духовными очами, как Израиль будет презирать своего Мессию и отвергнет Его за то, что Тот не оправдает их ожиданий: не предстанет в облике победоносного воинственного Вождя, Который подчинит Себе все языческие царства, возьмет под Свою руку все народы и будет из Иерусалима править всем остальным миром. Напротив, Исаия говорит: «Он был презрен и умален пред людьми... и мы ни во что ставили Его».

Бога не удивил тот факт, что Израиль отверг Мессию. Напротив, Он даже предсказал это: «Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его». Иными словами, Иешуа было предназначено стать жертвой за грехи всего мира, чтобы «воля Господня благоуспешно» исполнялась.

Я потерял всякий дар речи, когда прочитал описания, не требующие никаких комментариев: «...и Господь возложил на Него грехи всех нас», «Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих, и грехи их на Себе понесет».

Более того, я понял, что этот *гой* Джефф, который, согласно нашим еврейским мудрецам, даже не обладает какой-либо *нешама* (душой), стоит предо мной с душой гораздо более чистой и светлой, чем моя, еврейская, а все потому, что я живу в грехе. «Кого же из нас следует забить камнями до смерти?» — подумалось мне.

И я тут же задал ему другой вопрос, с подвохом: «Так кто же убил Иешу?», — надеясь получить обычный ответ; я был уверен, что он возложит ответственность за это отвратительное преступление на евреев, как это обычно делают христиане.

— Это сделали римляне, это сделали и евреи; и вы, и я в ответе за это. Все человечество одинаково виновно, — сказал Джефф.

Вот так ответ!

— Что вы имеете в виду? — не понял я. — Как же мы с вами могли убить Иешу? Ведь Он жил две тысячи лет назад!

— Да, это так. С точки зрения истории именно евреи выдали Иешуа римлянам, так как сами они, будучи под пятой Рима, не имели права никого приговаривать к смертной казни. Римляне же привели приговор в исполнение, казнили Его распятием, ибо в те дни смертную казнь приводили в исполнение именно так.

Так уж Бог predetermined, чтобы в Его глазах оказались виновными все — и евреи, и язычники, чтобы потом все они с равным правом могли претендовать на спасение. Бог привел их всех к бунту, чтобы потом даровать им всем Свое прощение. Поэтому никто сейчас не может сказать, что невиновен в распятии Иешуа. Обвинять в этом лишь какую-то одну часть человечества несправедливо с точки зрения исторической и духовной правды.

Более того, если бы Иешуа не распяли, оказались бы неправы еврейские пророки, которые за много лет вперед предвидели Его смерть на кресте. Но в конечном счете эту вину нельзя целиком возложить ни на евреев, ни на язычников. Виновна в этом человеческая греховность. Вот вы — еврей, а я — нет, но оба мы грешники и как таковые одинаково виновны перед святым и праведным Богом. Это грех — как ваш, так и мой — послал Иешуа на крест. Очень важно понимать, что, если бы Он не захотел принять эту смертную казнь, никакие силы во вселенной не могли бы Его заставить сделать это! Он умер в качестве вечной и окончательной жертвы лишь из любви к грешникам, чтобы даровать им отпущение грехов.

— О чем вы вообще говорите? — снова возмутился я. — Мы больше не приносим жертв! Вы, *гои*, позаботились о том, чтобы у нас больше не было ни Храма, ни жертвоприношений! И вообще, не кажется ли вам, что за время своего существования народ Израиля принес достаточно много жертв? Я думаю, что жертва, о которой говорит Исаия, это и есть народ Израиля.

— Пятьдесят третья глава Исаии не может говорить о народе Израиля, — терпеливо объяснил Джефф. — Разве сами евреи не признают дважды в неделю, каждый понедельник и четверг, в молитве *Таханун*, что «из-за грехов наших нас изгнали с нашей земли»? Видите ли, народу Израиля пришлось платить за собственные грехи, и это ни в коей мере не может искупить грехи язычников. Писания неоднократно перечисляют многочисленные грехи Израиля, один за другим. Прочтите, например, что Исаие пришлось сказать уже в первой главе своей книги:

4 *Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святого Израилева, — повернулись назад.*

6 *От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необязанные и несмягченные елеем.*

9 *Если бы Господь Саваоф не оставил нам небольшого остатка, то мы были бы то же, что Содом, уподобились бы Гоморре.*

(Ис. 1:4,6,9)

Вряд ли можно сказать, что Господь польстил народу Израиля в этих стихах! Бог никогда не льстит, не говорит комплименты Своим детям, когда Ему приходится наказывать их, принуждать к послушанию или упрекать их за грехи. Поэтому народ Израиля не мог искупить грехи всего человечества — он сам был греховен. Таков принцип *Танаха*: один грешник не может искупить грехи другого. Вот почему Господу пришлось послать Мессию!

И снова я поразился этому *гою*, который знал *Танах* и мог даже приводить цитаты из нашего еврейского молитвенника. Мне стало по-настоящему стыдно за то, что я настолько запустил штудирование *Танаха*, что неспособен найти хотя бы один разумный «еврейский» ответ на его толкование Писаний. Джефф, видимо, заметил мое смущение, потому что он быстро сменил тему, но при этом пустил в меня еще одну «стрелу»:

— А вы случайно не знаете, когда точно должен был прийти Мессия?

— Я думаю, многие евреи, включая самого Любавичского раввина¹, охотно заплатили бы вам немалые деньги за такую информацию! — отшутился я.

¹ Любавичский раввин — иносказательный образ строгого в исполнении Закона и ритуалов *хасида*. — Прим. ред.

— А я готов бесплатно показать вам ответ тут же, в вашем еврейском *Танахе*, — возразил Джефф.

— О Боже, да этот *гой* всерьез завладел моим вниманием! — подумал я. И вручил ему мой *Танах*, а он опытной рукой раскрыл нужное место. Я не мог удержаться от мысли: хотя я и очень люблю читать *Танах*, но вряд ли так же хорошо помню, в каком порядке расположены в нем книги!

Джефф быстро пролистал страницы и нашел девятую главу Книги пророка Даниила, а потом попросил меня читать вслух, начиная с 24-го стиха.

- 24 *Семьдесят седмин определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония, и чтобы приведена была правда вечная, и запечатаны были видение и пророк, и помазан был Святый святых.*
- 25 *Итак знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седмин и шестьдесят две седмины; и возвратится народ и обстроятся улицы и стены, но в трудные времена.*
- 26 *И по истечении шестидесяти двух седмин предан будет смерти Христос, и не будет; а город и святилище разрушены будут народом вождя, который придет, и конец его будет как от наводнения, и до конца войны будут опустошения.*
- 27 *И утвердит завет для многих одна седмина, а в половине седмины прекратится жертва и приношение, и на крыле святилища будет мерзость запустения, и окончательная предопределенная гибель постигнет опустошителя.*

(Дан. 9:24—27; выделено автором)

— Надо признать, язык этого отрывка особенно сложен, — добавил Джефф. — Вы все поняли правильно?

Я еще раз перечитал отрывок с начала до конца и должен был признать, что понять его нелегко. Раньше я никогда не читал эту главу, а если честно, то вообще почти не слышал о существовании в *Танахе* Книги пророка Даниила.

Больше всего меня озадачила одна короткая фраза. Я всегда знал, что Мессия должен прийти «в конце дней», чтобы искупить и спасти Израиль от всех его противников, покорить всех врагов Господа и установить Его вечный и истинный мир. В Его царстве волк будет жить вместе с ягненком и леопард будет лежать рядом с козленком (см. Ис. 11:6). Тогда народ Израиля станет жить в полной безопасности, каждый под своей виноградной лозой и под своей смоковницей (см. Мих. 4:4), а все язычники будут повержены ему под ноги.

Но здесь, в этом отрывке, я читаю, что Мессия «*предан будет смерти*». Что это на самом деле означает? Я знаю, что употребленное здесь еврейское слово *карет* означает «смерть по повелению неба». Может быть, мы действительно зря тратим время, ожидая пришествия Царя-Мессии, если Он все равно «*предан будет смерти*»? Я вспоминаю прочитанное только что: «*Как овца, веден был Он на заклание... Ему назначали гроб со злодеями... предал душу Свою на смерть*». Неужели Мессия должен был уже давно прийти и умереть? Упаси Господи! Не окажется ли, что эти христиане в конце концов были правы, приписывая такую смерть своему Иешу?

Пытаясь мне помочь, Джефф сказал:

— Давайте сначала рассмотрим общий фон этой истории. Даниил был юношей, когда Навуходоносор изгнал его из Иерусалима в Вавилон. За свою долгую жизнь ему пришлось служить нескольким царям, сначала в Вавилоне, потом, после персидского завоевания, — в Персии. Однажды он нашел древний свиток, в котором прочитал старое пророчество Иеремии. Согласно этому пророчеству, вавилонский плен должен был продлиться семьдесят лет. Простой расчет подсказал ему, что этот срок вскоре истекает. Он начал поститься и молиться, каюсь в грехах своего народа и пытаюсь понять, почему конец плену все не наступает. После периода поста и молитв ему было послано видение ангела, который раскрыл Даниилу, что принесет будущее его народу.

— Я вижу, что в этом отрывке дважды упоминается Христос (греческий перевод слова «Мессия»), но как можно сделать из него выводы, когда именно должен прийти Мессия? — спросил я.

— Для этого надо иметь некоторые знания по лингвистике, истории, астрономии, не повредит и некоторое знание математики, — ответил Джефф. — Однажды я прочитал довольно подробное исследование этого пророчества и могу поделиться этими знаниями с вами и объяснить все согласно этому исследованию. Каждая из упомянутых наук представит нам свои, очень важные данные.

Прежде всего рассмотрим этот отрывок с лингвистической точки зрения. Сегодня мы называем неделей (седьмой) единицу времени, включающую семь суток, состоящих из 24 часов. Но во времена *Танаха* слово «неделя» имело дополнительный смысл. Например, в книге Бытия мы читаем, что хитрый и склонный к интригам Лаван, обманув своего племянника Иакова с Рахилью, сделал ему такое предложение: «*Окончи неделю этой; потом дадим тебе и ту, за службу, которую ты будешь служить у меня еще семь лет других*» (Быт. 29:27).

Другими словами, слово «неделя» могло означать и семь лет. И у Даниила используется необычная форма множественного числа — *шавуим*, что можно перевести как периоды по семь лет каждый, тогда как обычное множественное число древнееврейского слова «неделя», *шавуах*, будет *шавуот*, оно-то и означает обычную семидневную неделю.

Теперь рассмотрим исторический аспект. Из истории мы знаем, что персидский царь Артаксеркс Долгорукий вошел на трон в 465 году до Рождества Христова. В Книге пророка Неемии (2:1—5) мы читаем, что на двадцатом году своего правления Артаксеркс издал указ, разрешавший восстановление Иерусалима. Значит, этот указ, упоминаемый Даниилом, был издан Артаксерксом в 445 г. до Р. Х. — вот отправная точка для определения сроков в этом пророчестве.

Теперь, — продолжил Джефф, — как у вас с математикой? Потребуется лишь простая арифметика. В этой главе говорится о семидесяти седминах, или 490 годах. Этот период делится на три неравных периода: семь седминов, что составляет 49 лет, или один юбилей; 62 седмины, что дает 434 года; и еще одна седмина, которая в свою очередь состоит из двух полуседемнин. Согласно этому абзацу, Мессия должен погибнуть через некоторое время после первых двух периодов. А если мы сложим 434 и 49, получим 483 года.

В древнем мире годом считали лунный год — 360 дней. Таким образом, Мессию должны были убить вскоре после того, как от выпуска указа Артаксеркса пройдет 173 880 дней (483 раза по 360 дней).

Так вот, Неемия говорит нам, что указ был выпущен в месяце нисане. Первое нисана было еврейским Новым годом. Годы правления царей считали от нисана до нисана. По этому случаю устраивались различные официальные мероприятия и праздники, и можно предположить, что царский указ тоже был выпущен первого нисана.

Теперь рассмотрим астрономические данные. Согласно данным Королевской обсерватории в Гринвиче, было установлено, что первое нисана 445 г. до Р. Х. пришлось по нашему счету на четырнадцатое марта этого года. Вот исходная дата для расчетов по нашему календарю.

Отсюда мы можем точно рассчитать, в какой день Иешуа въехал в Иерусалим верхом на осле за несколько дней до Его распятия. Евангелие от Луки говорит нам, что публичное служение Иешуа началось в пятнадцатый год правления императора Тиберия, который пришел к власти в 14 г. от Р. Х. Большинство ученых сходятся в том, что публичное служение Иешуа продолжалось около трех лет; получается, что распяли Его в 32 г. от Р. Х.

В Евангелии от Иоанна (12:1) говорится, что Иешуа пришел в Вифанию за шесть дней до *Песаха*, а в двенадцатом стихе — что Он вступил в Иерусалим «на другой день». *Песах* всегда праздновался четырнадцатого нисана, а в 32 г. от Р. Х. этот день, согласно расчетам астрономического центра, пришелся на десятое апреля. Тогда получается, что Иешуа пришел в Вифанию четвертого апреля, а это в тот год была пятница. В таком случае «вечеря», которую Ему там приготовили, должна была быть субботней трапезой, а «на другой день» была суббота, Иешуа и Его ученики отдыхали, и Он вступил в Иерусалим только в воскресенье, шестого апреля 32 г. от Р. Х.

Так вот, действительно ли шестое апреля 32 г. от Р. Х. отделялось ровно 173 880 днями от четырнадцатого марта 445 г. до Р. Х., когда царь Персии издал указ о восстановлении Иерусалима? По юлианскому календарю¹ ясно, что между этими двумя датами лежит промежуток времени в 477 лет и 24 дня. Но, как вы, вероятно, знаете, между первым годом до Р. Х. и первым годом от Р. Х. не было нулевого года. Так что один год надо вычесть, получается промежуток в 476 лет и 24 дня, то есть 173 764 дня (476 раз по 365 плюс 24). Но сюда надо добавить еще 119 дней, так как в еврейском календаре високосные годы с добавочным днем вставляются каждые четыре года (476 разделить на 4 будет 119), тогда получаются 173 883 дня — очень близко к числу дней, указанных в пророчестве, 173 880!

¹ Юлианский календарь был введен в Риме в 46 г. до Р. Х., он установил 12-месячный год, состоящий из 365 дней, причем каждый четвертый год имеет 366 дней; в месяцах 31 или 30 дней, кроме февраля, в котором 28 либо 29 дней (в високосные годы). Григорианский календарь немного отличается от юлианского в том, что касается правил выделения високосных лет (не будем подробно рассматривать эти отличия, так как в данном случае они не имеют отношения к делу). Он был введен в континентальной Европе в 1582 г., в Великобритании и ее американских колониях принят в 1752 г. (в России — в 1918 г.). — *Прим. пер.*

Но для библейского пророчества такая точность недостаточна, здесь необходима стопроцентная точность, и мы должны ее добиться. Мы знаем, что год юлианского календаря слегка отличается от действительной продолжительности солнечного года: юлианский год на 1/128 долю дня длиннее солнечного. Так что от периода в 483 года (69 седминов Даниила) надо вычесть три дня — и получается ровно 173 880 дней!

Передо мной стояла серьезная проблема: кому верить? Верить ли синагоге и еврейским традициям, в которых я был воспитан и согласно которым настоящий Мессия предназначен только для Израиля, а не для всего мира? Или надо верить *Танаху*, который сейчас раскрыт перед моими глазами и говорит мне нечто совершенно иное: что Мессия должен прийти незадолго до разрушения Второго храма и что Он *«предан будет смерти»*?

Но если прав *Танах*, то как могли наши раввины оказаться настолько слепыми по отношению к очевидной истине? Я был уверен, что должен существовать какой-то удовлетворительный ответ на этот вопрос. И я решил докопаться до всего, что только можно об этом узнать.

Джефф, казалось, опять прочел мои мысли, потому что на мой незаданный вопрос он ответил раньше, чем я успел сформулировать его:

— О, я читал раввинские интерпретации этой проблемы. Большинство традиционных комментариев этого отрывка, как и других отрывков Писания, говорящих о Мессии, в общем делятся на две крупные категории: древние, написанные до первого века от Р. Х., и более поздние, которые в большинстве случаев стремятся опровергнуть аргументы *миним(ов)* (отступников). Большинство древних комментариев, например комментарий Йонатана бен Узииеля, относят эти пророчества к Царю Мессии, а более новые, как, например, комментарий Раши, стараются отрицать такую возможность, изобретая другие, довольно натянутые толкования, несущие весьма явную антимессианскую направленность.

Но посмотрим, что по этому поводу может сказать *Танах*, чистое Слово Божье; ведь оно само может говорить за себя! Мудрецы Израиля до сих пор еще не в состоянии это осознать. И за это их нельзя осуждать, точно так же, как нельзя осуждать слепого за то, что он не может видеть. И дело не в том, что они слишком глупы — они вовсе не глупы! Просто за их грехи Господь временно закрыл им глаза, чтобы язычники смогли принять еврейского Мессию и спастись. Бог, так сказать, на время отодвинул детей Израиля на второй план, но не забыл о них! Упаси Боже! Вскоре придет день, когда Он снимет эту пелену с их глаз, и тогда они, иудеи, раскаются и посмотрят на Того, Кого они пронзили.

— Что вы имеете в виду, говоря о «Том, Кого они пронзили»? Это выражение есть и в *Танахе*? — спросил я.

Я уже дошел до такой стадии, на которой уже ничто не могло меня поразить или потрясти. Теперь я был готов и способен (хотя и не желал) принять все что угодно. Я понял, что мой *Танах* хранит в себе огромное количество сведений, о наличии которых я до сих пор даже не догадывался!

— Да, это стих из Книги пророка Захарии, — тут же ответил Джефф. — Откройте ее и прочтите.

Он открыл *Танах* и дал мне самому прочитать это место. Этот отрывок говорил об ужасной войне, которая шла в Иудее и Иерусалиме. Из контекста я не мог достоверно установить, шла ли речь о войне, которая уже когда-то имела место, или о той, которая, не дай Бог, предстоит в будущем. А потом я прочитал следующие стихи:

9 *И будет в тот день, Я истреблю все народы, нападающие на Иерусалим.*

10 *А на дом Давида и на жителей Иерусалима изолью дух благодати и умиления, и они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают об единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце.*

(Зах. 12:9,10; выделено автором)

Мне понравилась идея о том, что Бог планировал истребить *«все народы, нападающие на Иерусалим»*. Она совпадала с моим представлением о характере Мессии. Но теперь мне было сказано, что Мессия не только будет убит и

уничтожен, но, согласно этому стиху, Он будет пронзен, и весь народ Израиля увидит Его, когда Бог откроет их духовные глаза и прольет на них Свой Дух благодати и умиления! Однако почему-то это представление показалось мне вполне гармонирующим с остальным Писанием.

«О Боже! Неужели Господь прямо сейчас открывает мне глаза?» — Я был испуган до смерти одной мыслью об этом!

Джефф как будто точно знал, что и как сказать в этот момент.

— Вы же видите, — продолжал он, словно считая само собой разумеющимся, что мне все это известно, раз я еврей, — Исаия говорит об Агнце, Который искупит грех человечества Своей смертью. Даниил предсказывает время, когда Мессия будет убит, с точностью до дня. Захария пророчествует, что придет день, когда весь народ израильский воззрит *«на Него, Которого пронзили»* (что указывает на обстоятельства Его смерти) и будет оплакивать Его. А теперь я покажу вам еще одно пророчество, которое прольет еще немного света на день возврата Иешуа:

13 *Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему.*

14 *И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится.*

(Дан. 7:13,14)

— Вот видите? — указал мне Джефф. — Каждый пророк дает нам еще один или несколько кусочков — как бы деталей одной большой разрезной головоломки, или, если вам угодно, мозаики, на которой изображен Мессия. Даниил описывает, как Он придет с облаками небесными, а Захария изображает Его как Того, Кто был пронзен. Вы же не станете утверждать, что Мессия был пронзен до того, как сошел на землю! А хотите, я вам покажу, что *Танах* говорит о том, где именно должен родиться Мессия?

Это был для меня еще один ошеломляющий удар! Снова Джефф поразил меня своим детальным знанием Писаний. Он открыл *Танах* и бегло прочитал пророчество на иврите, хотя и с сильным американским акцентом:

2 *И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле, и Которого происхождение из начала, от дней вечных.*

(Мих. 5:2)

«Большинство еврейских толкователей соглашались в отношении этого стиха, что Мессия должен родиться в Иудее, в Вифлееме, городе царя Давида. Но правитель, о котором говорит Михей, должен быть особенным человеком, иначе мы могли бы решить, что речь идет об обычном, из крови и плоти, царе вроде Давида, сына Иессеева, который тоже родился в Вифлееме. Но Михей указал, что Его происхождение восходит к *«дням вечным»*, и Даниил тоже говорил о Нем как о правителе вечного царства. И это действительно так, ибо Иешуа был не просто еще одним обычным человеком. Только Он мог искупить наши грехи и вдохнуть в нас новый Дух. При следующей нашей встрече я с удовольствием покажу вам прямо в Писаниях, что у Бога действительно есть Сын. Вы должны понять, что никогда не сможете самостоятельно добиться всего того, что Сын Божий может и хочет вам дать. Разве это не страшная потеря времени и сил — напрасно искать истинный смысл жизни там, где найти его невозможно, в *«водоемах разбитых, которые не могут держать воды»* (см. Иер. 2:13)? — Джефф произнес эти слова с такой силой, что мне почудилось,

будто они прозвучали для меня прямо с небес. Похоже, он видел меня насквозь и хорошо знал о тех пустых колодцах, в которые я часто заглядывал в безуспешных поисках воды жизни!

Я ответил ему широкой улыбкой, но про себя все еще посмеивался над его фанатизмом. Таким упрямым и извращенным может быть человеческое сердце, так упорно отвергающее истину! В завершение мы поговорили немного об Израиле, по которому оба тосковали, и Джефф уехал.

Я закрыл лавку и пошел прогуляться вдоль Атлантического океана — это было мое любимое место прогулок. Мне нравилось дойти по набережной до верфи, присесть на одну из скал и смотреть, как вдали качаются на волнах рыбацкие лодки. Обычно, сидя здесь, я смотрел на горизонт, обдумывая и планируя дальнейшую жизнь.

Этим вечером океан был тих, но в моем сердце бушевала настоящая буря. Меня волновало то, что я только что прочел в *Танахе*. В глубине души я понимал, что в этих отрывках действительно говорится об Иешуа. Вдруг я вспомнил, что однажды где-то в Манхэттене мне вручили книжонку об Иисусе. Тогда я отбросил ее с отвращением, но теперь вспомнил о ней. Глядя на звезды небесные и на песок морской — два часто употребляемых в Писаниях символических образа, характерных для моего древнего и мною любимого народа, — я не мог отделаться от гнетущей мысли: евреи, кажется, упустили свой шанс в истории. Но я не винил в этом ни иудейских раввинов, ни христианскую церковь. Единственным моим желанием было выяснить истину об этом Человеке!

Глава 10. Жажда истины

Прошло несколько дней, а Джефф все не заходил в мой магазинчик. Сперва я переживал, что не спросил номера его телефона, но понемногу буря, бушевавшая в моей душе, улеглась. Время шло, и длинные философские дебаты с Джеффом постепенно забывались. Окружающий мир заманчиво сверкал множеством искушений, и я снова был готов идти им навстречу, как ни в чем не бывало.

Особенно охотно я проводил вечера в ночном клубе «Каменный пони» в Эсбюри-Парке Нью-Джерси. В это время здесь делал свои первые шаги в шоу-бизнесе малоизвестный рок-певец. Темные очки, ковбойская шляпа, теплый, хриловатый голос создавали привлекательный образ настоящего мужчины. Это был Брюс Спрингстин.

Развлечения в ночном клубе не были для меня новинкой. Еще подростком я часто посещал с друзьями ночные клубы и дискотеки в Яффе и Тель-Авиве. Там мы курили, выпивали, ухаживали за девушками — ведь так поступали все. Тогда я был мальчишкой, теперь — мужчиной, во всяком случае таковым я себя считал.

Моя жизнь все больше сосредоточивалась на единственном человеке — том самом, который каждое утро глядел на меня из зеркала. Кто-то подсовывал мне грех, словно ядовитую пилюлю в толстой сахарной оболочке, и я охотно глотал эту пилюлю, как рыба, заглатывающая крючок вместе с наживкой. Чем глубже я погружался в болото греха, тем меньше обращал внимания на спасительный канат, который Джефф пытался бросить мне с высокого и прочного утеса, на котором стоял, — скалы, имя которой Иешуа Мессия, Иисус Христос. Разумеется, я сам не замечал, как деградирую, ведь все шло так гладко, так славно.

Но вот однажды вечером, опять-таки незадолго до закрытия, Джефф как ни в чем не бывало вошел ко мне в лавку, словно и не пропадал все эти дни. На его лице сияла знакомая широкая улыбка, и он продолжил нашу беседу так, будто мы прервались лишь на минуту. К этому времени я уже испытывал к нему противоречивые чувства. С одной стороны, мне было интересно слушать его рассказы о *Танахе*; с другой стороны, грех, который сидел во мне, яростно отвергал его слова, так как они представляли собой скрытую угрозу моему распущенному образу жизни.

Всем своим сердцем я сопротивлялся этому новому учению, бунтовал против него — ведь оно затрагивало мою еврейскую гордость, да и мое врожденное тщеславие. Я клялся самому себе никогда не соглашаться с утверждением, что современный иудаизм в своей основе ошибочен. В конце концов, как мне тогда снова показаться в своей родной стране, если я приму его слова за истину и «обращусь»? Боже упаси! Я и думать не желал о возможности покаяния в том смысле, в котором толковал это слово Джефф. А идея принять на свою шею ярмо Царства Божьего казалась отталкивающей.

— Наверное, помните, как вы рассердились, когда я впервые сказал вам, что у Бога есть Сын? — спросил Джефф, высказав вслух мою потаенную мысль.

Я утвердительно кивнул.

— Бог знал, что ни один падший человек не сможет спастись самостоятельно и что для этого необходима жертва. Но животное, каким бы оно ни было чистым, никак нельзя приравнять к человеку. Только человек может быть равноценен другому человеку. Поэтому Бог решил войти в этот мир в облики человека, чтобы принять на Себя наказание за грехи людей и умереть для их искупления.

Иешуа, будучи Богом в человеческой плоти, был единственным Человеком, который когда-либо жил на этой земле и не делал греха. Поэтому Он один мог стать невинным и чистым Агнцем Господним, идеальной жертвой! Видите ли, Иешуа не был обычным человеком — Он был Богом во плоти, Который пришел в мир. Как это могло случиться? Только Бог Всемогущий знает ответ, ибо Бог стоит вне порочного круга человеческого греха. Он так любит нас, грешных, что Его праведность не была бы полностью проявлена, если бы Он не обеспечил, по милости Своей, спасение для падшего человеческого рода. Для этой цели Господь послал в мир Своего Сына, чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную (см. Ин. 3:16). И этот Его Сын и был Мессией!

— Но какое отношение все это имеет к Мессии? — спросил я. — Я знаю, что христиане обожествили Иисуса и сделали из него бога, но это же чистое кощунство! Ни один еврей никогда не поверит, что у Бога есть Сын!

— Вы снова ошибаетесь, — улыбнулся Джефф. — Христиане не обожествили человеческое существо — все было как раз наоборот! Именно Бог смиренно облек Себя в человеческую плоть, чтобы спасти грешников и привести их обратно к Себе. И вообще, почему бы Богу не иметь Сына? В Библии Сын Божий упоминается многократно. Например, мы находим в *Танахе* следующие слова:

- 1 *Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное?*
 - 2 *Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против помазанника Его.*
 - 7 *возвещу определение: Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя;*
 - 8 *проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе;*
 - 10 *Итак вразумитесь, цари; научитесь, судьи земли!*
 - 12 *Почтите Сына, чтобы Он не прогневался, и чтобы вам не погибнуть в пути вашем...*
- (Пс. 2:1,2,7,8,10,12)

- 4 *Кто восходил на небо и нисходил? кто собрал ветер в пригоршни свои? кто завязал воду в одежду? кто поставил все пределы земли? какое имя ему? и какое имя сыну его? знаешь ли?*

(Прит. 30:4)

91 *Навуходносор царь, [услышав, что они поют,] изумился, и поспешно встал и сказал вельможам своим: не троих ли мужей бросили мы в огонь связанными? Они в ответ сказали царю: истинно так, царь!*

92 *На это он сказал: вот, я вижу четырех мужей несвязанных, ходящих среди огня, и нет им вреда; и вид четвертого подобен сыну Божию.*

(Дан. 3:91,92)

— Видите, *Танах* отнюдь не избегает этого термина — Сын Божий, — продолжал Джефф. — Споры раввинов начались много позже. Они начались с теологических диспутов, которые велись раввинами с мессианскими (т. е. верующими в Мессию Иешуа) евреями. Мессианские евреи опирались на те же самые Писания, отстаивая убеждение, что Иешуа действительно был Сыном Божиим. Кстати, именно поэтому Иешуа должен был родиться от девственницы.

— О-о, только не это! — с возмущением воскликнул я. — Каждому ребенку известно, что у девственниц дети не рождаются. Христиане твердят о непорочном зачатии Христа и ожидают, что люди просвещенного двадцатого века проглотят это суеверие. Да это же бессовестное оскорбление нашего разума!

Джефф в ответ устало улыбнулся, как бы говоря: «О, это возражение я уже слышал».

— Естественно, я ожидал такую реакцию! — он терпеливо выждал, пока я успокоюсь, и затем продолжил: — Мне по-настоящему смешно, когда мы, ограниченные и некомпетентные люди, пытаемся указывать Богу, что Он может сделать, а чего не может! Бог — творец мира. Он создал всю Вселенную одним лишь словом Своих уст. Ему ведь не пришлось прибегнуть к половой близости с кем бы то ни было, чтобы дать жизнь Адаму и его жене, не так ли? Бог подарил Аврааму и Сарре сына, когда они были уже слишком стары, чтобы иметь ребенка естественным образом; Он сверхъестественным путем подарил им Исаака, чтобы показать им, да и нам тоже, что и в этой области Он всемогущ. Скажите мне, Яков, неужели Бог Всемогущий, Создатель неба и земли, неспособен сотворить новую жизнь в утробе девственницы, не прибегая для этого к мужскому семени?

Я был настолько шокирован этим вопросом, бросившим вызов всем укоренившимся во мне традиционным предрассудкам, что не смог ничего ответить.

Джефф продолжал:

— Но если уж говорить начистоту, вопрос о технической способности или неспособности Бога зародить жизнь в утробе девственницы не имеет отношения к делу. Факт в том, что Мессия должен был родиться от девственницы и Духа Божьего. Иначе как бы он мог быть «*Ветхим днями*» (Дан. 7:9), «*Которого происхождение из начала, от дней вечных*» (Мих. 5:2)? И позвольте мне сказать вам еще кое-что: даже сама идея рождения от девственницы не совсем чужда *Танаху*. Уже Исаия намекал на такую возможность, сказав «*се, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил*» (Ис.7:14). А вот что писал Исаия в другом месте об этом единственном в своем роде ребенке:

6 *Ибо Младенец родился нам — Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира.*

7 *Умножению владычества Его и мира нет предела на престоле Давида и в царстве его, чтобы Ему утвердить его и укрепить его судом и правдою отныне и до века. Ревность Господа Саваофа соделает это.*

(Ис. 9:6,7)

Мессия, это чудесное Дитя, рожденное девой, Обладатель божественных титулов и вечного царства, должен был родиться не в той греховной человеческой династии, которая началась с Адама. Он должен был прийти в мир свободным от наследия греха, чтобы стать чистым жертвенным Агнцем Божьим, пригодным для принесения в жертву во искупление грехов всего человечества.

Вы давеча сказали, что христиане взяли Иешуа и сделали из него бога. Но теперь-то вы видите, что все было совсем наоборот. Иешуа не был человеком, который в процессе своего развития стал Богом, напротив, Он был Богом, Который пришел на короткое время в этот мир в человеческой плоти и затем прошел через временную смерть. Через три дня Он восстал из мертвых, чтобы победить последнего врага — вторую смерть. Только так Он мог расплатиться за наш грех и полностью удовлетворить святости Бога и требованиям Его праведности. Он исполнил все самые строгие законы *Торы* и раз и навсегда победил смерть для всего человечества.

— Но позвольте, — пытался я понять, — если Мессия действительно пришел в мир, чтобы спасти и искупить человечество Своей кровью, почему же мы сегодня такие, какие мы есть? Разве Мессия пришел не для того, чтобы установить царство мира на этой земле, царство, в котором лев будет мирно жить рядом с ягненком?

— Да, конечно, — согласился Джефф. — Но если бы Он установил на земле царство мира и справедливости, не подготовив сперва сердца грешных людей к принятию этого царства, они бы тут же испортили и извратили его, точно так, как Адам и Ева поступили с райским садом Эдема. Сейчас Господь готовит Себе «малое стадо» святых, людей, которые знают Его, любят Его и для которых важнее всего подчиняться Его заповедям. Это Его община, Церковь, состоящая как из евреев, так и неевреев. Только когда Иешуа наконец завершит Свою работу, Он вернется на эту землю со всеми Своими святыми, чтобы установить то славное царство, о котором говорит Исаия в своем пророчестве.

— Что ж, в этом есть смысл, — впервые решился я признать, — хотя мне и трудно во все это поверить. Хорошо, я понимаю, что я грешен. Я понимаю и то, что сам не могу вытянуть себя за волосы из болота. Но не могу принять мысль, что кто-то должен умереть за меня, а от меня при этом ничего не требуется взамен. Это слишком дешевое искупление.

— Вполне понимаю ваши чувства. Всем нам присуще естественное желание искупить свои грехи — или изнуряя себя постом, или даже нанося себе физические увечья, чтобы успокоить измученную совесть. Евреи нагроулили себя тысячами повелевающих и запрещающих законов, разного рода указаниями и запретами, намного превосходящими простые повеления *Торы*. По их мнению, чем больше человек изучает эти законы, тем лучше он становится, хотя сами они не могут полностью выполнить ни одной заповеди!

— Что вы имеете в виду? — снова взволновался я. — У нас очень много святых и праведных раввинов, людей Божьих. Как вы можете утверждать, что они не угодны Богу? Разве они не выполняют все заповеди Господни?

— Нет, Яков, к сожалению, не выполняют. Они не соблюдают *Тору*, и не потому, что не хотят этого, я уверен, что хотят. Но они просто не могут ее соблюдать, потому что *Tora* была дана людям совсем не для этого!

Эти слова меня окончательно озадачили и смутили.

— Вы шутите! — вскричал я. — Вы хотите сказать, что Бог дал нам *Tору*, зная с самого начала, что выполнять ее заветы невозможно? Тогда зачем Он вообще дал нам ее?

— Он сделал это, чтобы показать нам Свои высокие требования и доказать, что из-за правящего нами греха мы никогда не сможем выполнить эти требования. Бог дал нам *Tору* для того, чтобы мы проверяли себя в ее свете и видели,

насколько мы ее недостойны и как отчаянно нуждаемся в Его спасении. По той же причине Он сделал центром *Торы* систему жертвоприношений.

Позвольте привести пример. Средний человек может прыгнуть в длину, скажем, на два метра. Хорошо тренированный спортсмен прыгнет, предположим, на пять метров. Если он олимпийский чемпион, он может прыгнуть даже на рекордное расстояние — на девять метров, но это предел того, чего может достичь человек нашего времени. Теперь предположим, что мы стоим на краю пропасти и расстояние до противоположного края двести метров. Не правда ли, ни один из нас на такое расстояние не прыгнет?

Пусть этот пример будет для нас притчей, пусть на другой стороне пропасти, за бездной, которую мы назовем грехом, нас ожидает Бог. Он смотрит на нас, бедных кузничиков, и жалеет нас. Он знает, что мы совершенно не способны достичь Его собственными силами. Вот почему Он послал нам Иешуа, Своего Сына, в качестве Небесного Моста. Иешуа — Посредник между человеком и Богом. Идя с Ним, мы будем в безопасности, потому что, согласно Его собственным словам, Он «*есть путь и истина и жизнь*» (Ин. 14:6). Я знаю, что многие слишком легко отказываются от этого божественного пути. Они бы предпочли обрести спасение своими силами или трудами. Но человеческие усилия не приблизят нас к Богу ни на шаг, они могут привести только прямо в пропасть греха!

— Притча мне нравится, — сказал я, — но что вы скажете о всех тех, кто по-прежнему пытается следовать *Торе* в меру своих возможностей? Что вы скажете о всех мучениках, погибших за святое Имя Божье? Как же этот праведный и любящий Бог мог допустить гибель стольких миллионов людей только за то, что они не верят в Иешуа?

— Тут вы касаетесь очень деликатного вопроса. Мы живем в век гуманизма, в наше время человека обожествляют и ставят в центр мироздания. В представлении нашего среднего современника, все вращается вокруг человека, вокруг его естественного права на самовыражение, вокруг его достижений, покорения Вселенной и укрощения сил природы, вокруг величия и чудес бесподобного человеческого разума. Но каким бы благородным ни казался этот гуманистический подход, он противоречит Писаниям, так как *Танах* сосредоточен на Боге, а не на человеке. Иными словами, в центре Вселенной находится Бог-Творец, а не человек, который есть Его творение. Не мы создали Бога по своему образу, как уверяют нас многие современные «теологи», и не мы создали самих себя. Нас создал Бог к Своей славе!

Когда-то Бог не замедлил уничтожить потопом весь мир, со всеми людьми и животными, населявшими землю, и спас из них лишь восемь человек и по паре всех животных, и все только потому, что люди так постыдно пали и развратились у Него на глазах. Бог прекрасно мог бы обойтись без греховного, падшего человека. Суровая правда состоит в том, что каждому, кто отвергает спасение от Бога, со временем придется держать ответ за свои грехи перед Создателем и заплатить за них дорогой ценой — принять вечную смерть. Бог не прячется за углом и не подсматривает за человеком, чтобы поймать его на месте преступления и наказать за грех. Это грешник постоянно прячется, бежит от своего любящего, сострадающего ему Бога; это грешник неудержимо гоняется за развратными, греховными удовольствиями, потому что они приносят ему временное удовлетворение. Но со временем каждому из нас придется дать отчет о том, как он провел и на что потратил свою жизнь.

Некоторые люди упрекают Бога в жестокости и равнодушии, с которыми Он отправил в ад миллиарды людей только потому, что у них ни разу не было возможности услышать о Мессии и принять Его. Но поверьте, Бог — справедливый и святой. Он создал ад, то ужасное озеро, в котором неугасимым огнем горит сера, вовсе не для человека. Он создал ад для сатаны и его демонов — падших ангелов. Но те люди, которые отказываются раскаяться и обратиться к Богу, которые восстают против Него и не принимают Его как Спасителя, которые предпочитают следовать своим

похотям и греховным желаниям вместо того, чтобы исполнять в своей жизни волю Господа, — они неизбежно окажутся рядом с сатаной и его падшими ангелами и разделят их вечную участь.

Но когда мы наконец соглашаемся прийти к Богу и принять Его, мы думаем, что делаем Ему большое одолжение! Мы еще выдвигаем Ему миллион условий: «Если Ты сделаешь для меня то-то и то-то, я, может быть, рассмотрю возможность принять Тебя!» Мы часто забываем, что Бог — Самодержавный Господь, Владыка, сотворивший небо и землю, и что Он без всяких условий приглашает нас прийти к Нему и принять Его дар вечного спасения, который Он предлагает нам совершенно безвозмездно. Он подарил нам это спасение, не требуя за него платы, но не потому, что оно не имеет никакой ценности, а потому, что милосердие Божье настолько драгоценно, что никто и никогда на земле не в состоянии за него заплатить. Оно стоило Богу Крови Его возлюбленного Сына — ни много ни мало! Только если мы верой примем эту жертву, Бог согласен принять нас так, как если бы мы никогда не грешили. Бог заплатил за грехи людей Кровью Иешуа.

— Теперь-то я раскусил вас, христиан! — воскликнул я. — Вот как все просто и понятно! Все, что от вас требуется, это попросить прощения у Бога, и вы, так сказать, свободны! Получается, что каждый может продолжать грешить — ведь в конце концов он будет прощен. Такая теология позволяет вам грешить сколько угодно. Пока вы ходите в церковь и исповедуете свои грехи священнику, вы с гарантией получаете прощение.

Джефф печально покачал головой:

— К несчастью, слишком многие думают или поступают так, как вы сказали. Но не этому учит *Танах*. Иешуа Мессия не за тем пришел в мир, чтобы дать нам право грешить, а потом автоматически получать прощение. Напротив, Он пришел победить грех и дать нам новую жизнь, освобожденную от порабощения грехом.

В сердцах я ответил: «Вы хотите сказать, что все эти христиане, убивавшие мой народ последние две тысячи лет, были невинными людьми, которые не были порабощены грехом, или, может быть, убийство евреев вы не считаете достаточно серьезным преступлением?»

— Конечно считаю, Яков. Я не оправдываю никакую жестокость: ни совершаемую под знаменем религии, ни под каким-либо другим знаменем. И Сам Бог не оправдывает их! Видите ли, многие язычники приняли внешние формы христианства, но, к несчастью, не пришли к истинному раскаянию в грехах. Они назвали себя христианами, но их нераскаянное и безбожное поведение показывает, что название не соответствует содержанию. Более того, основная часть «христианской» церкви уже на ранних стадиях своего существования «тяжело заболела» антисемитизмом, и эта болезнь усиливалась по мере того, как в ее рядах сокращалось число евреев, верующих в Мессию. Необходимость козла отпущения, на которого можно было бы взвалить все грехи, совершенные церковью, вызвала к жизни преследование евреев, обвиненных в наихудшем из преступлений — деициде, то есть убийстве Бога!

Но вспомним, что ни Иешуа, ни Его ученики никогда не пытались установить новую религию, которая отвергала бы свои еврейские корни. Они жили и действовали в рамках иудаизма первого века. Более того, Иешуа пришел не только за тем, чтобы простить грехи человечества, но и чтобы позволить нам начать жизнь сначала и покончить с властью греха. *Танах*, который все это нам обещал, настолько серьезно рассматривает перемену в человеке, который примет эти дары, что описывает ее как обретение «нового сердца» и «нового духа» от Бога. Иешуа дает нам вечную духовную жизнь, которая начинается в момент этого возрождения, нового рождения и никогда не кончается.

— А что такое это «новое рождение»? — спросил я. — Что вы под этим понимаете?

— Неважно, что **я** под этим понимаю, — усмехнулся Джефф. — Давайте лучше посмотрим, что говорит об этом *Танах*. Об этом революционном событии в человеческой жизни говорят и Иеремия, и Иезекииль. Прочтем, что они писали о будущем Израиля как народа, потому что это относится и к каждому из нас как личности:

- 22 *Посему скажи дому Израилеву: так говорит Господь Бог: не для вас Я сделаю это, дом Израилев, а ради святого имени Моего, которое вы обеславили у народов, куда пришли.*
- 23 *...и узнают народы, что Я Господь, говорит Господь Бог, когда явлю на вас святость Мою пред глазами их.*
- 24 *И возьму вас из народов, и соберу вас из всех стран и приведу вас в землю вашу.*
- 25 *И окроплю вас чистой водою, и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас.*
- 26 *И дам вам **сердце новое, и дух новый** дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное.*
- 27 ***Вложу внутрь вас дух Мой** и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих и уставы Мои будете соблюдать и выполнять.*

(Иез. 36:22—27; выделено автором)

Здесь мы видим непреодолимую пропасть, разделяющую истинную веру и религиозность человека, — другими словами, пропасть между истиной и ложью, между жизнью и смертью!

— Но что все это значит? — спросил я.

— Чистая вера утверждает, и справедливо, что лишь Бог может сделать шаг к человеку, очистить его, дать ему новое сердце и новый дух. Согласно Иезекиилю, Бог Сам решает протянуть руку падшему человеку и берет на Себя инициативу его спасения. В более ранних главах *Танаха* устами Моисея Бог не только заповедал нам «*Итак обрежьте крайнюю плоть сердца вашего, и не будьте впредь жестоковейны*» (Втор. 10:16), но и обещал:

- 6 *И обрежет Господь, Бог твой, сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа, Бога твоего, от всего сердца твоего и от всей души твоей, дабы жить тебе.*

(Втор. 30:6)

А все религии мира, напротив, требуют от человека, чтобы он сам себя совершенствовал, трудясь изо всех сил, добавляя заповеди к заповедям, дела к делам и воздерживаясь, насколько это только возможно, от греха. Только так любая религия может помочь человеку самостоятельно очиститься и угодить божеству. Каждая из них имеет для этого свой собственный набор правил, потому-то на свете так много религий.

Но, честно говоря, человек не желает подчиниться Божьей истине, как не желает и всерьез подчиниться Его воле. Человек предпочел бы быть своим собственным божком, возложить на себя божественную власть и славу, хотя отнюдь не всегда желал бы нести сопряженную с этим ответственность. Вот почему человек создал для себя богов-идолов по своему образу и подобию.

Еврейский народ был единственным народом в мире, получившим божественную истину непосредственно от Самого Бога через Его откровение. Но даже евреи исказили Его заповеди и создали человеческую религию, далекую от

первоначальной истины Бога. Вот видите, даже божественную истину нетрудно исказить, привнеся в нее человеческие идеи, которых изначально не было, а потом приписав им божественный авторитет. Давайте в этом контексте прочитаем пророчество Иереми:

- 31 *Вот наступают дни, говорит Господь, когда **Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет,***
- 32 *не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь.*
- 33 *Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом.*
- 34 *И уже не будут учить друг друга, брат брата и говорить: «познайте Господа», ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого, говорит Господь, потому что **Я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомяну более.***

(Иер. 31:31—34; выделено автором)

— Яков, вы, наверное, заметили, — продолжал Джефф, — что в этих стихах Бог говорит о том, что Он Сам намерен сделать с народом Израиля — очистить их от грехов, дать им новое сердце и наполнить их Своим Святым Духом. Другими словами — Он заключит с ними новый завет (договор), по которому простит их, приведя обратно в родную землю.

— Э-э-э, подождите! — торжествующе воскликнул я. — А что если вы берете все эти цитаты вне контекста и даете им неверное толкование, подходящее под вашу философию? В *Танахе* можно прочесть практически все, что ни захотите. Я знаю, что большинство культов и лжеучений основывают часть своих утверждений на *Танахе*, но они искажают и толкуют его, как им угодно. Разве я могу быть уверен, что во всех этих отрывках действительно говорится об Иешу?

— Извините, Яков, — сказал Джефф, как бы желая сменить тему разговора. — Вы мне не дадите свой адрес в Израиле?

— А что, он вам действительно нужен? — с сомнением спросил я.

— Да, нужен! — решительно ответил Джефф.

— Пожалуйста, — уступил я, — мой адрес таков: Якову Дамкани, улица Ханеви'им, 42, Холон, Израиль.

Джефф записал этот адрес на иврите и спросил:

— А замечаете ли вы, сколько здесь деталей, позволяющих вас найти?

Я уставился на записанный адрес, не понимая, что Джефф хочет этим сказать.

— Предположим, я живу в Америке и хочу написать вам письмо, а вы живете в Израиле. Если я напишу этот адрес на конверте, наклею марку и брошу письмо в почтовый ящик, его отсортируют от других писем на Центральном почтамте США и положат в мешок, предназначенный для отправки на самолете в Израиль. Таким образом, на этом этапе исключаются все остальные страны мира. Позже на главпочтамте в Израиле это письмо положат в мешок, который будет отправлен в Холон, а не в какой-либо другой населенный пункт Израиля. Достигнув Холона, письмо попадет к тому

почтальону, который обслуживает ваш район. На вашей улице много домов, но почтальон отнесет письмо в дом 42, прямо в ваш почтовый ящик. Понимаете? Для того, чтобы найти вас среди четырех миллиардов человек, населяющих Землю, достаточно знать всего четыре или пять деталей.

А знаете ли вы, как много таких определяющих признаков личности Мессии содержится в *Танахе*? Кто-то насчитал 333 различных ссылки и указания. Некоторые из них — уже исполнившиеся пророчества, другим предстоит исполниться в будущем! Так что, даже если вы ошибетесь в одном или двух из этих признаков, пусть даже в десяти — что невозможно, так как речь идет о безошибочном слове Божьем, — вы все равно неизбежно выйдете на этого единственного Человека, о Котором дано так много точных указаний.

Теперь рассмотрим другой аспект. Предположим, вы договариваетесь о встрече в определенном месте в центре города с кем-то, кого вы никогда раньше не видели. Вы говорите ему, что на вас будут синий пиджак, белая шляпа и черные туфли, что ваш рост — около 180 сантиметров и вы плотного телосложения, что у вас густая борода каштанового цвета и кудрявые волосы и что вы носите очки. Вряд ли как раз на месте вашей встречи окажется много людей, к которым подходит такое подробное описание. Так вот, *Танах* дает нам словесный портрет Человека с 333 определяющими чертами, которые в сумме описывают Его до малейшей детали. В этом описании точно сказано, где и когда Он родится, каким образом это произойдет, зачем Он придет, что именно Он сделает за время Своей жизни, как Он будет предан, подвергнется пыткам, будет убит, похоронен, как в конце концов восстанет из мертвых, после чего вознесется на небо. Там даже сказано, что Он вернется на землю как Царь-Победитель, как Судья всех живых и мертвых. Много ли вы знаете людей, к которым подходят все эти описания?

Я в замешательстве почесывал затылок и не знал, что ответить. Простая логика его аргументов лишила меня дара речи. Через какое-то время, поколебавшись, я спросил:

— Но предположим, что Иешуа знал все эти пророчества; не мог ли Он спланировать свою жизнь таким образом, чтобы все совпало? Например, по преданию, Мессия должен был приехать на белом осле, и относительно этого есть даже пророчество в Книге пророка Захарии, если я не ошибаюсь. Но Иешуа знал, что Мессия должен въехать в Иерусалим на осле, вот Он и исполнил это пророчество.

— Вы абсолютно правы относительно этого пророчества, но это можно сказать не о всех из них. Это лишь одно из тех немногих предсказаний, осуществление которых зависело от воли Иешуа. Большинство пророчеств не могло быть Им выполнено, потому что, как бы сильно человек ни желал, он не может выбирать место и точную дату своего рождения и уж точно не может выбрать подробности своей казни, захоронения и воскресения из мертвых!

И все же пророк Даниил предсказал, что Иешуа будет предан смерти незадолго до разрушения Второго храма в Иерусалиме. Пророк Михей сказал нам, что Он родится в Вифлееме и будет по Своей природе вечным. Исаия, которого называют мессианским пророком, предсказал нам Его рождение от Девы, Его служение, Его смерть и Его грядущее царство. Все эти события, да и многие другие, никак не зависели от воли Иешуа. Но если все они буквально исполнились в Его жизни, надо быть слепым, чтобы не признать, что Он действительно был Тем, кем Себя называл!

— Но все же мне трудно понять, — упорствовал я, — каким образом все мудрецы Израиля за последние две тысячи лет читали *Танах* и не сумели его понять, а вы, совсем не еврей и не мудрец, так ясно все это видите.

Джеффа это замечание несколько смутило. Он поколебался, затем взял *Танах*, открыл его и вручил мне. Хотя он уже показал мне в *Танахе* множество самых поразительных мест, тут он снова сумел меня удивить:

- 10 ...ибо навел на вас Господь дух усыпления и сомкнул глаза ваши, пророки, и закрыл ваши головы, прозорливыцы.
- 11 И всякое пророчество для вас то же, что слова в запечатанной книге, которую подают умеющему читать книгу и говорят: «прочитай ее»; и тот отвечает: «не могу, потому что она запечатана».
- 12 И передают книгу тому, кто читать не умеет, и говорят: «прочитай ее», и тот отвечает: «я не умею читать».
- 13 И сказал Господь: так как этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня, и благоговение их предо Мною есть изучение заповедей человеческих;
- 14 то вот, Я еще необычайно поступлю с этим народом, чудно и дивно, так что мудрость мудрецов его погибнет, и разума у разумных его не станет.

(Ис. 29:10—14)

Я был опустошен и поражен! Мне казалось, что Сам Господь принуждал меня лечь на Его операционный стол, подвергнуться, так сказать, анестезии, чтобы Он попытался произвести операцию на моем открытом сердце, удалить из груди каменное сердце и заменить его живым; но я все еще изо всех сил сопротивлялся Ему. Что скажут люди? Что случится со мной, если я осмелюсь?

Мы оба замолчали. Джефф, несомненно, снабдил меня огромным количеством материала для размышлений. У меня кружилась голова при мысли, что весь народ Израиля мог ошибаться и что до сего дня я жил в ужасном заблуждении. Неужели все наши раввины и мудрецы ошибались, и только Джефф, этот *гой*, знал истину? Сама эта мысль вызывала у меня дрожь.

Мне было совершенно ясно, что если Бог есть истина, а в этом я никогда ни на секунду не сомневался, тогда должна существовать и одна божественная, абсолютная истина, не зависящая от религии или образа мыслей. Но я не мог принять, что и евреи, и христиане на примере Джеффа (хотя он и предпочитал называть себя «мессианским верующим») исповедуют одну и ту же абсолютную истину; слишком многое в их утверждениях противоречило друг другу. Как еврей, я не мог признать, что мой народ заблуждался, следовал ложному учению, а правы оказались эти жестокие, кровожадные христиане.

Джефф ощутил, какой водоворот мыслей и чувств бушевал во мне. Он понимал, что слова бессильны в такой ситуации и может помочь лишь Дух Господень. Мне пора было встретиться с истиной лицом к лицу и бороться с ангелом Божьим у своего брода через Иавок, как в старину это делал Иаков, и выйти победителем у своего Пенуэла (см. Быт. 32:22—30).

Джефф, должно быть, почувствовал, что я достиг этой точки. Он склонил голову в безмолвной молитве. Потом он тихо произнес:

— Если вы придете к выводу, что все, о чем я говорил, есть истина, готовы ли вы сдаться и присоединиться к истине? Если убедитесь, что Иешуа действительно обещанный Мессия Израиля, примете ли Его как своего Господа и Спасителя?

Я в ужасе отшатнулся, словно ужаленный змеей. Откуда он мог знать, что происходило в моей голове и в глубине моего сердца? Я молча смотрел на него.

Джефф сочувственно взглянул на меня и произнес:

— Я буду молиться за вас, чтобы Бог Израиля открыл вам духовные глаза и показал вам истину. Недостаточно понимать мои слова, принимать их как истину и мысленно соглашаться с ними; надо принять их в свое сердце. Я буду молиться еще и о том, чтобы Бог не давал вам покоя, пока вы не примете Его! Можно, я помолюсь вместе с вами?

Я почему-то ожидал, что Джефф вытащит из кармана молитвенник и прочтет молитву, но ничего подобного не случилось. Он просто сел рядом со мной, взял мои руки в свои, закрыл глаза и склонил голову. Озадаченный, я смотрел на него, не понимая, что я должен делать. И тут Джефф заговорил с Богом, как говорят со своим лучшим другом, который стоит прямо перед вами. Его молитва шла прямо от сердца, и потому она тронула и мое сердце:

«Отец Небесный,

пожалуйста, взгляни на Якова и открой его духовные глаза на истину, которую он уже начал постигать разумом. Пусть Твой Святой Дух заговорит с его сердцем и покажет ему, насколько сильно он нуждается в прощении грехов, которое Ты так милостиво обещаешь и даруешь ему через Иешуа Мессию. Господи, возбуди в его сердце желание получить новое сердце и новую душу от Тебя. А сейчас я предаю его в Твои руки.

Пожалуйста, делай с ним все, что Ты желаешь! Прошу Тебя во имя *Иешуа ха-Машиаха*¹. Аминь».

¹ *Иешуа ха-Машиах* — буквально на иврите означает «Спасение, помазанный», но чаще переводится как «Спаситель, Мессия». —

Прим. пер.

Джефф посмотрел на меня с любовью, как отец смотрит на сына, и спросил:

— Ничего, если мы помолимся вместе? Следуйте за мной в этой краткой молитве и, если она скажет что-то вашему сердцу, повторяйте ее вслух за мной.

Я не успел возразить, а он уже склонил голову, закрыл глаза и произнес еще одну молитву:

«О Бог Авраама, Исаака и Иакова.

Верую, что Ты дал нам Иешуа, Своего Сына, как искупление и моих грехов. Спасибо, Иешуа, за то, что Ты пришел пробудить меня к новой и святой жизни, к Божьей славе. Аминь».

До сих пор не могу понять, почему я повторял эту молитву за ним. Я не верил словам, выходящим из моих уст. Они не вызвали в моем сердце никакого отклика. Но Джефф был очень счастлив, что я произнес вместе с ним молитву, и спросил меня: «Можно я оставляю вам этот экземпляр *Брит Хадаша* на иврите? Прочтите его, а после этого попросите Господа открыть вам истину. Я уверен, что вы найдете в этой книге ответы на многие вопросы — на те, которые уже задали, и те, которые еще не успели задать».

Джефф попрощался и вышел из лавки. В комнате стемнело, пора было запираить магазин и уходить. Когда я вышел на улицу, странное ощущение тяжести, соединенное с глубоким чувством ожидания, охватило меня, как будто сейчас должно произойти что-то великое и чудесное — что-то решающее, что изменит всю мою жизнь. А еще у меня было странное чувство, что это чудесное будет как-то связано с Иешуа, и ключ ко всей этой загадке — книга, подаренная мне Джеффом. Что же скрывалось в этой книге?

Глава 11. Что же сокрыто в этой книге?

Придя домой, я вынул из кармана пальто маленькую голубую книжечку, включил свет и открыл ее. С удивлением я обнаружил на первой странице такую молитву:

О Бог Авраама, Исаака и Иакова,
Покажи мне истину, когда я буду читать эту книгу, и помоги мне следовать за светом, который Ты показал мне. Аминь.

Прочитав эту краткую молитву, я перешел к первой главе. Впечатление от первого же стиха было подобно электрическому удару:

1 *Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова.*

(Мф. 1:1)

Так, значит, Джефф был прав: Иешуа действительно был евреем! Джефф оказался прав и в другом: те, кого я раньше называл христианами, ничего не знали о Христе (Мессии). Как эти «христиане» могут заявлять, что они любят Иешуа, и в то же время ненавидеть евреев, плоть от плоти и кровь от крови которых был Иешуа?

Я продолжал читать. Сразу после этого удивительного заявления шел длинный список имен героев *Tanax*, которых я знал со школьной скамьи: Авраам, Исаак, Иаков, Иуда и его братья, царь Давид и последующие цари Иудеи, и все они были настоящими, *кошерными* евреями! Понимают ли «христиане», читающие эту книгу, о чем в ней идет речь? Что может быть более еврейским, чем Писания?

Внезапно страшное подозрение закралось мне в душу: а многие ли из этих «христиан» действительно читают свои Библии? Если их столько же, сколько евреев, действительно читающих свой *Tanax*, то получается, что вера и евреев, и христиан зиждется всего лишь на преданиях людей, которые фальсифицируют и искажают истину до неузнаваемости.

Продолжая читать, я почувствовал себя так, словно через распахнутые страницы этой книги я вернулся в свой любимый Израиль. Вместе с Иоанном (Йохананом) Крестителем я бродил по темным пещерам Иудейской пустыни и шел с ним по берегам реки Иордан. Я сопровождал Иешуа и Его учеников в их путешествии по берегам Галилейского моря и среди гор Галилеи. Вместе мы шли по узким улочкам Иерусалима, заходили в Храм и синагоги. Здесь были *фарисеи* и *саддукеи*, праведники и лицемеры. Я видел пастухов, пасущих стада на полях близ Вифлеема, наблюдал старых ученых знатоков *Торы*, склонившихся над священными свитками в раввинской школе. Я видел золотые пшеничные поля, уже готовые к жатве, я любовался полевыми цветами и малыми птицами, пара которых продается за ассарий и пяток — за два¹. Я проводил время с рыбаками, отдыхающими после тяжелого труда на морских берегах, и по-настоящему ощущал дурманящий аромат фруктовых садов и чистого оливкового масла. Я словно побывал в прошлом моей родины!

¹ См. Мф. 10:29 и Лк. 12:6.

Но какое отношение все это имеет к тому, что я называл христианством? Я не слышал, как звонят колокола, я не видел одетых в коричневые рясы монахов, делающих рукою знак креста на груди и целующих иконы. Никто не поклонялся золотым или серебряным крестам в роскошных соборах под звуки органа.

Все в этой книге было настолько израильским, что на глаза навернулись слезы. Никогда в жизни меня не охватывала такая тоска по дому! Соединенные Штаты с их сверкающими неоновыми огнями, широкими автострадами, подавляющими небоскребами вдруг остались где-то далеко. Я вновь оказался в хорошо знакомом мне сельском Израиле, удивительно точно и ярко сохранившемся в моей памяти.

Вдруг мне стало странно, как можно молиться Иешуа по-английски, да и на любом другом языке, кроме иврита. Иешуа был «одним из нас». Это было для меня откровением!

Я продолжал чтение и не мог поверить своим глазам: *«Я послан только к погибшим овцам дома Израилева»* (Мф. 15:24). Неужели Иешуа действительно так сказал? Что думают неевреи, читая эти слова? Какое отношение они имеют к Нему, в таком случае? А с другой стороны — почему же тогда евреи не следуют за Ним? Неужели так слеп грешный человеческий род?

Потом я понял и то, что Джефф так настойчиво, но безуспешно все это время пытался мне втолковать: разницу между религией человеческого толка и верой, данной от Бога; между антисемитской псевдоцерковностью и настоящей верой в Мессию. Я осознал, что все ненавистники евреев, терзавшие наш народ на протяжении всей истории, лишь всуе использовали имя Иешуа, убивая Его народ. Они не знали Нового Завета, который я теперь держу в руках, они не слышали своего Господа и Владыку и не повиновались Ему. Вдруг предостерегающие слова Иешуа прогремели, как раскаты грома:

- 21 *Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного.*
- 22 *Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?*
- 23 *И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие.*

(Мф. 7:21—23)

Продолжив чтение, я наконец смог понять, почему раввины того времени отвергли Иешуа, почему они ненавидели Его с такой страстью. Словами Своих уст, словами острее обоюдоострого меча Он вскрывал извращения Писаний, внесенные их религиозными предрассудками и национальной гордыней. Он критиковал раввинов за моральное разложение и лицемерие, хотя никогда не подвергал сомнению их духовный авторитет. Он мудро отвечал им и публично показывал лицемерность и несостоятельность их претензий.

Если бы тот самый Иешуа, описанный в Новом Завете, посетил сегодня еврейскую синагогу или даже христианскую церковь, признали бы и приняли бы Его там? Вспомнив религиозные символы, виденные мною во многих католических храмах, образы Младенца Иисуса на руках у Его матери, Девы Марии, вспомнив скульптуры Иисуса, висящего на кресте, я понял, что европейские художники придумали совершенно другого «Иисуса», создав Его по своему образу и подобию — светловолосого, голубоглазого, слабого человека. Это не Он, Сын скромного плотника, родившийся в Вифлееме и выросший в Назарете, ходивший по всей стране, исцеляя больных, очищая прокаженных, открывая глаза слепым и уши глухим, поднимая мертвых из могил! Нет, они не изображали Того скромного еврейского Учителя, Который проповедовал самую важную из всех заповедей:

- 37 *Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим:*
- 38 *сия есть первая и наибольшая заповедь;*
- 39 *вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя;*
- 40 *на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.*

(Мф. 22:37—40)

Теперь я был по-настоящему смущен тем обстоятельством, что, несмотря на все свои усилия, Джефф до сих пор не смог заставить меня называть Иешуа Его настоящим именем. Он объяснил мне смысл Его имени — от корня *Иешу'ах*, что означает «спасение». А *Иешу* — оскорбительное слово, проклятие, составленное из первых букв слов фразы на иврите: «Да будут стерты имя его и память о нем!»

«Кто другой мог выполнить все, что сделал Иешуа, не допустив ни одной ошибки?» — размышлял я и восхищался. Разве кто-нибудь другой в целом мире мог с такой полнотой соответствовать всему, что сказано в Писаниях о Мессии? Я обнаружил, что Новый Завет полон цитат из *Танаха*, а это показывает, что все, предсказанное пророками, исполнилось с пришествием в мир Иешуа.

Иешуа был явно не обычным человеком. От Него исходила такая мудрость, такая доброта, какой нет ни у кого в этом мире. Все герои моего детства — Моисей, царь Давид, Исаия и другие — хотя бы раз в жизни согрешили; *Танах* вовсе не пытается скрыть их ошибки и прегрешения. Лишь один Иешуа ни разу не впал в грех, и только Бог мог говорить с таким непререкаемым авторитетом. Неудивительно, что *фарисеи*, учителя *Торы* в те времена, видели в Нем постоянную угрозу их самозваной праведности!

Несмотря на внутреннее сопротивление, я вдруг почувствовал желание обратиться к Господу с молитвой. Я вспомнил слова Джеффа во время одной из наших предыдущих встреч: «Бог — живой Господь, и подобно тому, как Он являлся разным людям, что описано в *Танахе*, Он может явиться и вам. Он не всегда делает это в физическом смысле, применяя слышимый голос или посылая видение. Но позвольте заверить, что, когда Бог со временем откроет ваши духовные глаза, вы Его увидите. Я в этом не сомневаюсь!»

Когда Джефф сказал мне, что Бог являлся ему несколько раз, я посмотрел на него, как на ненормального. Я понимал, что Бог может явиться какому-нибудь праведному еврею, например Аврааму или Моисею. Но зачем Богу Израиля общаться с *гоями* вроде Джеффа? Должен признаться, что, хотя я уважал Джеффа и восхищался его любовью к Писаниям и привязанностью к Богу, временами я был уверен, что его необходимо отправить в сумасшедший дом!

Но теперь, впервые прочитав Новый Завет, я понял, что ничего не потеряю, если обращусь к Господу и попрошу Его дать мне откровение, хотя бы в той форме, в какой получил его Джефф. И я начал молиться:

«О Бог Израиля, Бог Авраама, Исаака и Иакова,

Если Ты действительно Бог, а Иешуа действительно Мессия, я хотел бы в этом убедиться. Если все, что сказал мне Джефф о Тебе, — правда, то я хочу принять ее, даже если весь мир ее не принимает. Я обещаю следовать за Тобой и верно служить Тебе. Ты хорошо меня знаешь, Ты знаешь, как меня воспитывали, как учили с самого детства отвергать Иешуа всем сердцем. Но если Он действительно «*путь и истина и жизнь*», как читал мне Джефф из Писания, то я хочу полностью прекратить сопротивление и следовать за Тобой, даже если я буду единственным евреем на земле, который так поступит!»

Я немного поколебался, а затем завершил молитву словом «Аминь». Я чувствовал, что заключаю с Богом Израиля вечный договор, как это делали задолго до меня мои предки. Это был по-настоящему священный для меня час.

С тех пор, возвращаясь с работы, я стал ежедневно прочитывать несколько глав из Нового Завета, восхищаясь милосердием и мудростью Иешуа. Потом я опускался на колени и молился Господу, прося Его явиться мне. Прошло две недели, а ожидаемого откровения все не было. Но я продолжал упорствовать, ежедневно читая Писание и молясь. Я по-настоящему полюбил Иешуа и читал Его слова так, словно это были личные любовные письма ко мне. И все же я не был всем сердцем уверен, что должен целиком посвятить себя Ему и отдать Ему всю мою жизнь. Новый Завет стал моей любимой книгой, но и только.

И вот однажды ночью, около трех часов, я внезапно очнулся от глубокого сна с ощущением, что в моей комнате кто-то есть. Но я не был напуган или напряжен — напротив, это было очень приятное ощущение. Мне казалось, что во мне открылся источник чистой, живительной воды, которая протекала через меня, основательно очищая и промывая мою душу и сердце. Вода заполняла все мироздание и, возвращаясь, наполняла меня до краев. Я не сумею описать словами это ощущение. Сильная, но приятная дрожь прошла по спине и распространилась по всему телу. Я думаю, что, если бы мои глаза могли увидеть это Посещение, я бы не смог его перенести и умер бы в тот же миг. Этот поток очистил, омыл меня одновременно изнутри и снаружи.

Я приподнялся с постели и, как научил меня Джефф, произнес: «О Боже, говори со мной. Вот я!» Я не увидел ничего глазами и не услышал ушами, но нечто удивительное всеобъемлющее наполнило сердце и нахлынуло на меня, будто живая вода, исполняя все мое существо своей силой. Это ощущение продолжалось всего несколько минут, но мне казалось, что оно длится целую вечность. Потом оно постепенно ослабло, и я снова остался один. Я понимал, что со мной произошло что-то чудесное, но не мог точно определить, что именно это было. Я лежал, размышляя о чудесном переживании, пока опять не заснул.

Проснувшись утром, я автоматически протянул руку к правому краю подоконника. Каждый вечер, перед тем как заснуть, я оставлял там мой Новый Завет корешком вверх, раскрытый на той странице, которую читал. Но в то утро мне пришлось провести рукой по всему подоконнику, чтобы обнаружить книгу, которая оказалась слева и была раскрыта совсем на другой странице, гораздо ближе к концу. Странно, но книга была раскрыта между четвертой и пятой главами Первого послания Иоанна, и я с интересом начал читать это место. Слова пронзили мое сердце, как острый меч. Казалось, что Сам Бог Всемогущий сказал мне эти слова прямо с небес. Бог, так хорошо меня знавший, точно указал, что было необходимо прочесть мне в то утро. Я рыдался, когда Божественный свет засиял в моем сердце. Я рыдал и рыдал, пока с души не спала тяжесть грехов, давившая на меня, хотя я и не подозревал о ее существовании!

Теперь я ощущал себя новорожденным младенцем, легким, как перышко, парящее в утреннем ветерке. *Танах*, до сего дня бывший для меня чудесной, но запечатанной книгой, вдруг стал ясным, как полуденное солнце. Теперь я понимал, почему Бог избрал Израиль среди всех народов и почему Иешуа пришел в этот греховный мир. Вечная и совершенная истина Господа Бога Израилева привела меня из рабства в свободу, из тьмы греха к великому свету Божьего прощения. Внезапно я с сожалением понял, как бесцельно потратил лучшие двадцать пять лет своей жизни, гоняясь за соблазнами этого мира, тогда как Творец готов был дать мне все сокровища небес в любой момент.

Я понимал, что Бог выполнил Свою часть договора, доказав мне Свое существование и Свою власть самым ощутимым образом. Теперь пора было мне выполнять обязательства. Только позже я понял, что пережитое мной и было тем «новым рождением», о котором так выразительно сказал Иешуа:

5 *Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие.*

(Ин. 3:5)

Так впервые в жизни я получил ответ на молитву. Теперь я понял, что именно пытался объяснить мне Джефф о новом сердце и новом духе и об обещанном новом завете. Впервые в жизни у меня появилась радость, совершенно не зависящая от внешних обстоятельств. Я чувствовал себя, как человек, только что получивший наследство в миллион долларов от неизвестного родственника. Внезапно я понял, как точен этот образ нового рождения, и меня охватил неопиcуемый восторг. Возможно, именно это имел в виду сладкопевец Израиля царь Давид, когда писал:

1 *Блажен, кому отпущены беззакония, и чьи грехи покрыты!*

2 *Блажен человек, которому Господь не вменит греха, и в чьем духе нет лукавства!*

(Пс. 31:1,2)

Слезы радости, стекавшие по моим щекам, смывали всю грязь и пену с моей жизни. Я безудержно рыдал. Потом я понял, что Бог действительно говорил со мной. Я не слышал Его голоса своими ушами, но в душе я знал, что это был Он, призывавший меня вернуться домой, в мою страну, а особенно — к моему и Его народу. Я вспомнил мой давний зарок никогда больше не ступать на землю Израиля. С каким удовольствием я его нарушу! Бог призвал меня, и я должен идти, принести Его Благою весть *«погибшим овцам дома Израилева»* (Мф. 10:6). Необходимо показать евреям разницу между искаженным образом Иешу и настоящим Иешуа, между самодельной религией человека и верой, данной от Бога.

В то время мне казалось, что я — единственный на свете еврей, верующий, что Иешуа — Мессия Израиля. Я не мог представить, чтобы где-нибудь существовал еще хоть один мессианский еврей, величайшей мечтой которого было дожить до спасения Израиля. Я пришел к абсолютному убеждению, что единственное предназначение, для которого я был рожден на свет, — это распространение Благой вести от Господа.

С такими мыслями я пошел тем утром на работу, вооруженный беззаветной и благородной решимостью служить Господу любой ценой.

Глава 12. Болезни роста

В эти первые счастливые дни влюбленности я еще не понимал, что настоящая духовная борьба только начинается. Я был уверен, что отныне никогда больше не впаду в грех; что Господь, живущий во мне, позаботится о всех моих нуждах; и что никакие искушения мне более не страшны. Мне казалось, что я поселился на небесах, высоко над облаками вместе со своим Искупителем. В моих глазах весь мир со всей его суетой и тщетой мог провалиться сквозь землю — меня он больше не волновал. Только позднее я понял, насколько глубоко заблуждался.

Вскоре я понял, что означало для меня быть евреем и в чем состоит смысл жизни. До моего нового рождения я был готов на все, чтобы докопаться до смысла моего существования. Раньше мне казалось, что стоит только заполучить побольше денег, которых хватило бы на всю жизнь, — вот тогда-то я и начну жить по-настоящему! Говоря по правде, любовные и всяческие иные авантюры не заполняли пустоты в моей душе. Тем не менее я был готов бороться за

достижение поставленных перед собой целей, хотя успех казался сомнительным. Отныне же, вопреки всем моим прежним представлениям, я нашел в Иешуа все, о чем грезил в розовых мечтах. Я обрел жизнь во всей ее полноте!

Теологические вопросы, такие, как существование сатаны или греха и его последствий, были мне не вполне ясны, и я решил их просто игнорировать. Моя обращенность к Иешуа в какой-то мере защищала от жала греха мою жизнь, но грех таился в плоти, лишь ожидая подходящего момента, чтобы снова поднять отвратительную змеиную голову.

В этот период «первой любви» все, к чему я стремился, — это поделиться со всеми вестью о чудесном Мессии, которого я только что повстречал, *Иешуа ха-Машиахе*. Я рассказал о Нем своему другу Михаилу и другим друзьям-евреям из Бруклина, но они смотрели на меня так, будто я сошел с ума. Быстро забылись все сомнения, мучившие меня до того, как мои глаза открылись на истину. Теперь я не мог понять, как мои друзья не могут узреть столь ясное и очевидное. Я был похож на прозревшего слепого, который смог увидеть свет, а теперь пытается объяснить своим незрячим друзьям то, что он увидел. Я просто не осознавал, что они неспособны видеть.

Даже мои знакомые неевреи, «христиане» от рождения, иногда заходившие в церковь, не очень-то стремились слушать мои разговоры об Иешуа. Они не понимали той огромной перемены, которая произошла во мне и в моем мировоззрении. Я мог только вспоминать слова Джеффа о том, что не каждый, посещающий церковь, обязательно верит в Мессию и что настоящим верующим человек может стать только после того, как самостоятельно примет решение и родится заново.

Вот почему Иешуа сказал о Себе: *«Я — хлеб живой, сшедший с небес»* (Ин. 6:51). Родившись заново, я ощутил глубокую и все усиливающуюся жажду Слова Божьего. Я читал Писание и размышлял над ним днем и ночью, и мне все казалось мало. Постепенно Слово стало неотъемлемой частью моего существа, подобно тому, как материальная пища созидает нашу плоть, становясь ее частью. Писание перестало быть для меня мертвыми словами, напечатанными черным по белому; отныне *Танах* стал живым Словом Живого Бога, изменяющим мою жизнь.

И еще одна замечательная перемена случилась со мной. Как только мне требовалась любящая забота моего Небесного Отца или Его защита, я начинал взывать к Нему и искать Его в молитве. Мои новые молитвы были совершенно не похожи на те, что я читал когда-то в синагоге. Я понял, что Бог хочет слышать боль моей души и благодарность моего духа каждую минуту, а не только три раза в день. И еще я знал, что мой любящий Отец будет прислушиваться к моим молитвам, даже если они будут такими же нестройными и простыми, как агуканье младенца, каждый возглас которого волнует мать и делает ее счастливой.

Одной из самых больших проблем, с которыми я столкнулся как вновь уверовавший, было признать и принять тот факт, что сам по себе я абсолютно беспомощен, как новорожденный младенец, что я не могу ничего сделать для самого себя или для других, не говоря уже о Боге. Позже я пришел к пониманию, что это не было относящимся только ко мне как недавно пришедшему к вере, но таково должно быть положение каждого верующего на протяжении всей его жизни. Ведь Иешуа сказал: *«...без Меня не можете делать ничего»* (Ин. 15:5).

В современном обществе грех настолько является нормой, что человек, пытающийся держать себя в чистоте и безгрешности, считается чудаковатым и даже ненормальным. Но с тех пор, как я родился заново, Святой Дух Господа поселился во мне и превратил мое тело в Свой храм. Божий Дух меня очистил и сделал особенно чувствительным к греху. Даже такие поступки, которые до этого были в моем понимании совершенно нормальными, общепринятыми и невинными, внезапно стали казаться гниющими зловонными язвами, от которых хотелось избавиться как можно скорее.

Если бы я заранее знал, что после второго рождения в Духе Божьем так охотно откажусь от множества своих старых привычек, сомневаюсь, что я вообще принял бы «*путь и истину и жизнь*» (Ин. 14:6)! Но поскольку Истина в лице Иешуа явила мне Себя во всей Своей славе, я испытывал сильное желание бросить все те занятия, которые ранее всецело поглощали мое бытие. Я начинал понимать, насколько тщетно все в этом мире: деньги, имущество, успех, насколько бессмысленна нечистая жизнь во грехе, в котором я с таким наслаждением валялся, как свинья в грязи. Я вдруг обнаружил, что отвергаю все то, что еще недавно казалось мне смыслом жизни.

Я продолжал каждое утро открывать свой магазин, но вскоре совсем потерял к нему интерес. Гоняться за деньгами и женщинами казалось мне теперь крайне глупым и пошлым занятием. Я перестал посещать ночной клуб «Каменный пони» — с тех пор, как я обнаружил, что источником всякого счастья и подлинной радости является Господь, ночной клуб стал мне не нужен. Примерно в то же время я потерял большие средства на бирже. Я удивлялся самому себе: раньше я в таких обстоятельствах подумывал бы о самоубийстве, теперь же мне это было совершенно безразлично! Я просто не узнавал самого себя. Моим кредо стали слова Иешуа:

- 19 *Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут,*
20 *но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут,*
21 *Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.*

(Мф. 6:19—21)

Я был по-настоящему счастлив от этой неожиданной потери интереса к материальным благам и отсутствия страха перед нищетой, потому что все это доказывало, что я на правильном пути. Деньги утратили для меня прежнее значение. Раньше они были моим очень суровым хозяином, теперь они стали моими слугами. Отныне я управлял ими, а не они мною.

Мой дом и все окружение, в котором я жил, начали подавлять меня. Я чувствовал себя, как в тюрьме. Беспутная жизнь, которую я вел до недавних пор, утратила свой блеск и очарование. Вызывающее безбожие моих бывших друзей и собутельников, со всеми их танцульками и постоянным флиртом, резко контрастировало с моей горячей любовью к Господу, Который явился мне в Своей милости. Эта неудовлетворенность, это беспокойство подсказывали, что мне надо сменить окружение.

Вот так и вышло, что в один прекрасный день я без всякого сожаления закрыл свою лавку, оставив все ценное в доме Михаила (он тем временем переехал из асфальтовых джунглей Бруклина в «садовый штат» Нью-Джерси), упаковал свои пожитки в один чемодан, забрал все деньги из банка и отправился на машине на запад.

Вроде бы только вчера я стоял на обочине шоссе с поднятой рукой, прося подвезти меня на север до Нью-Йорка, — и в то же время казалось, с тех пор прошла вечность. Но теперь я не просил подвезти, а сам брал в свою машину попутчиков и пытался поделиться с ними самым удивительным событием, произошедшим недавно в моей жизни.

Какие поразительные перемены произошли во мне с тех пор, как я приехал в этот город! Я уезжал отсюда с Благой вестью Иешуа Мессии на устах, и самое удивительное в этом было то, что перемена, произошедшая во мне, не была моей личной заслугой. Вся слава, хвала и честь принадлежали Господу Богу Израиля!

В жаркий солнечный день я выехал из этого огромного, пространного мегаполиса под названием Нью-Йорк. Остановившись у бензоколонки, купил подробную карту дорог. Вскоре я пересек границу штата Нью-Джерси. Как сравнительно недавнему иммигранту из Израиля, мне было чрезвычайно интересно это первое путешествие по системе суперавтодорог США. Выезжая на федеральную автостраду номер 95, мне впервые пришлось остановиться у будки со шлагбаумом, где собирают плату за проезд. Сама мысль о плате за право проезда по дороге показалась мне диковинной!

Во время долгого пути сперва на юг, а потом на запад США я пересекал горы, покрытые бесконечными лесами; мимо тянулись несчетные мили пшеничных полей, зеленых лугов, пастбищ. На каждом пересечении с другими автострадами были устроены путепроводы, которые, извиваясь и закручиваясь, переходили один в другой. Вспоминая наши израильские плохо мощенные дороги и агрессивных, нетерпеливых израильских водителей, я мог только восхищаться чудесными американскими хайвеями. По этим дорогам можно ехать целыми днями, не останавливаясь, не уставая и даже не напрягаясь. По сравнению с израильтянами американцы более спокойны, терпеливы, любезны, всегда готовы помочь... впрочем, может, это было всего лишь первое и ошибочное впечатление наивного молодого израильтянина?

Через несколько часов после выезда я прибыл в столицу США — Вашингтон и решил повидаться с Ребеккой, студенткой колледжа, с которой познакомился за год до этого. Она представила меня своим друзьям и коллегам. В кичливой ученой атмосфере, царившей в ее компании, я почувствовал себя весьма неуютно. Я понимал, что обладаю мудростью, гораздо более ценной и значимой, чем сумма всех знаний этих ученых профессоров и студентов. Их сексуальная распушенность и отношение к наркотикам претили мне. Я ощущал испорченность и моральную развращенность, сугубые материализм и атеизм.

Довольно быстро мы с Ребеккой поняли, что между нами нет ничего общего. Нам не о чем было говорить, поскольку я хотел говорить только о Иешуа, а она не хотела даже слышать о Нем. Через неделю я решил, что пора уезжать.

Здесь должен признаться, хоть мне и совестно, что проблема отношений с противоположным полом тогда меня особенно волновала. Причем рубцы от этого остались в душе по сей день. Еще будучи подростком, я привык рассматривать женщин как средство получения удовольствия, как человеческих существ, предназначенных в лучшем случае для того, чтобы беременеть и рожать детей. Как и остальные парни из нашего бедняцкого квартала, я обычно хвастался своими победами — как настоящими, так и вымышленными. Когда мы отправлялись на поиски приключений, все ребята хотели держаться поближе ко мне, они верили, что уж я-то разбираюсь в женщинах куда лучше, чем все остальные. Довольно скоро я и сам в это поверил. В результате я приобрел уверенность, что настоящий мужчина должен обращаться с женщинами только так. Я думал, что такое поведение, как и мой бунт против существующей системы и отвержение всяческих законов, доказывает мою мужественность. К сожалению, я сам создал себе именно такое искаженное представление о реальности — таковы уж были обстоятельства и культура, в которых я воспитывался.

Когда же я уверовал в Иешуа и мои глаза открылись, так что я смог увидеть окружающий мир в реальном свете, я решил написать одной девушке, перед которой был страшно виноват, письмо с признанием своей вины и попросить у нее прощения. Вот это письмо:

Дорогая N!

Вы, должно быть, удивитесь, снова услышав обо мне столько времени спустя. Может быть, сейчас не время и не место вдаваться в подробности и рассказывать обо всем, что случилось со мной за последние годы, но я хочу рассказать Вам о моем необычайном переживании, связанном с Богом. Надеюсь, когда-нибудь мне представится случай рассказать об этом подробнее, может быть, поговорить с Вами лично, когда я вернусь домой, в Израиль.

В свете всего того, что я пережил в последнее время, я чувствую себя обязанным попросить у Вас прощения за то ужасное горе и обиду, которые я Вам нанес, когда Вы забеременели и были вынуждены сделать аборт. Беда не только в том, что я использовал Вас как орудие для удовлетворения своей похоти, — к этому греху я добавил еще и преступление, заставив Вас убить нашего ребенка, который сегодня мог бы жить.

Теперь я способен видеть все это в истинном свете, и я стал противником любого аборта и по любой причине. Не мы даем жизнь нашим детям, и нет у нас права лишать их жизни. Я всем сердцем молюсь о том, чтобы аборт, сделанный из-за меня, не повлиял на Ваше будущее, когда Вы выйдете замуж и захотите иметь детей.

Понимаю, что все это может показаться Вам странным, но после того необычайного переживания, о котором я упомянул выше, я действительно родился заново. Я больше не тот Яков, которого Вы знали. Теперь я чувствую, что должен, насколько это возможно, исправить все причиненное мною зло. Умоляю Вас — простите меня за то отвратительное оскорбление, которое я Вам нанес. Слов не хватает передать, как больно мне сознавать, что я причинил Вам такое зло.

И все-таки я надеюсь, что Вы найдете в себе душевные силы и милосердие простить меня.

Искренне Ваш

Яков Дамкани.

Покинув Вашингтон, я направился к югу, во Флориду. Не помню, скольких попугачиков подвез я, но одно знаю точно: ни один из них не покинул мой автомобиль, не услышав хоть что-нибудь о Мессии Иешуа. Большинство пользовавшихся моими услугами были длинноволосые, оборванные хиппи. Чаще всего от них скверно пахло, некоторые были накачаны наркотиками. Некоторые из них где-то подрабатывали время от времени и щедро делились своими доходами с друзьями.

Я увидел, что среди них были и выходцы из богатых семей. Они восстали против обеспеченных родителей и покинули свои комфортабельные дома, протестуя, как они говорили, против «материалистического капитализма, погубившего общество». Они хотели быть другими, особыми, неординарными личностями — и потому все выглядели одинаково. Другие восставали против репрессивной государственной системы и не хотели слышать Благоую весть о Иешуа, потому что им приелось с детства слышать о Нем в воскресной школе. Они удивлялись, как это их ровесник, да еще и еврей, мог быть таким узколобым и ограниченным, чтобы всерьез верить во всю эту религиозную дребедень.

Некоторые из них рассказывали мне о своей причастности к оккультным и индуистским мистическим сектам, которые тогда только появились в Соединенных Штатах, провозглашая наступление во всем мире Новой Эры (New Age). Эти люди восхищались различными гуру (учителями) и следовали их эзотерическим доктринам, практикуя ведовство, йогу, трансцендентальную медитацию, вуду и спиритизм, изучая астрологические карты и гороскопы.

В общем, они считали, что эра христианства, обозначаемая в астрологии зодиакальным знаком Рыбы, близится к завершению, и мы на пороге нового мирового порядка с господством оккультизма, называемого эрой Водолея. Они

гадали по ладоням, на картах таро, на спитом чае. На своих сеансах они вызывали духов умерших, которые есть не кто иной, как замаскированные бесы. Тогда я был слишком молодым верующим, чтобы знать, как правильно подойти к таким людям, но от одного их присутствия у меня по спине начинали бегать мурашки, и я был всерьез озабочен их участью в вечности.

На юге я проезжал через города-призраки, как будто сошедшие с экрана черно-белого кино. Проехав много миль мимо незнакомых пейзажей, я добрался до Нового Орлеана, города, где родился блюз — музыкальный стиль, который, по-моему, возник от глубокой душевной боли. Здесь я снова смог вдохнуть с детства знакомый соленый и свежий ветер океана.

Продолжая путь и радуясь удивительному чуду своего второго рождения, я вскоре прибыл в город Хьюстон штата Техас. Здесь я посетил израильского знакомого по имени Ури, который дружил с моим братом, когда они оба служили в армии, а позже учились в Еврейском университете в Иерусалиме. В доме Ури я начал писать свой дневник, записывать все пережитое в тайной надежде когда-нибудь опубликовать эти записи в виде книги, чтобы мои сородичи, дети Израиля, прочитали ее и узнали о Мессии, Которого я так любил. Тогда я и не догадывался, сколько лет пройдет до осуществления моей мечты.

Немного погодя я двинулся на север, в другой тexasский город — Даллас. Меня пригласили посетить студенческий городок знаменитого христианского библейского колледжа «Христос для всех народов» (Christ for the Nations). Студенты были в восторге от знакомства с молодым мессианским верующим из Израиля. Не каждый день им выпадала возможность встретиться с таким редким человеком! Они пригласили меня рассказать свою историю перед громадной толпой верующих, собравшихся в гигантской аудитории. Впервые я стоял перед таким огромным собранием народа и публично излагал свою любимую историю о чудесном Мессии, Который так возлюбил меня!

Здесь я познакомился с мессианскими неевреями, которые, как и мой друг Джефф, любили Израиль всем сердцем и ежедневно молились за его безопасность, так как Писание наставляло их: «*Просите мира Иерусалиму*» (Пс. 121:6). Каждый раз, когда благополучию Израиля грозила какая-либо опасность, эти люди находились в посте и молитве. До этого я и не подозревал, что есть на свете *гой*, которые так любят Израиль и еврейский народ. Но с тех пор я встретил еще очень много таких замечательных верующих и за это вечно благодарен Богу.

В колледже «Христос для всех народов» я встретил молодого человека из Индии, который учился в Штатах. Как раз тогда у него гостил пожилой знакомый, который провел всю жизнь в деревушке, затерянной где-то в горах на севере Индии. Они собирались поехать в Оклахому на Рождество и пригласили меня составить им компанию.

Никогда не забуду этого обаятельного пожилого человека, который при виде технических достижений Запада просто терял дар речи. Чудеса больших городов приводили его в состояние неопишуемого восторга. Когда мы приехали в Оклахома-сити и богатый местный житель, у которого мы остановились, пригласил нас в свой особняк, у бедняги прямо-таки отвисла челюсть. Особенно старика восхищали устройства, работающие от дистанционного управления, например, окна «кадиллака», которые опускались и поднимались как бы сами по себе, или дверь гаража, открывавшаяся словно невидимым привратником. Я не мог не улыбнуться, увидев, как он оторопел, когда огромный холодильник наполнил его стакан кубиками льда, и вспомнил того парнишку из Кирьят-Шмона, который впервые увидел теплый туалет, попав в «шикарную» квартиру из двух с половиной комнат в Холоне!

Здесь, в Оклахома-сити, я наконец проявил свое послушание Мессии, выполнив Его завет о водном крещении. Вопреки тому, как теперь трактуют этот вопрос многие евреи, погружение в воду, или водное крещение, вовсе не является языческой практикой¹. Напротив, практика погружения в воду весьма обычна среди соблюдающих обряды

ортодоксальных евреев и служит для ритуального очищения. Ни одна богобоязненная еврейка не возобновит интимные отношения с мужем после менструального периода, не очистившись путем погружения в *миква* (кошерную ритуальную ванну). А некоторые сверхортодоксальные евреи погружают свое тело в *миква* для очищения каждую пятницу вечером, для чего непригодна обычная ванна, даже с самой чистой и благоуханной водой. Эти обычаи описываются в самой *Tоре*, то есть в Священном Писании.

¹ В Ветхом Завете упоминается *твила*, что в переводе с древнееврейского — «ритуальное омовение», в древнегреческом тексте Нового Завета встречается *баптизо*, переведенное на русский язык как «крещение», но не имеющее никакого отношения к кресту, а означающее «полное погружение». — *Прим. пер.*

Со временем, по еврейской традиции, ритуальное омовение стало обязательным в процессе *прозелитизации*, то есть обращения в иудаизм. Подразумевалось (подразумевается и сейчас), что новообращенный в иудаизм выходит из воды новым человеком, прежняя языческая жизнь которого смыта водой.

Для евреев водное омовение исторически символизировало искреннее раскаяние и очищение от нечистоты грехов. Это явствует из служения еврейского пророка Иоанна Крестителя, который проповедовал еврейскому народу «крещение покаяния для прощения грехов» (Мк. 1:4), и затем евреи «крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои» (Мф. 3:6).

После смерти и воскресения Мессии к этому смыслу крещения был добавлен еще один: отождествление верующего со смертью и воскресением Искупителя. Погружением в воду верующий свидетельствует, что он тоже умер для греха вместе с Мессией и воскрешен вместе с Ним для обновленной жизни (см. Рим. 6:3—7).

Таким образом, погружение в воду всегда было еврейским обычаем и символом, даже в его наиболее известном мессианском (христианском) употреблении.

Во время молитвенного собрания в середине недели пастор общины в Оклахома-сити спросил меня, принял ли я водное крещение, мне пришлось ответить отрицательно. Он объяснил мне смысл крещения и спросил, желаю ли я повиноваться Господу, приняв через крещение Его смерть и воскресение. Я без колебаний согласился.

Все было подготовлено для того, чтобы в ближайшее воскресенье меня крестили. В присутствии всей общины пастор и я, оба в особых облачениях, спустились в наполненную водой *миква*. Услышав мое исповедание веры в Иешуа, пастор провозгласил: «Крещу тебя во Имя Отца, Сына — Иисуса Христа и Святого Духа. Аминь». Меня наклонили назад и полностью погрузили в воду. Я был настолько охвачен радостью и восторгом, что потребовал повторить это погружение трижды!

Это молитвенное собрание от начала до конца было совершенно удивительным. Хор, пение гимнов, молитвы, проповедь, а потом служба по случаю крещения — все это произвело на меня неизгладимое впечатление. Какой благословенный способ служения Господу среди Его святых! Как чудесно было поклоняться Богу вместе с другими братьями и сестрами, любящими Спасителя и друг друга! Но, как всему хорошему, пришел конец и этому собранию.

Через две незабываемые недели мои друзья-индусы и я вернулись в Даллас. Оттуда я по автостраде направился на запад. Снова я мчался по бесконечным дорогам, и снова были в пути интересные встречи. Всем сердцем я был благодарен Господу за то, как Он вел меня в моей новой жизни, и за то, что и дальше будет вести, до самого дня Его Второго пришествия.

В одной из индейских резерваций я встретил индейца, который рассказал мне о том, как белые люди относятся к его племени, к его расе. Я также познакомился с Дорис, пожилой мессианской верующей из Лас-Вегаса. Она руководила

Библейской школой для молодых верующих, уча их быть истинными последователями Мессии. Эти и другие чудесные люди делали мое многомесячное путешествие еще более интересным.

После казавшейся бесконечной поездки через опаляюще жаркую пустыню я наконец прибыл в Лос-Анджелес. До того как я уехал из Нью-Йорка, Джефф дал мне адрес Гидеона Миллера, мессианского верующего, живущего в Лос-Анджелесе, и взял с меня слово, что я к нему заеду, если попаду на Западное побережье. Я позвонил Гидеону, и он подробно объяснил, как к нему проехать. Утомленный долгой дорогой, я наконец остановил свою запыленную машину перед его воротами.

Глава 14. Семья Грин из Калифорнии

Гидеон встретил меня любезно и пригласил погостить у него в доме денек-другой. На вид ему было лет шестьдесят с небольшим; как и Джефф, он немного знал иврит, так как прожил несколько лет в Иерусалиме. Он предложил мне примкнуть к мессианской организации под названием «Служение последних дней», которой руководил весьма незаурядный человек по имени Кит Грин. Чем больше Гидеон мне о нем рассказывал, тем больше мне хотелось с ним познакомиться. Через пару дней Гидеон отвез меня в общину Грина в одном из пригородов Лос-Анджелеса.

Кит Грин был начинающим многообещающим музыкантом в барах Лос-Анджелеса, но вера в Иешуа полностью изменила его жизнь. Пережив новое рождение и став мессианским евреем, он ходил по улицам огромного города, рассказывая каждому встречному о недавно обретенном им Спасителе. Он обращался к отверженным, выброшенным на обочину общества, он говорил с наркоманами, извращенцами, проститутками — со всеми теми, к кому обращался и Сам Иешуа и Кого Он возлюбил больше жизни. Кит приглашал этих людей в свой дом, где они могли поесть и поспать. Бывало, что после таких визитов из дома исчезали ценные вещи и деньги, но Кита это не пугало. Его дом вскоре стал тесен для неуклонно растущего числа гостей-постояльцев, и ему пришлось арендовать соседнее здание. Когда я с ним познакомился, он уже снимал шесть таких домов, в которых помогал вернуться к нормальной жизни тем, кто проявлял интерес к Евангелию.

Кит был высоким бородатым человеком с кудрявыми волосами и голубыми глазами, одновременно добрыми и суровыми. Его жена Мелоди всем сердцем поддерживала «предприятие» мужа. Она вела денежные дела семьи, закупала все необходимое, следила за уборкой домов и даже находила время помогать супругу в сочинении песен, которые позже сделали его знаменитым. Они удочерили индийскую девочку; когда я с ней познакомился, ей было двенадцать лет. Потом у них родилось несколько своих детей.

Кит принял нас в своем скромном жилище и, после того как Гидеон представил меня, обратился ко мне с вопросом: «Яков, расскажите немного о себе. Кто вы?»

Я начал рассказывать о своей жизни, специально опуская те подробности, которые мне самому не нравились. В конце концов, всякому хочется произвести при первой встрече хорошее впечатление!

— Если вы хотите присоединиться к нам, то должны знать, что тут не прохлаждаются. У нас жесткий распорядок дня, и не каждый, кто к нам приходит, может или хочет его придерживаться, во всяком случае, поначалу. Хотите попробовать? — спросил Кит.

Я ответил вопросом на вопрос:

— Скажите, пожалуйста, а чем вы тут занимаетесь?

— Ну, подъем у нас в шесть часов утра, затем свободное время для личной молитвы и чтения Писания до семи часов. Ровно в семь у нас общий завтрак, а в восемь все отправляются на работу. В час дня обед, а потом мы выходим на улицы, чтобы нести людям Благою весть о Мессии, свидетельствуем о Господе Иисусе Христе. Иногда мы по двое ходим от дома к дому или по пляжам, улицам, большим магазинам и другим общественным местам. Иногда несколько человек отправляются со мной в студию звукозаписи и молятся за меня, пока я записываю свои песни. На ужин мы приходим домой в полседьмого вечера, затем у нас время для изучения Библии, пения и общих молитв. Отбой ровно в 11 вечера. Ну как — выдержите такое расписание?

— Конечно, — ответил я, — я с детства привык к тяжелой работе. Живя в Израиле, я с четырнадцати лет помогал кормить семью.

— Это хорошо, — сказал Кит. — Я обычно слегка преувеличиваю трудности, потому что у нас тут было несколько избалованных молодых людей из богатых семей, покинувших свои дома и из протеста присоединившихся к субкультуре наркоманов. Они ни одного дня в жизни не работали, и если их не теревить, то валялись бы целыми днями в постелях, бездельничая. Они совершенно не имеют привычки к труду; честно говоря, если вообще какие-то привычки у них есть, то как раз те, от которых мы хотим помочь им избавиться. Мы пытаемся им втолковать, что такое дисциплина, дать им образование, превратить их в полезных граждан. Кроме того, они распространяют Евангелие, чему мы посвящаем большую часть каждого дня.

— А сколько человек живут в каждой комнате? И как они ладят между собой? — спросил я. — У вас тут, похоже, жизнь почти, как в монастыре.

— В монастыре? — от всего сердца расхохотался Кит. — Напротив! Нам приходится ходить и проповедовать священникам и монахам, объяснять, что им необходимо раскаяться и начать жизнь сначала! В каждой квартире живут шесть человек, по двое в комнате, — объяснил Кит. — Вы сами увидите, что комнаты у нас не очень-то аккуратно прибраны, но ведь чистота и порядок в вашей комнате зависят прежде всего от вас. Мы не намерены никого баловать и нежить и не будем делать за вас то, что вы можете сделать сами. Мы обучаем мессианскому образу жизни в соответствии с Писанием, а уж как человек будет применять в своей жизни то, чему он здесь научится, зависит только от него самого. Если у вас возникнут какие-либо трудности с другими верующими братьями, то прежде всего обращайтесь непосредственно к ним и поговорите с ними об этих проблемах.

Про себя я подумал: «Почему бы не попробовать, не пожить тут несколько дней, не посмотреть, подойдет ли мне это?» Вслух же я сказал:

— Видите ли, я стал верующим меньше года назад. Сейчас ищу такое место, где мог бы изучать Священное Писание по всем правилам и жить жизнью верующего вместе с другими братьями, находящимися в таком же положении. Я думаю, ваша община могла бы мне подойти на этой стадии, и охотно попробую поучаствовать в вашей жизни, однако не возьму на себя никаких обязательств относительно того, сколько времени я здесь проживу.

— Нет! Я настаиваю, чтобы вы взяли на себя такие обязательства! Если вы не согласны присоединиться к нам хотя бы на три месяца, то лучше вам и не начинать. Настоящий духовный рост требует времени и серьезного отношения к взятым на себя обязательствам.

— Хорошо, я понимаю, что это дело серьезное, — сказал я. — Я готов попробовать прожить здесь три месяца, а там посмотрим.

Честно говоря, я был немного напуган, хотя и не решился выразить это вслух. Я знал, что такое жизнь в *киббуце*, и знал, что не каждый может к ней приспособиться. Правда в молодости на пляжах Эйлата я немного отведал жизни в

коммуне, но там царил абсолютная анархия, где *«каждый делал то, что ему казалось справедливым»* (Суд. 21:25). Здесь, напротив, приходилось подчиняться строгому распорядку дня и придерживаться правил. А мне, с той поры как я, взбунтовавшись, покинул родной дом, не приходилось повиноваться приказам и ладить с коллективом. Это для меня было серьезным испытанием.

Но жизнь с людьми была для меня полезна. Постоянные взаимодействия с братьями и сестрами, глубокое духовное единение, совместная учеба и молитва, труд и активное распространение Евангелия — все это развивало во мне чувство дисциплины и ответственности перед Богом и людьми. Это позволило мне так укрепиться в вере, как я прежде и не помышлял. Временами мы застилали друг для друга постели и по очереди убирали наши комнаты по утрам, обучаясь тем самым дружно работать сообща и помогать товарищам. Живым примером для нас был Иешуа.

Каждый вечер все мы, человек тридцать, собирались вместе (причем многие сидели на полу), чтобы изучать Слово Божье. Я очень любил эти разборы Библии, так как они давали возможность выразить свое мнение по многим вопросам. Поскольку я был знаком с *Танахом* с детства, мне было нетрудно понимать в его свете Новый Завет. Я ощущал, как ежедневно во мне возрастают праведность и любовь — это Бог медленно, но верно изменял меня по Своему подобию.

Занятия, которые вел Кит, впервые помогли мне понять настоящий смысл Креста. Прежде он был для меня злополучным христианским символом, с незапамятных времен приносившим моему народу неисчислимы беды. Теперь я понял, что Крест — не просто сбитые накрест деревянные рейки, выставляемые в церквах для почитания и целования «христианами», и не ювелирное украшение, бездумно носимое *гойми*. Отныне я твердо знал: Крест — это образ жизни.

Своей собственной жизнью Иешуа оставил нам пример самоотверженности, распинания своей плоти со всеми ее желаниями и похотями. И Он призвал всех истинных верующих взять свои кресты и следовать за Ним (см. Мф. 16:24). Греховная натура противится воле Бога, но заново рожденный всерьез стремится жить и действовать в согласии с Божьей волей. Однако, чтобы жить в согласии с волей Господа, необходимо «распять» свою плоть, что означает оставить свою собственную волю, привычки и желания, чтобы они не заставляли нас действовать противно требованиям и желаниям Бога. Этот процесс может произойти только в жизни человека, образ мыслей которого изменил Бог:

24 *Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями.*

(Гал. 5:24)

19 *Я сораспялся Христу,*

20 *и уже не я живу, но живет во мне Христос.*

(Гал. 2:19,20)

Я был так счастлив, что Иешуа, Который отныне жил во мне, изменил мое эгоистичное отношение к женщинам и научил меня уважать их как человеческие личности с присущими им правами. Теперь я начал относиться к ним как к сестрам, как к чудесным творениям Бога. Для меня это было настоящим достижением, и за него я благодарен Богу всем сердцем. Снова я убедился, что это уже не я живу, а Христос живет во мне Своей жизнью.

Больше всего мне нравились пятничные вечера. Во дворе перед домом мы устраивали общий *шабатный* ужин на открытом воздухе, приглашая в гости людей, которым на прошедшей неделе проповедовали Евангелие. Приходили и верующие из окрестных кварталов, так как слава о нас распространялась подобно лесному пожару. Каждый из гостей

приносил в общий котел что-нибудь из деликатесов, так что стол получался очень богатый. Это было наше еженедельное пиршество. Мы ели вволю, больше, чем в остальные дни недели, а потом сообща молились и пели под гитарный аккомпанемент Кита. Хотя он уже стал известен во всем мире, как одаренный пианист, Кит всегда избегал повышенного внимания к своей персоне. После трапезы он произносил проповедь, цель которой была — привести не верующих, но интересующихся гостей к вере в Мессию.

На один из таких *шабатных* вечеров к нам пришел человек по имени Мартин. Он был сыном состоятельного летчика, так что его жизненная дорога была, так сказать, выстлана лепестками роз. Но он бросил учебу в университете, поняв, что когда-то ему придется предстать перед престолом Создателя и дать отчет о своей жизни в этом мире. Он сказал: «Важно, чтобы все, что мы делали, делалось бы с верой, потому что все, что мы делаем не по вере — это грех (см. Рим. 14:23), а я не верю, что Бог хочет, чтобы я оставался здесь, в этом университете!» Когда Мартин пришел к нам, он уже был мессианским верующим, и я заметил в нем подлинное смирение и особую любовь к Богу. Было очевидно, что в его душе неустанно трудился Святой Дух, показывая ему, что в жизни есть нечто большее, чем накопление денег и достижение высокого положения в обществе.

В тот вечер за ужином я сел рядом с Мартином и передал ему ломоть арбуза, предварительно срезав корку, как принято это делать в Израиле. Позже он поделился со мной, что именно этот простой жест тронул его сердце и убедил присоединиться к нам. Почему-то этот эпизод имел для него глубокий смысл.

С того момента Мартин стал моим самым близким другом. Мы искренне молились вместе. Бог открыл ему, что необходимо молиться о спасении Израиля, и мы в обоюдном согласии несли бремя этой молитвы. Мы проливали реки слез за благополучие и безопасность Израиля и, конечно, за искупление его грехов. В те дни я ощущал присутствие Бога с такой силой, что не мог описать это ощущение словами.

Постепенно во мне пробудилось желание основать в Израиле мессианско-иудейский *киббуц*, где мы могли бы с утра работать на ферме, а по вечерам расходиться по окрестным городам и селам, чтобы рассказывать людям о чудесной способности Бога менять человеческую жизнь. Я сказал: «Самое время Господу обрезать сердца народа Израиля», — всем сердцем желая принять самое активное участие в этом процессе.

Я не раз говорил об этом Киту. Идея ему нравилась, но он каждый раз повторял: «Терпение, Яков, имейте терпение. Библия гласит, что сердца израильтян переменятся, но вы должны позволить Господу выполнить эту перемену тогда, когда Он Сам решит это сделать!»

Однажды после молитвы Мартин пригласил меня к себе домой. В его комнате хранилась огромная коллекция грампластинок — около трехсот дисков с рок-н-роллом, блюзами, поп-музыкой, которые он собирал много лет. Эта коллекция когда-то была для него самым ценным из всего его имущества, но теперь он спешил как-нибудь от нее избавиться, поняв, что не Дух Божий вдохновлял этих авторов и исполнителей, что их вдохновение пришло из сатанинских источников. Он знал, что у него не будет настоящей, прочной духовной жизни, если он останется в окружении этой музыки. Он чувствовал, что не может служить Господу всем сердцем, пока в доме хранится эта коллекция. Раньше Мартин не мог жить без этой светской музыки, как наркоман не может жить без наркотиков, но теперь его сердце было наполнено лишь одним желанием — служить одному Господину, Господу Иешуа, и только Ему Одному. Младший брат просил и умолял его отдать ему эту великолепную коллекцию, но Мартин даже не хотел об этом слышать. Чувствуя, что в этом деле нужна решительность, мы взяли и отнесли это «богатство» на свалку и разломали диски на куски. С каждой разбитой пластинкой лицо Мартина все ярче сияло невыразимой радостью. Наконец этот

камень упал с его сердца. Я мог только восхищаться принесенной жертвой и был уверен, что в тот час Иешуа радовался, глядя на Мартина.

Прожив шесть месяцев у Кита и Мелоди, я почувствовал, что пора двигаться дальше. Кит полагал, что мне следует остаться еще на какое-то время, но я упрямо настаивал на своем. Поэтому наше расставание перешло в размолвку. Через несколько месяцев я получил от него письмо, в котором он извинялся за свои резкие слова. Теперь, по прошествии времени, я могу его понять — ведь он был искренне озабочен моим духовным здоровьем, а я неверно истолковал его намерения. Мне стыдно, что я поступил самонадеянно, не приложив усилий, чтобы понять друга, но, к несчастью, загладить свою вину я уже не могу: вскоре после того Кит погиб в авиакатастрофе.

Покинув общину, я решил посетить моего нового друга Билла в Топанга-Каньоне. Мы познакомились на одном из общих *шабатных* ужинов у Гринов. Билл пас стадо из тридцати коз, и место, где он жил, напоминало мне гору Кармель (Кармил) в Израиле. Эта земля принадлежала одному известному скульптору, который по всему обширному владению расставил свои странные произведения. На открытых участках между металлическими скульптурами обильно росли сорные травы.

Красота океана, чистый воздух, виноградник, увешанный тяжелыми зрелыми гроздьями, козы, пасущиеся на полях, небо, наполненное звездами, — все это создавало впечатление, что я то ли в Израиле, то ли в Эдемском саду. На этой горной вершине я понял, насколько люблю свою новую жизнь во Христе. Здесь на бетонном блоке из ажурного каркаса, обвитого виноградной лозой, была устроена беседка. Мы часто в ней обедали. Неподалеку от нашей столовой на свежем воздухе находилось место для дойки коз. Я очень любил доить коз ранним утром и затем отгонять их на открытые поля.

Присматривая за стадом, я играл на губной гармошке и сочинял духовную музыку для поклонения Господу. Нежась в лучах Господнего Слова и в свете Его Сына, я пытался представить царя Давида в юности. В те благословенные дни я благодарил Господа за то, что вокруг никого не было... так как далеко не всем, кто услышал бы мое пение, оно понравилось!

Через три месяца я ощутил желание вернуться в Оклахома-сити, в ту церковь, где меня крестили. Словно какой-то таинственный голос звал меня обратно, «домой». Хотя я совсем недолго посещал эту церковь, она оставалась для меня моим духовным домом. Недолго думая, я погрузил свои пожитки в машину и отправился обратно на восток.

Глава 15. Снова на восток

Аризона, 49 градусов по Цельсию в тени. По пыльной дороге сворачиваю в горы, чтобы посетить общину мессианских верующих «Аллилуйя». После долгого пути по раскаленной горной пустыне добираюсь до места.

Об этой поездке у меня остались особые воспоминания. Вскоре после моего прибытия внезапно загорелось одно из деревянных строений, служившее детской спальней. Один из мужчин моментально прыгнул в пламя и через несколько секунд выскочил на безопасное место с тремя детьми. Еще три ребенка (двое из которых были братьями) остались внутри. В считанные минуты огонь пожрал все строение, словно оно было сделано из лучины.

Не могу описать ужас, охвативший всех очевидцев. Мужчины и женщины зывали о помощи, но спасти малышей, оставшихся внутри, было невозможно. Трагедия продолжалась всего несколько минут. Все мы окаменели от ужаса, потеряли способность двигаться и реагировать на происходящее.

Я ненавижу себя за то, что не осмелился помочь в такой решающий момент, за то, что не прыгнул сразу в огонь и не попытался спасти детей, пока это было еще возможно. Уже через несколько секунд после начала пожара разгоревшийся огонь не позволил никому даже подойти близко. Когда пламя угасло, на месте домика осталась лишь дымящаяся куча углей. Мне было по-настоящему стыдно. В прошлом я совершал отчаянные поступки, не моргнув глазом, а здесь, когда мне первый раз в жизни представилась возможность спасти малышек от верной смерти, я был поглощен собственным спасением и ничего не сделал. Оказалось, что по большому счету я вовсе не герой.

На место трагедии съехались друзья со всей округи, чтобы разделить скорбь семей, потерявших детей, и выразить свое соболезнование. До конца жизни не забыть мне тех похорон. Вот что сказала мать погибших мальчиков над открытой могилой:

«Все мы знаем, что жизнь дал нам Бог. Этим двух драгоценных детей Он одолжил мне на время, а потом пожелал вернуть их к Себе. Иешуа сказал: *«Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне; ибо таковых есть царствие небесное»* (Мф. 19:14).

Я верю, что Бог, Чья любовь к нам сильнее смерти, Бог, Который добровольно умер для нашего спасения, видит смерть иначе, чем видим ее мы. В Его глазах смерть маленьких детей, возможно, совсем не такая ужасная трагедия.

Он, заранее знающий, до какой степени падения дойдет этот исполненный зла мир, в Своей бесконечной мудрости и любви решил спасти этих малышек, которые всем сердцем верили в Него. Он уберег их от ужасных кар, которые намерен обрушить на эту землю, и загодя забрал их в Свое Царство.

Мне очень больно. Мне так не хватает моих малышек! Но во мне нет ни горечи, ни обиды против Бога, Который забрал у меня моих дорогих детей. Я люблю и буду любить Его, несмотря ни на что и независимо от моего горя. Он знает, что лучше для них и для каждого из нас, и Он избрал для них наилучшую судьбу.

Если среди вас есть кто-то, еще не знающий Иешуа Мессию, ради нас перенесшего самую мучительную смерть на кресте, то, может быть, эта моя трагедия приведет вас к Нему».

Закончив, охваченная горем мать повернулась к открытой могиле и сказала: «Дорогие дети, ждите меня терпеливо. Придет день, когда мы встретимся снова, и тогда мы больше не расстанемся — обещаю вам! Так мне сказал Иешуа, а Он всегда говорит правду».

В конце погребальной службы все собравшиеся, возбужденные и прочувствовавшие общее горе, стоя запели гимн хвалы Господу за Его любовь и милосердие. Я не мог поверить собственным ушам. Как могуч должен быть наш Мессия, победивший смерть и утерший слезы скорбящих матерей у открытых могил их любимых чад!

В жизни мне приходилось не раз участвовать в похоронах. Я видел крайне эмоциональные похороны евреев-сефардов, когда люди кричат от горя, бьются в отчаянии, горько сетуют, царапая ногтями лицо и выдирая у себя волосы. Я бывал и на тихих, сдержанных погребальных церемониях евреев-ашкенази, не позволяющих скорби выплеснуться наружу. Я видел и военные похороны, когда суровые, закаленные в боях солдаты проливали слезы над могилой павшего друга. Но никогда в жизни я не слышал подобных слов от матери, скорбящей над останками детей, лежащими у ее ног. Мир не видел такого божественного умиротворения!

Потом мать другого ребенка, также погибшего в огне, запела хвалебную песнь Господу. Ее чистый голос парил, как жаворонок, в ослепительном солнце пустыни и рассыпался мириадами алмазов у подножия престола славы. Такое пение можно услышать лишь раз в жизни! Эта женщина прилюдно изливала Господу боль, переполнявшую ее сердце.

После окончания похорон все участники собрались под открытым небом и беседовали между собой свободно и естественно, как будто они пришли вовсе не на погребальную службу, а просто попрощаться с друзьями, которые ненадолго уезжают, зная, что скоро снова встретятся у ног любимого Искупителя.

Проведя еще несколько дней в этом удивительном месте, я снова сел в машину и отправился дальше на восток, в Оклахому, увозя неизгладимые впечатления от этого совершенно необычного события. В Оклахома-сити я добрался без приключений и задержался там на три года, поселившись в жилом комплексе при церкви и регулярно посещая службу.

Казалось, я вел жизнь, внешне почти святую, очень близкую к той, которую должен вести настоящий верующий. Но незаметно для меня самого моя первая горячая любовь к Иешуа постепенно охладела. Понятно, я не совершал никаких жестокостей, подлостей или преступлений, просто погрузился в благодушную повседневную рутину. Я вроде бы ничем не отличался от остальных членов общины, и мне казалось, что пора наконец осесть и устроить свои финансовые дела.

На одном из церковных собраний я познакомился с Вуди, который дешево покупал старые здания, обновлял их и перепродавал с приличной выгодой. Он согласился взять меня на работу, и мы трудились вместе чуть ли не круглосуточно, обновляя и перестраивая старые развалины.

Позже Вуди познакомил меня со своим братом Китом, который был адвокатом, но помимо того держал предприятие по выращиванию дерновых ковров для устройства газонов. Кит предложил мне заведовать этим хозяйством. Предложение меня весьма обрадовало — я любил тяжелую работу. С восхода до заката я подстригал газоны, резал дерн на длинные полосы, скатывал их, укладывал на грузовик фирмы и доставлял клиентам, а там укреплял дерн на газонах. Постепенно я смог купить дом и собственный грузовик, так что мой бизнес разрастался и процветал.

Очень скоро оказалось, что я все больше времени и энергии вкладываю в работу и все меньше посвящаю себя Богу и Его Царству, молитве и чтению Слова. Близость с Иешуа, которой я когда-то так наслаждался, постепенно забылась. Внешне я все еще сохранял набожность — не потому, что был близок к Господу, а скорее, потому, что сам по себе, своими силами делал то, что выглядело бы праведным в глазах Господа. Этот настрой был совершенной противоположностью тому, что руководило мной в начале моего пути к Господу. Дело в том, что сперва внутри меня действовал Он, а я лишь послушно следовал за Ним, испытывая счастье и великую радость. А теперь я стал набожным, религиозным мессианским евреем, пытавшимся преодолеть дела плоти плотскими же силами.

Конечно, новый дух, который Господь вдохнул в мою жизнь, не покинул меня, но он был убаюкан и заснул, так как я забросил чтение Библии, молитву и даже Самый Хлеб Жизни — Иешуа. Кроме того, новое сердце, которое Он мне дал, начало понемногу портиться и подгнивать. Я продолжал за работой воспевать Господа, но, очевидно, этого было недостаточно. Я и не подозревал, что беда уже стучится в дверь.

Однажды утром я проснулся со страшной зубной болью. Я давно не посещал стоматолога, и теперь у меня во рту было больше дырок, чем зубов. Мэри, милая помощница зубного врача, слишком сильно привлекла мое внимание. И довольно скоро, как-то неожиданно для самого себя, я оказался в недопустимой для верующего внебрачной связи. Искушение и грех застали меня врасплох!

В те дни я перестраивал дом, который приобрел для себя, и это оказалось удачным предлогом для того, чтобы переехать к Мэри — разумеется, только на время. Хотя мы жили во грехе, я не мог утаить от нее свои религиозные убеждения. Рассказывая ей о Мессии, я вдруг со всей глубиной осознал, что происходит со мной на самом деле. Как могу я, оскверненный грязным грехом, проповедовать другим и рассказывать им о Мессии, Который пришел искупить наши грехи? Внезапно меня охватило смущение, я почувствовал себя таким презренным и грязным в собственных глазах, как будто застал самого себя на месте преступления. Я понял, что за свою страсть к женщине я поплатился чудесной любовью моего лучшего Друга, *Иешуа ха-Машиаха*. В своем падении я потерял всё — защиту Его вечной любви, глубокое внутреннее спокойствие, которым я так дорожил, радость спасения, уверенность, что Он — во мне, а я — в Нем; другими словами, я утратил ощущение Его постоянного присутствия. Конечно, Он не отнимал от меня Своей милости ни на минуту. Иешуа никогда не переставал меня любить. Он только на время отнял у меня ощущение Своей любви. Он дал мне понять, что мои грехи разделяют нас. Я чувствовал себя опустошенным, одиноким, потерянным и несчастным, словно весь мой мир рухнул в одночасье.

В ту же минуту с горькими слезами раскаяния я упал на колени и стал умолять Господа простить меня — и Он простил! Покаявшись в своих грехах, я смог поговорить с Мэри честно и серьезно, признаться в своем грехе, до которого довела меня слабость плоти, и попросить прощения и у нее. Результат оказался поразительным. Через некоторое время и Мэри приняла Господа как своего личного Спасителя. Конечно, я тут же переселился в свой дом и на завершающем этапе ремонта жил уже там. Мы и сейчас остаемся с Мэри друзьями. Я благодарю Бога за ее верность Иешуа, ведь с тех пор она преданно служит Ему, свидетельствуя неверующим и помогая им обрести личные отношения с нашим Господом.

Моя разорванная связь с Господом, утраченное ощущение Его присутствия и мира, ясное осознание Его любви — все утраченное было мне возвращено. Я и раньше понимал важность праведного жизненного пути с Господом, но теперь на опыте осознал, как дорого может обойтись бунт против Него. Оказалось, что ничто в мире мне не нужно, если нет Божьей воли на это.

Дом, который я построил себе на клочке земли в Оклахома-сити, занял слишком значительное место в моем сердце, а остальная часть сердца оказалась занятой грузовиком, легковым автомобилем и растущим банковским счетом... Моя жизнь текла безмятежно и была настоящим воплощением Американской мечты! Я рассуждал так: что ж, мальчишка из полуторакомнатной квартиры в Кирьят-Шмона проделал немалый путь до шикарного особняка в Оклахома-сити. И на этот раз все, что я имел, было заработано честным и нелегким трудом! Так что я вовсе не собирался отдавать кому-либо мое маленькое состояние и мои вполне заслуженные земные сокровища.

Эрец Исраэль (земля Израиля), казалось, была столь же далека от меня, как далекий восток от запада! Иногда до моего сознания доходили отзвуки Господнего призыва вернуться к моему народу и рассказать ему об Иешуа; но этот призыв, как и все прежние молитвы и горячие слезы, которые когда-то проливали мы с Мартином, моля о спасении Израиля, почти изгладился из моей памяти. Я сам потихоньку стер эти воспоминания, обещая самому себе, что когда-нибудь я наверняка вернусь к своему народу, но сейчас у меня есть более важные дела в Соединенных Штатах. Я стал мирским человеком и наслаждался каждой минутой мирской жизни. Постепенно моя готовность следовать указаниям Духа исчезла совсем.

Но однажды прекрасным воскресным утром во время церковной службы Дух Божий обрушился на меня со всей мощью, и я услышал голос Господа, серьезно и сурово упрекавший меня: «Яков, сын Мой, где ты? Неужели ты совершенно забыл о поручении, которое дал тебе Я, — идти и проповедовать спасение народу Моему, Израилю? Что с

тобой случилось, почему ты сидишь у египетских котлов с мясом вместо того, чтобы идти в землю обетованную? Встань и иди!»

Совершенно не помню, о чем говорил в то утро проповедник, но знаю, что слова Господа вонзились в мое сердце заточенным обоюдоострым мечом. В тот момент Бог так властно наполнил все мое существо Своей любовью, что из глаз потоком хлынули слезы. В самом деле, как я мог вести легкую и удобную жизнь в чужой стране, когда божественная истина о Мессии оставалась скрытой от глаз моего народа, родного мне по плоти и крови?

На следующее же утро я начал завершать свои дела, чтобы все оставить и отправиться домой. Я продал предприятие и сдал в аренду дом, перестройка которого только что была закончена. Поистине Бог обладает совершенно неповторимым чувством юмора. Три долгих года я трудился, как раб, вкладывая все деньги, всю энергию в строительство дома, о котором мечтал. И вот, когда пришло наконец время отдыхать и наслаждаться плодами своего труда, Он требует от меня добровольно отказаться от всего, сдать дом жильцам за смехотворную плату и последовать за Ним на родину. Тот, кому знакомы радость и счастье повиноваться Господу, поймет, о чем я говорю!

На той же неделе я отправился на восток, в Нью-Йорк, с намерением улететь в Израиль как можно скорее. Но я еще не знал всех уловок сатаны, всех хитрых, коварных способов, с помощью которых он раскидывает свои тенета, чтобы вновь уловить верующего в капкан греха.

«Теперь, пока я на востоке США, — пришло мне на ум, — почему бы не отклониться немного от маршрута, чтобы повидать Михаила и других старых приятелей, которых я не видел с тех пор, как отправился на запад?» Истинно, как говорит старая поговорка, «благими намерениями вымощена дорога в ад». Недолго думая, я изменил свой первоначальный план отправиться в Израиль немедленно — изменил только для того, чтобы встретиться еще раз со старыми друзьями и попрощаться с ними, перед тем как покинуть Штаты.

В те дни я еще не знал этого библейского принципа: если Бог призывает кого-то выполнить определенное задание, этот человек должен немедленно взяться за дело и сделать то, что ему поручено, не останавливаясь по дороге даже для того, чтобы с кем-то поздороваться. Каждая отсрочка может быть губительной.

Когда я приехал в Нью-Йорк, мои друзья представили меня своим знакомым, которые только что приобрели летний курорт в Катскильских горах на севере штата Нью-Йорк. Узнав, что я умею обновлять старые здания, они попросили меня приехать и помочь им перестроить дома на турбазе, так как фундаменты этих коттеджей осели. Я сразу же согласился, снова отложив исполнение Господнего призыва. Мы договорились об оплате моего труда, и я прилежно взялся за работу. «В конце концов, что я теряю? — думал я. — Абсолютно ничего. Напротив, вернусь в Израиль с круглой суммой денег, чтобы построить *киббуц* моей мечты и распространять Евангелие».

Моя работа состояла в том, чтобы сделать подкопы под здания и углубить их фундаменты, пока они не встанут на прочной скальной породе. «Впрочем, — сказал я себе, — зачем заливать в грунт слой бетона в полтора метра, если хватит и вдвое меньше?» Это был хитроумный расчет — таким путем я мог сэкономить на стройматериалах. Единственная проблема состояла в том, что я не позаботился поделиться своим гениальным планом с заказчиком. Когда работа была закончена, дома стояли на прежних местах, их фундаменты были абсолютно ровными, выглядели они исключительно устойчивыми и прочными, и никто не мог подумать, что фундаменты этих зданий были недостаточно глубоки.

Здесь я в тысячный раз обнаружил, что прежний, испорченный, Яков, сидевший внутри меня, еще жив и прекрасно себя чувствует, а вовсе даже не умер на кресте вместе с Иешуа. Под влиянием Духа Господнего он лишь

затаился, ожидая случая снова ввести меня в грех. На вид работа была выполнена безупречно, и заказчики были довольны. Я получил всю условленную сумму и радостно отправился в путь.

Но на этот раз, в отличие от прошлого, Дух Божий не давал мне покоя: *«Проклят, кто дело Господне делает небрежно»* (Иер. 48:10). Моя совесть, новые сердце и дух, которые я получил от Господа Иешуа, когда родился заново, невыносимо терзали меня из-за того, что я совершил вероломство по отношению к моим работодателям. Осознав, что своим поступком я запятнал имя Мессии, мне стало так стыдно, что я развернул машину, с позором вернулся к заказчикам, отдал им все полученные деньги, извинился за свой обман, искренне попросил прощения и отказался взять вообще какую-либо плату за мою долгую и утомительную работу на их объекте.

Так что же я приобрел в результате непослушания Богу? Имущество мое не приросло, но срок, назначенный Господом для моего полета в Израиль, был нарушен. Так много времени было потрачено практически впустую! И все же я понимал, что правильно сделал, вернув деньги. Тяжелый камень, лежавший на сердце, был сброшен, и я снова почувствовал себя свободным исполнять волю Господа. Возможно, пророк Иона чувствовал себя примерно так же, когда кит наконец изверг его на сушу (см. Ион. 2:10).

Глава 16. У открытой могилы брата

Время шло, и хотя не раз я слышал тихий, почти неслышный голос Бога, наставлявший меня вернуться в Израиль, я даже не позаботился купить билет на самолет. Однако вскоре пришлось убедиться, что Бога не проведешь.

Наверное, мне уже никогда не удастся в точности вспомнить, как именно я узнал о трагической смерти моего старшего брата и о том, что 16 сентября в Холоне состоятся его похороны. Шмуэль, много лет проживший в Копенгагене, давно хотел вернуться в Израиль. Упорное сопротивление жены помешало этой мечте осуществиться — и его сердце не выдержало тоски по родине.

Теперь выбора у меня не было. Бог словно схватил меня в охапку и силой усадил в самолет. Больше всего меня угнетало то, что мы с братом так и не успели уладить наши разногласия и что я навсегда расстался с ним, даже не узнав, изменил ли он свое враждебное отношение к Иешуа. Я вспоминал суровые письма, посланные мне братом, когда он узнал о моем спасении. *«Ты предал иудаизм и обратился в христианство, — писал он гневно. — Неужели ты забыл все злодеяния инквизиции, крестовые походы, все зло, которое твои христиане принесли евреям во имя Иисуса? Как ты посмел примкнуть к этим несчастным выкрестам, растоптавшим свои собственные души?!»*

Хотя его реакция глубоко меня ранила, я мог его понять. В конце концов, разве можно просить слепого оценить красоту разноцветной радуги? Правда, остальные члены моей семьи, несмотря на всю боль и негодование, вызванные моим «предательством», реагировали не так остро. Может быть, именно из-за долгих лет, проведенных Шмуэлем за границей, вопрос нашей принадлежности к еврейству стал для него таким болезненным? Возможно, именно это обстоятельство сделало его отношение к *гойм*-христианам таким нетерпимым?

Приняв *Иешуа ха-Машиаха* как своего Спасителя, я написал родственникам и друзьям много длинных писем, наполненных цитатами из *Танаха* и подробными разъяснениями. Я посылал эти письма с огромной любовью и горячей молитвой, пытаюсь изо всех сил объяснить как можно яснее, что Бог желает, чтобы все люди уверовали в посланного Им Мессию. К сожалению, мои слова попадали в «необрезанные уши и сердца», не умевшие отличить религию, придуманную людьми, от веры, дарованной Богом.

В своих письмах я описывал революционный переворот, происшедший в моей жизни. Я выражал глубокое раскаяние и сожалел о грехах, совершенных мной, и прежде всего — перед моими родителями, особенно перед матерью. Всем сердцем я просил прощения у нее за то горе, которое причинил ей, когда убежал из дома и исчез в Эйлате. Я просил и брата простить меня. Его по-настоящему заботило мое будущее, но я относился к его тревогам несерьезно. Теперь мне было невероятно стыдно за такое отношение к брату! Особенно за ту дурную часть моей натуры, которая высмеивала его «конформизм»: ведь он считал учебу в школе единственной целью жизни, а я думал, что в отличие от него знаю цену настоящей жизни, ибо не подчиняюсь никаким авторитетам. Как же уродливо была искажена истина в моей голове!

Теперь, оглядываясь назад, я не сомневался, что Бог провел меня через все прошлые приключения, чтобы привести к моим нынешним взглядам. Только по милости Бога я принял Его дар спасения и не променяю его ни на какой титул или положение в обществе. Все, чего я хочу, — это всем сердцем исполнять волю моего Создателя. Для этого я был рожден, с этой целью пришел в мир. В этом мире я живу всей полнотой жизни и в душе несу свидетельство Святого Духа о том, что в будущем мире буду воскрешен из мертвых для вечной жизни.

Я написал и сестре, которая была старше меня на два года, и попросил у нее прощения за то, что когда-то ударом кулака повредил ей челюсть. И, наконец, что было не менее важно, я извинился перед младшими сестрами, Кармелой и Фридой. Я всегда заставлял их убирать мою постель, складывать одежду, мыть после меня посуду и начищать до блеска мои ботинки. Время от времени я давал им какую-то мелочь за эти услуги, но при этом я поступал с ними так, как не хотел бы, чтобы со мной поступали другие. Я их эксплуатировал, как другие эксплуатировали меня. Став верующим, я попросил прощения у сестер, и они меня простили, хотя не совсем понимали, что именно со мной произошло.

Возвращение домой после девяти лет добровольного изгнания стало для меня радостным и волнующим событием. Мне хотелось упасть ниц на бетон аэропорта Бен-Гуриона и поцеловать эту драгоценную землю, на которой я был рожден и к которой был теперь прочно привязан. Теперь я был готов следовать за моим любимым Господом и Хозяином, чтобы всецело отдать себя своему народу, чтобы мои соотечественники-израильтяне тоже смогли обрести это блаженство — узреть спасение, даруемое Господом, и найти свой путь домой, к вечному Отцу.

Никто не понимал истинного смысла слез, струившихся из моих глаз. Люди, смотревшие на меня, наверное, думали, что это слезы счастья, слезы ностальгии по моей семье или по родине. На самом деле в мыслях я уносился далеко в прошлое, к пророкам и апостолам. За исключением нескольких кратких периодов во времена Иисуса Навина, Давида и Неемии духовная жизнь моего народа неизменно вырождалась в грубое идолопоклонство и безнравственность. Бог обрушивал на нас Свои справедливые, заслуженные кары, а мы все с осуждением тыкали пальцем в окружавших нас *гоев* и винили их во всех несчастьях, валившихся на нас, вместо того чтобы самим вернуться к Господу. Богу не нужно было раздумывать, когда повести на нас армии Аммона и Моава, Ассирии и Вавилона, Греции и Рима, — мы всегда давали Ему повод. И чем дальше мы от Него отходили, тем более страшные войны обрушивались на нас. И кто знает, что еще уготовано Израилю в будущем?

Я проливал слезы и горя, и радости: горя — из-за отчаянного духовного состояния моего народа, радости — из-за веры в то, что мой народ достиг той точки в истории, когда он готов принять Иешуа как своего Господа. Я страстно мечтал — и верил, что эта мечта была послана мне Господом, — организовать мессианский *киббуц* и воспитать целую армию проповедников Евангелия.

Но все эти возвышенные мысли не мешали мне помнить об умершем брате. Я мучился вопросом: а погиб бы он, если бы я не задержался в Штатах? Наконец я все-таки вернулся домой, но какой ценой! На этот раз я приехал не на

веселую свадьбу, а на печальные похороны, чтобы отбыть *шива* (традиционный семидневный траур по усопшему, соблюдаемый в еврейских семьях).

Когда мы подъехали к дому для совершения траурной церемонии, там уже собралась огромная толпа. После того как покойный, согласно ритуалу, был опознан родными и обмыт, настало время самих похорон. Каждый раз, когда имя моего покойного брата громко оглашалось через микрофон, мать бурно рыдала. Все вторили ей, плача и рыдая. Женщины всхлипывали, мужчины с трудом сдерживали слезы. Тело Шмуэля вынесли из похоронного дома, положили на специальную повозку, завернули в льняной саван и накрыли *таллитом* (молитвенным покрывалом). Скорбной процессией мы проследовали к открытому бетонному павильону, где раввин прочитал 91-й Псалом, начинающийся словами: *«Живущий под кровом Всевышнего под сению Всемогущего покоится»*.

Похоронная процессия продолжила движение к только что вырытой могиле. Четверо мужчин несли носилки на плечах, а все мы сопровождали тело к месту последнего упокоения. Тишину кладбища нарушали только душераздирающие стоны моей матери, которая рвала на себе волосы, била себя в грудь кулаками, ногтями царапала свое искаженное горем лицо. Отец тщетно пытался удержать свои чувства внутри. Он был убит горем и скорбью, и из его глаз неудержимо лились слезы. Другой мой брат, моложе меня на несколько лет, держался молодцом и утешал всех, особенно родителей. Идя рядом с отцом, я пытался утешить его, а все мои сестры собрались вокруг матери, но все наши усилия были бесполезны. Мать вопияла к небесам, но небо над ее головой было словно выковано из прочной меди. Откуда ей было взять вместо слез — елей радости и вместо унылого духа — славную одежду (см. Ис. 61:3)? Сможет ли моя дорогая мама когда-нибудь утешиться? Захочет ли она меня выслушать?

- 1 *И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями.*
- 2 *И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати ее?*
- 3 *И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землею, раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее.*
- 4 *И я много плакал о том, что никого не нашлось достойного раскрыть и читать сию книгу, и даже посмотреть в нее.*
- 5 *И один из старцев сказал мне: не плачь; вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил, и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее.*
- 9 *И поют новую песнь, говоря: достоин Ты взять книгу и снять с нее печати; ибо Ты был заклан, и Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени,*
- 10 *и сделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле.*
- 12 *...достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь и славу и благословение.*

(Отк. 5:1—5,9,10,12)

Я молча стоял у открытой могилы моего старшего брата, поглядывая вокруг. Безутешная мать выражала свое горе яростными стенаниями; отец, казалось, вот-вот лишится чувств и рухнет на землю; сестры горько рыдали; наши родственники, собравшиеся, чтобы отдать последний долг покойному, тоже были в слезах.

Ужасные вопросы мучили меня: как я могу сказать этим любимым мною людям, молившимся о том, чтобы душа усопшего нашла покой в раю, что их молитвы не найдут ответа? Как я могу объяснить им, что человек, не принявший прощение Бога за свои грехи, ставшее возможным благодаря жертве Иешуа, умирает в грехе и в день Страшного суда будет признан вовеки виновным?

Потом к этим вопросам прибавились богохульные мысли: что же это за Бог, если Он может послать хорошего, честного человека в ад только за то, что тот не поверил в Иешуа? А как быть с тем множеством безгрешных людей, которым просто не представился случай услышать Благою весть о спасении и обрести его? Неужели праведный, справедливый Бог и в самом деле обречет этих людей на вечные муки?

Внезапно истина поразила меня как молния, пущенная прямо от престола Господня. Да ведь именно потому, что Бог свят, праведен и справедлив, Он не может потерпеть, чтобы грешник явился в Его чертоги и осквернил их! Глаза Господа слишком чисты, чтобы спокойно видеть грех. Потому-то Он и изгнал Адама и Еву из райского сада после их грехопадения. Любому, кто не примет спасение от Господа, неважно по какой причине, придется платить за грехи, а платой будут смерть и вечное удаление от Бога.

«Но если это действительно так, — подумал я, — то любой, кто умирает, не приняв спасения от Господа, погибает навеки». Бог предложил нам Свое спасение, как чудный дар, и недвусмысленно заявил: *«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»* (Ин. 3:16).

Бог дал любому и каждому из нас свободную волю, чтобы принять Его спасение или отвергнуть его. Нас можно сравнить с человеком, тонущим в болоте. Он не может сделать ничего, чтобы вытащить себя из болотной топи: ведь каждое его усилие только ускорит погружение вглубь. Но кто-то, стоящий неподалеку на прочной скале, бросает тонущему веревку и кричит: «Лови!» Теперь сам тонущий должен решить, схватиться ли ему крепко за веревку и спастись или отвергнуть предложенное спасение и погрузиться в трясину. Нет большой разницы, увидел ли тонущий спасительную веревку и отверг ее или просто ее не заметил, в любом случае он утонет в болоте! Но тот, кто сознательно отвергает Господне спасение, поистине совершает духовное самоубийство:

15 Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло.

19 Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое...

(Втор. 30:15,19)

Я поднял к небу глаза, полные слез. Небо было чистым и голубым, и мои мысли унесли меня далеко-далеко. Я думал о Самом Боге, скорбящем о Своем возлюбленном народе, который далеко отошел от Бога и следует пустым предрассудкам и человеческим традициям. Я представлял себе Господа Бога Израилева сидящим во блеске Своего могущества на троне и наблюдающим, как Его народ превращает Его священное Слово в бесконечные ряды законов и правил, которые невозможно точно исполнить, несмотря на самые благие намерения, — и все это во имя религии!

Настало время хором прочесть *каддиш* (молитву по умершему). В этой молитве, написанной на арамейском языке, даже не упоминаются умерший или смерть. Эта молитва посвящена восхвалению и почитанию Всемогущего Бога:

«Да возвысится и освятится Его великое имя в мире, сотворенном по воле Его; и да установит Он царскую власть Свою; и да взрастит Он спасение; и да приблизит Он приход Машиаха (Мессии) Своего, при жизни вашей, в дни ваши, и при жизни всего дома Израиля, вскорости, в ближайшее время, и скажем: Амен!

Да будет великое Имя Его благословенно вечно, во веки веков! Да будет благословляемо, и восхваляемо, и прославляемо, и возвеличиваемо, и превозносимо, и почитаемо, и величаемо, и воспеваемо имя Святого, благословен Он, превыше всех благословений и песнопений, восхвалений и утешительных слов, произносимых в мире, и скажем: Амен!

Да будут дарованы с небес прочный мир и счастливая жизнь нам и всему Израилю, и скажем: Амен!

Устанавливающий мир в Своих высотах, Он пошлет мир нам и всему Израилю, и скажем: Амен!»¹

¹ Русский перевод этой молитвы взят из книги «Сидур тегилат гашем» (Иерусалим—Вильнюс, 1990), составленной на основе предписаний рабби Ицхака Лурии *Ашкенази*. — *Прим. пер.*

Я смотрел на собравшихся, на всех этих несчастных, верующих в бога, которого они придумали себе сами. Я прекрасно их понимал. Они выглядели настолько жалкими, отчаявшимися и утратившими надежду, что мое сердце разрывалось от сострадания. В душе я обнимал каждого, желая привести их всех в Царство Божье, доказать им правду Мессии. «О чем думают эти люди? — размышлял я. — Неужели они всерьез верят, что если повторят *каддиш* достаточное число раз или если прочитают над могилой нужные стихи из 118-го Псалма согласно алфавитному порядку имени усопшего, то покойный получит право унаследовать Эдемский сад? Неужели они верят, что, когда придет их день, им будет дана такая же привилегия?»

Я не имел ни малейшего представления, о чем думали отец и братья, когда громко произносили *каддиш*. Неужели они и вправду верили, что спасение души Шмуэля зависит от того, будут ли они преданно читать по нему *каддиш* сперва каждый день, потом каждый месяц, а затем каждый год в годовщину его смерти? Где и когда иудейская вера утратила правильное направление? Во что на самом деле верят евреи?

С большим трудом я сохранял спокойствие и молчал. Мне мучительно хотелось закричать, призвать эту охваченную горем толпу вернуться к Богу их отцов, открыв Ему свои сердца, вместо того, чтобы поклоняться доморощенной религии Израиля. Но каков будет их ответ? Что подумают, что скажут члены моей семьи и все собравшиеся здесь религиозные люди? Вот они, вот эти люди, которые должны представлять Бога! Я словно видел сквозь черные облачения, предписываемые религией, их ничтожные, погрязшие во грехе сердца. Я знал, что именно так Бог смотрит на них со Своего небесного престола, а они отказываются принять Его спасение. Мое сердце почти разрывалось от жалости и сострадания к ним. Если бы Бог в Своей бесконечной милости не послал мне Джеффа, то и я стоял бы сейчас здесь таким же слепым к духовной истине, таким же запутавшимся в самообмане, как они!

Вдруг я вспомнил другие похороны, ту потрясшую меня похоронную службу в Аризонской пустыне. И там матери, потерявшие детей, стояли у открытых могил своих возлюбленных чад — но какой контраст! Насколько же отлична скорбь человека, который знает, что у него в будущем есть надежда и что Бог в Своей бесконечной мудрости и любви забирает тех, кого Он любит, к Себе! Как горька скорбь тех, кто не имеет этой благословенной надежды и от чьих глаз сокрыт путь!

Я не мог не сравнивать этих матерей. Моя мать полностью погрузилась в пучину своей скорби, продолжая царапать и бить себя, не имея сил оторваться от тела сына и позволить опустить его в могилу. А там, в Аризоне, две матери, трагедия которых была не меньше, чем горе моей мамы, пели песнь хвалы своему любящему Господу, будучи

уверены, что их дорогие дети отныне живут у своего Господа и что вечное воссоединение с ними — лишь вопрос времени.

По окончании похорон все мы вернулись домой, чтобы сидеть на полу весь срок *шива*. Все зеркала, все застекленные окна и даже телевизор были завешаны одеялами — согласно еврейской каббалистической традиции, отражения будут мешать душе умершего, которая все еще блуждает по дому, не находя себе покоя. Вся семья сидела на матрасах, расстеленных на полу. Соседи и друзья, не стуча в дверь, приходили и уходили, принося нам еду и питье.

Раввин, проводивший похороны и в надгробной речи восхвалявший моего брата трогательными словами, которые он читал с листа бумаги, сидел напротив меня. Снова и снова мы читали псалмы, чтобы проводить душу усопшего на небо. Раввин следил, чтобы вовремя произносились все публичные молитвы и чтобы достаточно часто читался *каддиш* — это обеспечит душе умершего место в раю. Он даже пытался утешить рыдающую толпу собственными толкованиями *Торы*.

Я не стал терять времени. Будучи от природы ярим спорщиком, я не мог не давать уместных ответов на каждое замечание раввина. Вскоре между нами разгорелся жаркий спор, в котором были затронуты религиозно-философские проблемы. Мы затронули путь спасения, жизнь после смерти, единство и триединство Бога, непорочное зачатие и рождение Мессии, Слово Бога живого в сравнении с человеческими преданиями и образ жизни ортодоксальных евреев в сравнении с образом жизни мессианских евреев.

Не могу умолчать об одном существенном факте. Когда я выдвигал какой-либо аргумент из *Танаха*, раввин мог отбиваться только цитатами из еврейских мудрецов и из *Талмуда* (что буквально означает «изучение»; это возведенное в закон собрание еврейских преданий). Моя семья не могла поверить собственным ушам и безмолвствовала от ужаса. Это уже был не прежний Яков, не тот хулиган, убежавший когда-то из дому, удививший потом всех неожиданным появлением на свадьбе сестры и с трудом дождавшийся обратного рейса в Штаты.

Теперь перед ними сидел совсем другой человек, говорящий с истинной убежденностью, с авторитетом, идущим прямо от Слова Божьего, и опровергающий один за другим все доводы израильского раввина. Конечно, время от времени из уважения к раввину они пытались заткнуть мне рот, но это было невозможно. Я был подобен фонтану и цитировал Священное Писание «*во время и не во время*» (2Тим. 4:2), пока наконец раввин не предостерег мою семью от чтения Нового Завета и обсуждения этих проблем дома. Он посоветовал, насколько это возможно, не вступать со мной в споры по богословским вопросам.

Глава 17. Первые шаги на родине

После того столкновения с раввином я ощутил настоятельную необходимость как можно глубже изучить образ жизни и мыслей сверхортодоксальных евреев. Невозможно успешно разговаривать с оппонентами, если не знаешь, чем они дышат. Я отрастил длинную бороду и поступил в знаменитую *йешиву* (высшую духовную школу, готовящую раввинов) в Иерусалиме. Несколько месяцев я сидел вместе с остальными учениками, слушая их бесконечные споры и изощренный *тилтул* (сложные философские рассуждения) о древних, темных и не имеющих никакого практического смысла *талмудических* вопросах. Даже сами ученики не находили в изучаемом материале никакой связи с жизнью — они ходили в *йешиву*, чтобы изучать *Тору* и *Талмуд* ради самого процесса изучения.

Кроме того, я заметил, что эти религиозные люди ставили слова раввинов и мудрецов гораздо выше слов Писания. Больше всего меня поражало в *йешиве* полное отсутствие дискуссий по каким-либо важным вопросам. Правда, эти люди действительно жаждали истины и терпеливо искали ее день и ночь, но их жажда лишь постоянно возрастала,

ибо у них не было Воды Жизни для ее утоления. Мне казалось, что они словно бредут по пустыне в жаркий летний день, обманутые миражом, и тратят свои скудные запасы сил на бессмысленную погоню, и в результате теряют последние силы, утрачивают иллюзии, а их жажда только обостряется. Я видел, до какой степени их жизни скованы *галахотом* (традиционными предписаниями, которым должны следовать современные ортодоксальные евреи), регламентирующим каждую деталь их бытия. Как разительно отличается дух этого *галахота* от духа Библии! Как отличается тяжелое, невыносимое ярмо *галахота* от легкого, благодатного ига Мессии, от Божьей Истины, которая освобождает пленников!

Каждая религия, в отличие от истинной веры, наполнена ритуалами и обычаями. Религиозные авторитеты заслоняют божественную истину, одевая ее в строгие религиозные одежды. Они ратуют о внешнем, полностью игнорируя все исполненные обетования Господа об искуплении грехов — единственный доступный человеку способ прийти к Господу и обрести спасение.

Как сильно отличается жизнь в вере и в настоящей близости к Создателю от жизни, скованной цепями религии! Никогда не забуду *ярцайт* (годовщину смерти) одного «святого раввина». Толпа его учеников поднялась на Елеонскую (Масличную) гору, чтобы молиться у его могилы. Этот ритуал всегда меня отвращал, а с той поры, как я принял Иешуа, он стал восприниматься мной как чистое идолопоклонство. Концепция современного иудаизма о святости умерших полностью противоречит словам *Торы*, которая рассматривает мертвеца и могилу как самое нечистое из всех нечистот, как оскверняющее тех, кто к ним прикасается. *Тора* ясно говорит:

11 *Кто прикоснется к мертвому телу какого-либо человека, нечист будет семь дней...*

12 *Вот закон: если человек умрет в шатре, то всякий, кто придет в шатер, и все, что в шатре, нечисто будет семь дней;*

16 *Всякий, кто прикоснется на поле к убитому мечом, или к умершему, или к кости человеческой, или ко гробу, нечист будет семь дней.*

(Чис. 19:11,14,16)

Противореча этим стихам, *хасиды* (члены еврейской секты, стремящиеся строго соблюдать букву Закона) приписывают высшую святость могилам праведников и готовы пойти почти на все, чтобы соблюсти эту важнейшую *мицву* (заповедь еврейского закона; похвальный поступок или благотворительный акт), чтобы совершить паломничество на могилы праведников. Мы, мессианские евреи, возможно, потому особенно негативно чувствительны к этому обычаю, что почитаем Господа, Который победил смерть и воскресил Мессию, оставив позади Него пустую гробницу.

Вскоре я понял, что мне пора покинуть *йешиву*. Все мои соученики удивились этому неожиданному и необычному шагу. Обычно слушатели *йешивы*, заслуженно или нет, пользуются множеством привилегий и так просто от них не отказываются. И вот вам ученик, который пришел сюда совсем недавно, еще не успел даже насладиться сладким благоуханием *Торы* и уже решил уйти.

Когда они начали меня расспрашивать, я не смог больше держать в тайне мои убеждения и сказал: «Вы изучаете *Талмуд*, размышляете над его страницами, словно ищете скрытые сокровища истины. Но истину можно найти только в *Танахе*, который гласит об Истине воплощенной, об *Иешуа ха-Машиахе!*»

Ответить им было нечего, поэтому они меня просто оплевали.

Вскоре после этого я попал на сборный пункт израильской армии, но на этот раз с целью, противоположной той, которая была у меня десять лет назад. С тех пор как я стал верующим в Иешуа, я глубоко сожалел о своем дурном

поведении в армии и мечтал заглазить вину. Я снова пришел в армейский учетный пункт и попросил, чтобы меня освидетельствовала медицинская комиссия, дав заключение о моей годности к действительной службе. Члены комиссии были удивлены тем, что тридцатилетний мужчина вдруг пожелал вступить в регулярную армию.

— Из вашего личного дела видно, что вас призвали на службу в 1970 году, но через полгода вы были комиссованы из-за плохой адаптации к условиям армии. Почему вы думаете, что теперь дела у вас пойдут лучше?

— Когда мне исполнилось шестнадцать лет, меня пригласили для сдачи первых психологических тестов, — ответил я. — Тогда я еще был искренним патриотом и мечтал пойти добровольцем в воздушные десантники или в морские пехотинцы, и это отмечено в моем деле. Но вскоре после этого я убежал из дома и отправился в Эйлат. Тот образ жизни полностью изменил мои взгляды, и я начал искать способы избавиться от военной службы. Когда меня впервые вызвали на медкомиссию, я получил наивысшую степень годности и был рад. Но позже узнал от некоторых молодых парней, живших по соседству, о разных способах отвернуться от армии. Так мне и удалось покончить со службой всего за шесть месяцев. А потом я уехал за границу.

— И где же вы были? — спросил один из членов комиссии.

— В Соединенных Штатах, — ответил я.

— А почему теперь передумали?

— Будучи в США, я пришел к вере в Иешуа, Мессию Израиля, Который превратил меня в настоящего еврея в полном смысле этого слова. Он наполнил меня любовью к Израилю и пониманием всего, что касается дальнейшей судьбы Израиля, так что я вернулся домой. Я хочу отдать своей стране все, что не отдал до сих пор, и служить в тех войсках, где смогу принести наибольшую пользу армии!

Один из членов комиссии, носивший *киту*, взял мое дело и стал внимательно его изучать. Подняв глаза, он осмотрел меня с головы до ног и спросил:

— Как же это случилось с вами, вся эта история насчет Иешуа?

— Это длинная история, и я не хочу вдаваться в подробности. Если коротко, то когда я читал Писания, то натолкнулся на некоторые места, которые не мог воспринять иначе, как говорящие о Иешуа. Сначала я думал, что это всего лишь совпадение, но позже стал замечать все больше и больше таких мест, и каждое как бы добавляло кусочек к общей мозаике. Более того, размышляя над нашей мучительной историей как историей избранного народа, я не мог больше закрывать глаза на факты. А факты говорили сами за себя и были сильнее всех моих аргументов.

— У вас были какие-нибудь видения? — заинтересовался психиатр, входивший в комиссию.

— Ну, со мной было несколько сверхъестественных случаев, которые я считаю чудесами, — ответил я. — Видите ли, Бог Библии не изменился. Он жив и здоров и продолжает действовать в наше время точно так же, как действовал в прошедшие века.

— Вы никогда не замечали за собой некоторой неуравновешенности? — спросил религиозный член комиссии. — Сначала, по вашим же словам, вы были патриотом. Потом изменили свой образ мыслей и стали радикальным анархистом. Теперь вы обратились в христианство — еще одна перемена. Как мы можем быть уверены, что вы больше не перемените настроение и, скажем, не перебежите на сторону врага?

— Тот первый случай смены убеждений был всего лишь временной причудой подростка, парня не слишком развитого и находившегося под влиянием друзей из той среды, в которой он жил. Но перед тем как прийти к вере в Иешуа, я пережил тяжелую внутреннюю борьбу. Я вполне сознавал себя евреем, выходцем из традиционной семьи *сефардов*. В детстве я обычно посещал вместе с отцом синагогу, изучал *Танах*, как каждый еврейский ребенок в нашей

стране. Меня воротило от одной мысли, что Иешуа может быть настоящим Мессией Израиля. Я отлично знал, что народ Израиля в подавляющем большинстве отверг Его тогда и продолжает отвергать сейчас. Я отлично знал и то, что происходило с нами, евреями, на протяжении последних двух тысячелетий кровавой истории. Но чтение наших еврейских Писаний, в истинность которых я верил, ставило передо мной все новые вопросы, и я должен был найти правильные ответы. Разные события, происходившие в моей жизни, показали мне, что от правды не скроешься. Сам Бог поставил передо мной выбор, и я выбрал жизнь.

— Поверьте, — продолжал я, — борьба была нелегкой, но то, что произошло со мной, не было переходом из одной религии в другую. Это даже не было переходом от одного набора догм к другому. Я приобрел новую жизнь, которую наш еврейский *Танах* обещает каждому верующему, и это неотъемлемая часть того, что Бог желает Своему народу, народу Израиля.

— А вы посоветовались с мудрыми людьми и раввинами перед тем, как выбрать веру в Иешу? — спросил меня религиозный член комиссии.

— Ну, честно говоря, нет. Я не советовался ни с кем, так как не ощущал в этом необходимости. Я не стал советоваться с раввинами, так как задолго до этого понял, что они не могут дать исчерпывающие ответы на мои вопросы — ответы, которые удовлетворили бы мою жажду истины. С тех пор мне не раз представлялся случай поговорить со многими правоверными евреями, и все они пытались убедить меня изменить свои взгляды и вернуться к общепринятому иудаизму. И надо сказать, они продолжают свои попытки и по сей день.

Но внимательно изучив их доводы, я понял, что эти аргументы не имеют никакого отношения к делу. Все они начинают с одного: что Иешуа был «преступником среди племени Израилева» или «выродком, сыном нечистоты», что Он «занимался ведовством, чтобы опутать евреев магическими заклинаниями (или святым именем Господним), которые Он вогнал себе под кожу», что Он «был повешен в Иерусалиме накануне *Песаха* и приговорен к тому, чтобы быть утопленным в кипящих экскрементах». Все эти отвратительные, тошнотворные истории сочинены религиозными фанатиками, стремившимися лишь к тому, чтобы сделать имя Иешуа ненавистным простому, непросвещенному еврею.

Но, когда еврея просят внимательно прочитать Новый Завет, являющийся единственным надежным историческим источником о жизни и служении Иешуа, он шарахается от него, как от ядовитой змеи. Еврей запрещает себе и своим собратьям читать Новый Завет и как-либо относиться — все равно, хорошо или плохо — к Иешуа.

Преданный вере иудей даже избегает называть Его настоящим именем. Он нарочно произносит это имя неправильно и называет Его сокращением *Иешу*, что означает «Да будут стерты имя его и память о нем!». А Иешуа на иврите на самом деле означает «Спасение». Но, поверьте, это несколько меня не волнует, потому что многие иудеи намеренно неправильно произносят божественное имя Господа, называя Его «Элоким» вместо «Элохим» или «Адошем» вместо «Адонай», чтобы избежать использования святого имени Божьего всуе. Так что, по-моему, это искажение имени Иешуа на самом деле — тайное признание Его божественной природы!

Евреи до смерти пугаются, когда им приходится сталкиваться с истиной, я имею в виду — с Иешуа, с Мессией. Они пытаются умолчать об истине, обойти ее, избежать всяческого разумного контакта с ней. Вот почему мне не удалось получить от правящего раввина никаких осмысленных ответов на мои вопросы.

Тогда религиозный член комиссии спросил:

— У меня сложилось впечатление, что вы испытываете большую горечь по отношению к этому правящему раввину. А что вы, собственно, о нем знаете?

— Сюда я приехал прямо из свержортодоксальной *йешивы* в Иерусалиме, где провел последние полгода. Там я весьма усердно изучал *Тору* и *Талмуд* и смог составить собственное мнение об этом. Пожалуйста, поймите меня правильно: у меня нет совершенно никаких возражений против иудаизма *Торы*. Совсем наоборот! Я горжусь своим еврейством; я родился евреем, евреем и умру. Но что меня угнетает — и все мое существо восстает против этого — это негативные явления, встречающиеся в сложившемся раввинском иудаизме. Прежде всего я протестую против злобного, враждебного отношения религиозных евреев к Иешуа и Его последователям!

Религиозный представитель в комиссии снова осыпал меня градом враждебных вопросов: «Разве вы не понимаете, что чтение этой книги привело вас к предательству вашего народа и религии? Как вы смеее даже допустить такую мысль, что все раввины ошибаются и только вы правы? Все слепы, а вы один зрячий?»

— Ну, прежде всего я отклоняю ваше обвинение в том, что эта книга привела меня к предательству моего народа и моей религии. Если бы вы прочитали ее сами, вы собственными глазами увидели бы, что в ней нет абсолютно ничего такого, что даже отдаленно напоминает призывы к предательству или измене еврейскому народу. Упаси Господи! Я пришел сюда не для того, чтобы потребовать освобождения от службы в армии, избежать исполнения долга перед родиной и уехать куда-нибудь за границу изучать Новый Завет в какой-нибудь мессианской *йешиве*. Как раз наоборот. Я пришел сюда, чтобы вступить в армию и предложить родине свою службу. Это что, предательство? Мне кажется, настоящие предатели — это те, кто злоупотребляет своей религией, чтобы избежать службы в армии, те, кто грабит и эксплуатирует нашу бедную страну, получая деньги из публичных фондов «на особые цели», да и многими другими способами!

Что же касается вашего второго вопроса, то я отвечу: да, все раввины вполне могут ошибаться. Не раз случалось, что ошибалось большинство, а немногие верные были избраны для того, чтобы показать большинству их ошибки. *Танах* приводит множество примеров, когда Бог избирал оставшихся в меньшинстве. Во дни Иеремии лишь горсточка людей решила преданно следовать за Господом. Не могу сказать, почему Бог избрал меня из всей моей семьи и всего народа Израиля, чтобы сделать меня «*светом для язычников*» (Ис. 42:6), но кто я такой, чтобы сомневаться в мудрости и выборе Господа? Я определенно не стыжусь благовествовать о Мессии.

— Благодарю вас, — внезапно прервал мой поток слов психиатр, нацарапав что-то в моем деле, лежавшем перед ним. — Вы вскоре получите мой ответ.

Я покинул контору в прекрасном настроении и с великими ожиданиями. Я понимал, что хорошо свидетельствовал о своей вере в Мессию, что продемонстрировал добрую волю и готовность служить своей стране. Понятно, почему я был так взволнован, найдя две недели спустя в своем почтовом ящике коричневый конверт из военного ведомства. Но когда я прочел несколько строк, напечатанных на белом официальном бланке, у меня в глазах потемнело.

Уважаемый Яков Дамкани,

С сожалением сообщаем вам, что медицинская комиссия, рассмотревшая ваше дело и вашу просьбу о возвращении на военную службу, пришла к выводу, что вы непригодны для службы в Армии обороны Израиля...

Я отдал это дело в руки Господа, и Он наполнил мое сердце миром. Я не мог понять, каким образом и почему эта медицинская комиссия пришла к такому заключению. Я решил, что у Бога были другие планы в отношении меня — я был Ему нужнее в Его армии. Но тогда мне было жаль, и я продолжаю жалеть по сей день, что меня лишили права

послужить родине в качестве солдата. К несчастью, ни правительство, ни армия не способны сейчас понять, какую огромную и глубокую перемену Иешуа может произвести в человеческом сердце. Если бы не моя вера, я оставался бы за границей и продолжал бы себе жить-поживать и добра наживать, как поступают многие бывшие израильтяне.

Глава 18. Опыт гонений

Поскольку армия от меня отказалась и дала освобождение «вчистую», я пошел работать садовником. По сравнению с тем, что я зарабатывал в Америке, такая жизнь была для меня возвратом к аскетизму поры моего детства. Однако меня это вполне устраивало.

Теперь, когда я достиг тридцатилетнего возраста, мои родители, естественно, ожидали, что я женюсь, заведу собственную семью и буду ежегодно радовать их сердца новым внуком. Но у меня были иные планы. Я твердо решил не тратить силы на второстепенные житейские дела, а целиком посвятить себя проповеди Благой вести. Народ Израиля должен был узнать разницу между Иешу и Иешуа, между примитивной «церковностью» так называемых христиан, которые взяли у христианства лишь внешнюю форму, и настоящей мессианской верой, твердо придерживающейся Нового и окончательного Завета Господня.

Я обзавелся пикапом, инвентарем садовника и нашел заказы. Дважды в неделю я наводил порядок на садовых участках в Холоне и Рамат-Хашароне, что обеспечивало мне прожиточный минимум. Все мои братья и сестры, за исключением одного, к тому времени успешно закончили учебу и оставили родительский дом. В нем остались только мать с отцом, сестра, работавшая воспитателем в детском саду, и я. Как и в четырнадцатилетнем возрасте, каждую неделю я приносил матери деньги — свой вклад в семейный котел.

Несмотря на мое столь длительное отсутствие, дома почти все шло по-прежнему. Матери было около шестидесяти, выглядела она на все восемьдесят, но у нее все еще хватало сил вести домашнее хозяйство. Отец оставил работу на строительстве и служил в армейском универмаге.

Большинство моих старых приятелей переженились и обзавелись собственными детьми. Со многими из них я пытался говорить о Мессии, и меня огорчало, как беззаботно они продолжали тонуть, отказываясь принять протянутую руку Божественного Спасителя! Ведь все эти старые друзья так или иначе участвовали в формировании моей личности — кто лучших, а кто и худших ее сторон. Позже Господь перековал, очистил и усовершенствовал меня и с тех пор использует в Своих целях.

В нашем квартале выросло новое поколение шпаны. За исключением нескольких новых вилл, поднявшихся там и сям, все осталось по-прежнему. Я обновил старую протекавшую черепичную крышу родительского дома и стал потихоньку вращаться в повседневную жизнь Израиля.

К своему удивлению, я обнаружил, что в Израиле есть мессианские верующие. Возникло довольно много мессианских общин. Мессианская община — это группа людей, объединенных одним существенным признаком: они верят как в *Танах*, так и в Новый Завет как в истинное Слово Божье. В мессианском сообществе есть евреи, которые до своего спасения были религиозными, другие были традиционалистами, третьи — даже атеистами. Есть среди них и неевреи. Среди них — арабские верующие, выросшие в исламе или традиционном христианстве (римско-католическом или греческо-православном); новообращенные (прозелиты), ранее бывшие номинальными христианами; есть и такие, чьи верования раньше коренились в восточном буддизме или индуизме. Других Господь спас из тесных объятий Свидетелей Иеговы, а иные прежде были социалистами или коммунистами.

На собраниях мессианской общины может присутствовать любой. Ее двери открыты для всех, но членами становятся лишь те, кто покаяться и приняли прощение Господа за свои грехи, предложенное Богом через Иешуа Мессию, согласно Священному Писанию. Не имеет значения, кем был этот человек до своего спасения или к какой религии он принадлежал от рождения. Главное — это то, что в определенный момент своей жизни он пришел к пониманию, что Бог Израиля обещал всем людям новое сердце и новый дух через веру в Иешуа. Такой человек может искренне сказать, что получил прощение от Господа и был рожден заново. Никто не может заставить принять эту веру, как никто не может купить или продать ее за все золото и серебро мира.

Сейчас в Израиле не менее сорока пяти мессианских общин, и число верующих постоянно растет. Все больше израильтян приходит к пониманию того, что Иешуа — истинный Мессия. Бог все еще продолжает призывать и народ Израиля, и все человечество принять прощение, которое Он предлагает через Мессию, раскаяться и обратиться к Нему. Постепенное раскрытие Господом Его замыслов народу Израиля достигло высшей кульминации в первом пришествии Иешуа. Но это не означает, что с тех пор Бог самоустранился. Через мессианских верующих Он призывает к Себе сегодня и евреев, и неевреев.

Никогда не забуду, какой шум подняли религиозные евреи, протестуя против деятельности одной из наших общин. Сотни разгневанных ортодоксов из студентов *йешивы* в одно субботнее утро устроили демонстрацию перед входом в зал, где проходили встречи общины. Затем несколько десятков демонстрантов вломилась в зал и побросали на пол Библии и песенники. В их глазах горела страстная ненависть. «Фашисты! Фашисты! — гневно кричали они. — Фашисты жгли наши тела, а вы пришли сюда, чтобы сжечь наши души! Миссионеры! Предатели! Обращенные!»

Этот бунт был поистине ужасающим. Только после длительной борьбы полиция смогла вытеснить «стражей Господних», как они себя называли, из нашего помещения и установить вокруг него охрану. В тот день Бог позволил нам полнее отождествить себя с Иешуа и в какой-то степени разделить преследования, которым Он подвергался ради нас. Мы пели хвалу Господу, слушали проповедь Слова Божьего, молились за наших гонителей и благословляли тех, кто ненавидел и проклинал нас. Для всех это было нелегким переживанием, но теперь я знал, видел собственными глазами и заново понимал, что может сделать живой Мессия в душах Своих детей и через них. Как бы мне хотелось, чтобы раввин этой *йешивы*, который раздувал огонь ненависти, мог заглянуть тогда мне в душу и испытать силу Мессии, живущего в моем сердце!

Город был наполнен враждебными лозунгами и плакатами, демонстрации становились все более организованными, ежедневно происходило что-то новое. Казалось, преследованиям не будет конца. Волна ненависти достигла того, что на одного из нас было совершено покушение. Религиозные евреи оказали давление на владельца здания, в котором мы собирались, и заставили его отказать нам в продлении аренды. Будучи тогда «новичком» в стране, я не сразу смог оценить силу того религиозного давления, которое оказывалось на мэра города. Но с тех пор все мы не раз могли убедиться в широких возможностях этого шумного меньшинства.

Без здания мы в конце концов могли обойтись и начали устраивать встречи под открытым небом в садах и парках, собирались в домах членов общины. Наша любовь к Богу и друг другу продолжала возрастать.

Этот инцидент был лишь одним из многих. Другие общины тоже пострадали от преследований. На одной из молитвенных встреч общины «Пениэль» в Тиверии я видел, как в зал, где проходила встреча, бросали камни, и это в субботу! Окна были разбиты, и только чудом никто не пострадал. В Иерусалиме был сожжен дотла зал собраний мессианской общины около церкви на улице Наркис. И это лишь немногие примеры тех ярких гонений, которым свехортодоксальные евреи осмеливались подвергать других евреев.

Религиозное насилие в Израиле возрастает и по сей день. Теперь оно затрагивает не только мессианских верующих, но и равнодушных к религии евреев, членов *киббуцев* и даже тех религиозных евреев, быт которых чем-то отличается от уклада ортодоксов. Пора бы Мудрецам *Торы* (старейшинам *сефардского* сообщества) встретиться с Великими *Торы* (старейшинами евреев-*ашкенази*) и вместе обсудить учение раввина Гамалиила, жившего в первом веке, который изрек о мессианских евреях следующее:

- 35 *...а им сказал: мужи Израильские! подумайте сами с собою о людях сих, что вам с ними делать.*
38 *И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится,*
39 *а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками.*

(Деян. 5:35,38,39)

В те дни возмущений и беспорядков, когда вся пресса говорила о нас как о некоей мистической секте, я не мог не думать о гонениях, которым были подвергнуты ученики Иешуа две тысячи лет назад. После распятия Учителя Его уstraшенные ученики спрятались в Иерусалиме за закрытыми дверями. Они чувствовали себя опустошенными, отчаявшимися, разочарованными в Иешуа. Как известно, Иешуа был казнен накануне *Песаха*, и все надежды Его учеников на скорое военное и политическое освобождение Израиля исчезли. Но всего через три дня, в точности как Он обещал, Иешуа воскрес из мертвых. В те дни, прошедшие между Его воскресением и вознесением обратно на Небеса, Он неоднократно являлся Своим ученикам. В их присутствии Он принимал пищу, позволял им касаться Своего тела и дал им такое повеление:

- 4 *И, собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня,*
5 *ибо Иоанн крестил водою, а вы, чрез несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым.*

(Деян. 1:4,5)

Иешуа был распят накануне *Песаха*, и это привело Его последователей в отчаяние. Но на праздник *Шавуот* (Пятидесятницу) все переменялось: обетование Отца было выполнено, ученики исполнились Святого Духа, свыше им были посланы мужество и сила. Например, всего за несколько часов до распятия Мессии Петр трижды отрекся от своего Господа из страха перед противниками, особенно перед высшими священниками Синедриона (см. Ин. 18:15—27). А на Пятидесятницу тот же самый галилейский рыбак в присутствии других учеников и всех еврейских паломников, собравшихся в тот день в Иерусалиме, встал и произнес мощную проповедь (см. Деян. 2:5,14—40), в которой ясно доказал им, что все происходит точно так, как было обещано в Писаниях. Иешуа должен был умереть, чтобы оплатить наши долги и освободить нас от гнета греха.

В результате проповеди Петра три тысячи иудеев приняли Иешуа, и возникла первая мессианская община. Тогда эта община находилась полностью в русле официального иудаизма. Многие евреи верили в Иешуа, и религиозные вожди общества начали беспокоиться о прочности своей власти.

Тогда между Господней истиной и созданной человеком религией началась война не на жизнь, а на смерть. По сути, это был новый этап вечной борьбы между Богом и силами тьмы. Эта война, начавшаяся еще в Эдемском саду, теперь переместилась на землю. Подобно древнему конфликту между Господним пророком Самуилом и развращенными сыновьями первосвященника Или, описанному в *Танахе*, та же война теперь шла в Иерусалиме между верующими в Иешуа, которых Бог исполнил Своим Духом, и консервативными религиозными вождями общества, цеплявшимися за самопровозглашенную власть.

Тот же самый Святой Дух, исполнивший первых учеников Иешуа божественной силой и позволивший им стойко переносить самые жестокие гонения, действует и сейчас. Дух Божий дарует каждому верующему и каждой истинной мессианской общине силы, необходимые для свершения дел, угодных Господу, для стремления к праведности и истине из горячей любви к Нему и к людям. Видя демонстрации и буйства, направленные против нашей общины, я чувствовал желание выбежать и громко крикнуть этим молодым горлопанам, что им не удастся остановить работу Духа, начавшего трудиться в сердцах человеческих тысячи лет назад. Мне вспоминаются слова Петра, сказанные в тот давний день Пятидесятницы:

- 22 Мужи Израильские! выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от
Бога силами и чудесами и знаменами, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете,
23 Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками
беззаконных, убили;
24 но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти: потому что ей невозможно было удержать Его.
25 Ибо Давид говорит о Нем: «видел я пред собою Господа всегда; ибо Он одесную меня, дабы я не
поколебался.
26 Оттого возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя упокоится в уповании;
27 ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тления.
28 Ты дал мне познать путь жизни, Ты исполнишь меня радостью пред лицом Твоим. (см. также Пс. 15:8—
11)
29 Мужи братия! да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и
погребен, и гроб его у нас до сего дня.
30 Будучи же пророком и зная, что Бог с клятвой обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во
плоти и посадить на престоле его. (см. также 2Цар. 7:12; Пс. 131:11)
31 он прежде сказал о воскресении Христа, что не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела
тления. (см. также Пс. 15:10)
32 Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели.
33 Итак Он, быв вознесен десницею Божиею и приняв от Отца обетование Святого Духа, излил то, что
вы ныне видите и слышите.
34 Ибо Давид не восшел на небеса; но сам говорит: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня,
35 доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих. (см. также Пс. 109:1)
36 Итак, твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы
распяли.

Про себя я спрашивал: «А могли бы ученики этого современного раввина тоже раскаяться и креститься, если бы они сегодня услышали речь Петра?» В одном я был уверен: чем сильнее преследования, тем более возрастают сила и любовь в членах мессианской общины.

Но, критикуя современных религиозных вождей общества, я вовсе не забываю об их огромном вкладе в формирование еврейской традиции на протяжении двух тысяч лет нашего рассеяния. Бог прекрасно знал, что требовалось нам в те времена, когда мы были изгнаны с родной земли и жили диаспорами¹, и точно так же Он знает, что лучше для нас сейчас. Теперь, когда евреи возвращаются домой, к Сиону, после того как Евангелие было проповедано всем язычникам по всему земному шару, круг времен замыкается. Бог показал нам, что *«все мы блуждали как овцы»* (Ис. 53:6) — и евреи, и язычники — и что всем нам равно требуется Его милость: *«Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать»* (Рим. 11:32). Что же касается евреев, всем нам надо постоянно помнить следующее: *«Ибо если отвержение их — примирение мира, то что будет принятие, как не жизнь из мертвых?»* (Рим. 11:15).

¹ Диаспора — люди одной национальности, живущие вне своей исторической родины. — *Прим. ред.*

Не хочу, чтобы у читателей создалось впечатление, будто каждую субботу мессианских верующих в Израиле забрасывают камнями. Не намерен я также изображать правоверных евреев злобными чудовищами. Я рассказал обо всем этом ради полноты картины, только для того, чтобы у вас, дорогой читатель, не было недопонимания, когда ваши собственные глаза откроются милостью Божьей для Его Истины, когда вы решитесь последовать за Иешуа. Не хочу внушить вам представление, будто, когда вы примете Мессию, ваша жизнь станет сплошным розовым садом. Сам Иешуа предсказывал, что те, кто следует за Ним и стремится к Господу, будут подвергаться гонениям (см. Ин. 15:20 и 2 Тим. 3:12).

В то время усилилось давление на меня со стороны семьи. Они просто не могли понять, почему я не пытаюсь больше работать и больше зарабатывать, чтобы купить себе дом, жениться на красавице-еврейке и жить, как всякий приличный, «культурный» человек. Я не мог избавиться от ощущения, что и моя семья, и старые друзья, жившие по соседству, предпочли бы прежнего Якова, который гонялся за юбками и за звонкой монетой, а не этого нового, благовестника Мессии!

Я начал печатать брошюры, основанные на пророчествах *Танаха*, и регулярно выходить на улицы, чтобы раздавать листовки. Проповедуя Евангелие без страха и лицепрятия, я понял, что это необходимо для спасения еврейского народа и для славы Господней. Где бы я ни был, с кем бы ни встречался, моим главным желанием было возвеличить и прославить Иешуа, тот *«Камень, который отвергли строители, [и Который] соделался главою угла»* (Пс. 117:22). Если мы, верующие, будем неуклонно проповедовать Евангелие, то увидим, как возродится разрушенная скиния Давидова.

Родители заметили, что я провожу большую часть своего свободного времени в чтении Писания и в молитве или занимаюсь домашним хозяйством. Постепенно их сердца смягчились. Они начали понимать, что я не перешел в другую веру, а просто стал истинным иудеем. Через какое-то время отец с матерью начали вместе читать Новый Завет на персидском языке, который я им подарил. И тогда я понял, что все, перенесенное мною ради распространения Евангелия, было не напрасно.

Глава 19. От Иосифа к Иосифу

Однажды, с подлинным наслаждением рассказывая об Иешуа каждому встречному, который соглашался меня слушать, я познакомился с Иосифом. Он происходил из неверующей семьи и, как многие светские *сабры*, считал *Танах* просто историческим документом, описывающим древнюю историю народа Израиля. Он знал кое-что и о современной научной критике *Танаха*, не желал принимать слова буквально, как они написаны. Ему нравилось громогласно оспаривать чуть ли не все, что я ему говорил, и я уверен, что нашим оживленным дискуссиям могла внимать вся округа.

— Вы меня не убедите, — восклицал он со страстью, — что этот ваш Иешуа упоминается в *Танахе*! Это всего лишь выдумка христиан, которые считают наш *Танах* христианским аллегорическим текстом. *Танах* — чисто еврейская книга, совершенно свободная от христианских учений!

— Конечно, это еврейская книга, — отвечал я. — Каждый язычник, который хочет быть спасенным, должен принять эту еврейскую книгу и еврейского Мессию, о котором она пророчествует. Разве я не говорил вам, что не отрекался от иудаизма и не намерен от него отделиться? Я всегда полагал, что нет ничего нелепее представления о том, что для того, чтобы верить в еврейского Мессию Израиля, еврей должен обратиться в христианство! Напротив, это язычники, решившие последовать за Иешуа, принимают *Тору*, чисто еврейскую книгу.

Иосиф явно представлял себе христианство по всему тому, что видел и слышал: церковные облачения, кресты, органная музыка. Он не знал Иешуа, не знал и Нового Завета — единственное средство спасения как евреев, так и всего человечества было ему неизвестно.

— Ну-ну, — отвечал он. — Вы хотите сказать, что эти христиане, поклоняющиеся своим идолам в разукрашенных соборах под звуки органа, на самом деле — евреи, верующие в иудейскую религию? Если так, то должен сделать вывод, что у вас нет ни малейшего представления о том, что значит быть евреем, да и о том, что такое христианство. Эти две религии так далеки одна от другой, что никакой мост нельзя перекинуть через пропасть, лежащую между ними!

— И здесь я с вами согласен, Иосиф. Эти две религии не только совершенно отличны одна от другой, но и страстно ненавидят одна другую и готовы сражаться между собой до конца. По самой своей природе каждая религия враждебна к своим соперницам, потому что каждая считает себя единственной хранительницей Божественных пророчаний. Но я не обсуждаю с вами ни иудаизм, ни христианство. Иешуа не для того сошел с небес, не для того прошел Свой крестный путь, чтобы познакомить нас с новой религией, которая в дальнейшем восстанет против старой, ее породившей! Сам Иешуа осуждал религиозные ритуалы, лишённые всяческого внутреннего содержания, как еврейские, так и нееврейские. Вместо этого он учил, что Бог — это Дух, и те, кто действительно поклоняются Господу, должны делать это в духе и истине (Ин. 4:23,24).

— Скажите, — Иосиф внезапно переменял тему, — а вы надеваете *тефиллин* (или *филактерии*)? Вы соблюдаете Субботу? Вообще, вы — настоящий еврей?

— Позвольте мне ответить на ваш вопрос по-еврейски — встречным вопросом. А вы сами это делаете? Нет, не делаете, но вы же при этом не перестаете считать себя евреем, не так ли? Вы — еврей, так как родились от матери-еврейки, не правда ли? И моя мать — еврейка. Понимаете? Еврейские ритуалы не делают нас евреями или неевреями, и от нашего культурного наследия, полученного от рождения, это тоже не зависит. Нас с вами обрезали, когда нам исполнилось по восемь дней, задолго до того, как мы были способны соблюдать хотя бы одну из заповедей. При обрезании нас никто не спрашивал, веруем ли мы в еврейскую религию, не так ли?

— Вы мне недавно сказали, что в *Танахе* говорится об Иешуа, — Иосиф опять переменял тему. — А можете показать, где? Только, пожалуйста, не начинайте с 53-й главы Книги пророка Исаии.

— Что ж, признаюсь, я действительно хотел начать с этого крайне важного пророчества, но, если вам так хочется, поговорим о чем-нибудь другом. Вы, должно быть, знаете историю Иосифа, сына Иакова и Рахили?

— Разумеется! Иосиф — мой любимый персонаж из *Торы*. Моих родителей зовут Иаков и Рахиль, потому меня и назвали Иосифом.

— Тогда давайте вспомним историю Иосифа, и я уверен, что вы услышите кое-что, что вас крайне удивит, — предложил я не без задора:

— Иосиф был возлюбленным сыном Иакова и его любимой жены Рахили, он родился, когда Иаков был уже в преклонных годах. Иаков любил этого сына больше всех других своих сыновей и сделал для него разноцветную одежду. Другими словами, он ставил этого юношу выше всех его старших братьев, которые, естественно, заметили это особое отношение и возненавидели своего брата. Отец Иешуа тоже называл Его «Сын Мой Возлюбленный» (Мф. 3:17). И Его тоже ненавидели Его еврейские братья, и до сих пор ненавидят.

— О, но это же простое совпадение! — рассмеялся Иосиф. — Это ничего не значит.

Я тоже рассмеялся.

Однако любопытство Иосифа было разбужено, и на какое-то время он перестал мне возражать. Я воспользовался этим, чтобы продолжить:

— Иосиф был известен как сновидец. Его пророческие сны раскрывали евреям (его братьям) и язычникам (фараону и его слугам), что произойдет с ними в будущем. Иешуа тоже был пророком, предсказавшим Своему колену грядущие события.

Иаков, отец Иосифа, послал его к братьям с пожеланием мира. Хотя Иосиф прекрасно осознавал, что братья относятся к нему враждебно, он тем не менее повиновался отцу и выполнил его поручение. Новый Завет сообщает нам, что Бог-Отец послал Своего возлюбленного Сына Иешуа в этот мир спасти Его народ — евреев. Иешуа знал, чем кончится это пришествие, что Его выдадут язычникам на распятие, но Он тем не менее повиновался Своему Небесному Отцу, причем охотно и с любовью.

Братья Иосифа воспользовались представившейся им возможностью и решили его убить, но в конце концов передумали и вместо этого продали его в рабство язычникам-мадианитянам за двадцать сребреников (см. Быт. 37:28). Вожди евреев тоже мечтали убить Иешуа, и когда один из Его учеников предал Его за тридцать сребреников, вожди отдали Его в руки римлян.

Братья Иосифа сорвали с него одежду, символизировавшую власть и превосходство, и бросили его в яму. Перед распятием с Иешуа тоже сорвали всю Его одежду, а позже Он был похоронен в яме, в гробнице.

— Гм, занятно! — Иосиф явно заинтересовался. — Я как-то никогда не пробовал взглянуть на все это с такой точки зрения.

— Погодите, вы еще ничего не видели! — пообещал я. — Вскоре после прибытия в Египет Иосифу предстояло серьезное испытание, и он выдержал его с честью. Писание говорит нам, что в начале Своего публичного служения Иешуа был серьезно искушаем сатаной, но Он преодолел все искушения и не согрешил.

Жена Потифара разгневалась на Иосифа за то, что тот отверг ее. Она отомстила ему, возведя на него ложное обвинение, хотя он не был ни в чем виноват. Иешуа тоже был безвинно наказан за наши грехи, которых Он Сам никогда не совершал.

Иосиф провел свыше двух лет в темнице, но потом был оправдан и поставлен фараоном на вторую в стране верховную должность. Иешуа провел в могиле две ночи и три дня, пока Господь не вознес Его во власть и великую славу.

Иосиф был назначен вторым после фараона властителем Египта. Иешуа был назначен Царем над всеми народами, и сейчас Он сидит на троне по правую руку от Господа на Небесах, как написано: *«Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих»* (Пс. 109:1).

Иосиф был назначен начальником над хлебными запасами, он распределял хлеб не только египтянам, но и жителям всех стран, пострадавших от голода. И Иешуа, как *«хлеб жизни»* (см. Ин. 6:48), питает весь мир Своей милостью и милосердной любовью.

Братья Иосифа пришли в Египет, чтобы купить немного пищи, так как в Ханаане свирепствовал голод, и в конце концов они предстали перед Иосифом и получили от него хлеб. Дети Израиля сегодня страдают от духовного голода; те же из них, кто приходит к Иешуа, получают от Него Хлеб Жизни.

Иосиф узнал своих братьев, а они его не узнали. Иешуа очень хорошо знает весь Свой еврейский народ, хотя их глаза все еще слепы и они не могут видеть Его.

Братья Иосифа приняли его за египтянина и разговаривали с ним через переводчика. Еврейский народ продолжает относиться к Иешуа так, словно Он — язычник, отказывается называть Его настоящим еврейским именем и не хочет признавать Его своим Братом.

Иосиф сурово обходился со своими братьями, пока не удостоверился, к своему полному удовлетворению, что они всем сердцем раскаялись. Иешуа все еще ждет, чтобы Его семья признала свой грех против Него и перестала винить Его в своих несчастьях.

Иосиф открылся своим братьям и сказал им: *«...я — Иосиф, брат ваш, которого вы продали в Египет»* (Быт. 45:4). И Иешуа скоро откроет Свое лицо детям дома Давидова, излив на них Дух милости и молитвенного смирения. Тогда они воззрят на Того, *«Которого пронзили»* (Зах. 12:10), и осознают, что продали своего Брата по плоти и крови язычникам.

Иосиф сказал своим братьям, чтобы они не печалились и не жалели о том, что продали его, потому что Бог отдал его в их руки, чтобы сохранить жизнь им и многим другим людям (см. Быт. 45:5). Он сказал им: *«Вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы... сохранить жизнь великому числу людей»* (Быт. 50:20). Точно так же дети Израиля не понимали, что делают, когда выдавали Иешуа римлянам на казнь. Но даже на кресте Иешуа воскликнул: *«Отче! прости им, ибо не знают, что делают»* (Лк. 23:34). Бог обратил это в добро и использовал отвержение Иешуа евреями для того, чтобы спасти язычников.

Иосиф пригласил своих братьев прийти и жить в земле Гесем, чтобы спастись от голода. Иешуа тоже приготовил место в Своем Царстве для Своего народа — евреев.

Слушавший меня Иосиф закрыл глаза и задумался. Я понял, что он озадачен. Помолчав, он сказал:

— Это действительно интересно. Я много раз читал историю Иосифа, но никогда не замечал этого удивительного сходства его жизни с жизнью Иешуа. Теперь мне трудно отмахнуться от этого сходства как от простого совпадения. Если бы совпали одна или две детали, это было бы понятно, но в вашем изложении похоже, что вся история Иосифа и его братьев не что иное, как отражение взаимоотношений Иешуа с Его еврейским народом.

Тут в комнату вошла моя мать, неся поднос с двумя стаканами горячего мятного чая и тарелкой печенья. Наш разговор явно подошел к концу. Мы спустились с небес на землю. Поговорив еще немного о том, о сем, Иосиф ушел, и больше мы с ним не встречались.

Потом я молился за него и просил, чтобы Господь взял его в Свои надежные руки. *Танах* гласит, что Слово Господне, которое мы говорим другим людям, не будет тщетным и наверняка достигнет цели, ради которой было изречено.

- 6 *Ищите Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко.*
- 7 *Да оставит нечестивый путь свой и беззаконник — помыслы свои, и да обратится к Господу, и Он помилует его, и к Богу нашему, ибо Он многомилостив.*
- 8 *Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь.*
- 9 *Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших.*
- 10 *Как дождь и снег нисходит с неба и туда не возвращается, но напояет землю, и делает ее способною рождать и произращать, чтоб она давала семя тому, кто сеет, и хлеб тому, кто ест,*
- 11 *так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, — оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его.*

(Ис. 55:6—11)

Верю, что придет день, когда и Иосиф познает Иешуа. Народ Израиля — Богом избранный народ, понимает он это или нет. Евреи остаются богоизбранным народом, даже если отказываются или не могут справиться с задачей, для которой избраны. Наверняка придет день, когда Иешуа откроется Своему народу. Тогда они примут Его с раскаянием и угрызениями совести: *«В тот день откроется источник дому Давидову и жителям Иерусалима для омытия греха и нечистоты»* (Зах. 13:1). Это будет день, о котором говорит Павел:

- 26 *и так весь Израиль спасется, как написано: Придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова.*
- 27 *И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их.*

(Рим. 11:26,27)

Что за славный и благословенный день ожидает нас! Именно в предвидении этого чудного дня Господь призвал и продолжает призывать Свой народ стать царством священников и святым народом, не замыкаться в себе, не тратить время на бесцельные раскопки останков прошлого, а быть светом, сияющим для всего мира, чтобы земля была *«наполнена ведением Господа, как воды наполняют море»* (Ис. 11:9). Молю Господа, чтобы многие из детей Израилевых пожелали стать верными Господу и служить Мессии до того, как Он придет с громовым рыком, как Лев Иуды, *«судить живых и мертвых»* (2Тим. 4:1). Приди же скорее, Господь Иешуа!

Глава 20. Мой народ — это твой народ, и твой Бог — это мой Бог

Последние два тысячелетия еврейской истории наполнены леденящими душу рассказами о зверствах, которые творились над еврейским народом так называемыми христианами и другими ненавистниками евреев. Это началось с официальным принятием христианства, когда учение Христа стало укореняться и распространяться среди языческих народов. До этого народы не имели никаких монотеистических концепций¹, не имели они и представления о том, кто такой Бог Израиля и Его Мессия.

¹ Монотеизм — поклонение одному (единому) Богу, в отличие от политеизма — поклонения множеству различных богов, что Библия относит к категории идолопоклонства. — *Прим. пер.*

В Новом Завете, в книге Деяний святых апостолов (гл. 10,11), мы читаем, что Иешуа посредством видения велел Симону-Петру идти в Кесарию и проповедовать Евангелие язычникам. Петру было нелегко поверить, что он понял Господа правильно и что такова действительно воля Божья. Он не мог и помыслить о том, чтобы войти в дом язычника, да еще римлянина, и принимать вместе с ними пищу. Позже остальные апостолы сурово упрекали его за то, что он осмелился принести Божью Благуя весть о спасении необрезанным язычникам. Насколько же все изменилось в наши дни, когда христиане-неевреи удивляются каждому еврею, нашедшему свой путь к Мессии!

Роковой исторической ошибкой еврейского народа было то, что мы пытались как бы монополизировать Бога, думая, что Он принадлежит только нам. Позже многие неевреи повторили ту же ошибку, когда они своей верой принимали Мессию Израиля, но пытались, осознанно или неосознанно, отделить нас от Него и лишить Иешуа принадлежности к еврейству. Поступая так, неевреи помогали усугубить раскол, возникший уже на ранней стадии между раввинским и мессианским иудаизмом.

Кроме того, многие из язычников-идолопоклонников приняли лишь внешние ритуалы того, что они считали новой религией, часто встраивая христианство в свои прежние языческие ритуалы, что привело к весьма странному результату. Например, почитание святых в Римско-католической церкви — не что иное, как почитание древнегреческих и древнеримских языческих богов, прикрытых «христианскими» одеяниями. Так, римская богиня Венера стала Девой Марией, другие языческие боги стали апостолами, святыми, ангелами и покровителями. Их статуи были помещены в соборы, чтобы им могли поклоняться неграмотные толпы, поощряемые к тому священниками и епископами. Каждому так называемому святому был выделен особый день в церковном календаре, и этот день отмечала вся церковь. Подобным же образом возникли традиции, связанные с Рождеством и Пасхой, — они почти не имеют под собой основы в Священном Писании.

Отношение некоторых отцов церкви к евреям было возмутительным. Они называли евреев «детьми сатаны», «христоубийцами», «ненавистниками всего доброго». Священники призывали к массовым убийствам евреев, чтобы «умилостивить разгневанного Бога и умиротворить святых» (выражения, заимствованные из обихода язычников). Понятно, что при таких обстоятельствах и в такой атмосфере христианство стремилось как можно скорее отделиться от иудаизма. Неудивительно и то, что стремление было взаимным.

Так прошло более пятнадцати веков ненависти христиан к евреям. Даже Реформация, произошедшая в XVI веке, не привела к существенному улучшению ситуации. Имена великих реформаторов, включая Мартина Лютера, в еврейском сообществе ассоциировались с грубыми антисемитскими высказываниями этих христианских лидеров. Многие из протестантских церквей унаследовали от католиков враждебное отношение к евреям. Правда, протестанты всегда утверждали, что в вопросах теологии для них единственным авторитетом является Библия, и очистили христианство от многих чужеродных его сути примесей. Тем не менее протестанты все же старались держаться подальше от евреев, так как, подобно своим предшественникам-католикам, верили, что Бог оставил свой древний народ

и избрал вместо него другой — христианскую Церковь. Эта известная ересь под названием «теология замещения» провозглашает, что после заключения нового завета с Иисусом Христом Церковь унаследовала все благословения, обещанные евреям в *Танахе*, так как она верна Господу и повинуется Ему, а на долю непокорных евреев выпали одни лишь проклятия Закона.

Даже некоторые из тех христиан, кто понимал Божью истину так, как она изложена в Писании, не хотели признать, что евреи остаются избранным Божиим народом хотя бы потому, что Бог обещал быть верным Своему древнему завету с патриархами Израиля. Эти христиане были достаточно честны, чтобы признать, что когда-то в будущем евреев все же ожидает славная судьба и они будут играть важную роль в Царстве Господнем, но только в том случае и тогда, когда все обратятся в христианство.

Без сомнения, во всех этих ложных учениях много высокомерия и предрассудков со стороны неевреев-христиан, которые считают себя более праведными, более верными и более послушными Богу, чем заблудшие евреи. Понятно, что это чувство превосходства не находит никаких оснований ни в Библии, ни в исторической реальности.

Кстати, для примера вспомню Тануса, молодого араба-католика, с которым я познакомился в Яффе. Разговоры, которые мы с ним вели, могли бы показаться смешными, если бы это не было так печально. Однажды я был у него дома. Все стены были увешаны «священными» изображениями Мадонны с ребенком Иисусом на руках, Святого Георгия, сражающегося с драконом, висела здесь и репродукция «Тайной вечери» Леонардо да Винчи и серебряное распятие (изображение Христа на кресте). Я не мог не вспомнить религиозных евреев, завешивающих стены портретами раввинов и еврейских святых. Под подушкой в своей постели Танус держал маленький крест как амулет против «сглаза» и на счастье, точно так же, как суеверные евреи держат амулеты в своих домах. На полке в комнате лежал пыльный Новый Завет, явно редко открываемый.

Когда я заговорил с ним о Мессии, Танус упорно настаивал, что евреи должны обратиться в христианство, чтобы спастись. Я спросил его, что конкретно он понимает под терминами «обратиться в христианство» и «спасение». (Ведь люди могут использовать одни и те же слова, вкладывая в них совершенно различный смысл, так что я хотел удостовериться, что мы правильно понимаем друг друга.) Для него слова «обратиться» и «спастись» были синонимами; оба термина означали присоединиться к Римско-католической церкви — другими словами, стать хорошим католиком, принять крещение от священника, регулярно посещать церковные мессы и участвовать во всех католических ритуалах.

— Вы действительно думаете, что еврей должен стать христианином, чтобы спастись? — спросил я. — Ведь Иешуа был евреем, не так ли? Можете ли вы, Танус, объяснить мне, почему еврей должен сменить свою религию и «обратиться», чтобы принять своего еврейского Мессию?

— Да, Иисус Христос действительно родился евреем, — согласился он. — Но Он стал христианином, когда Его крестили в реке Иордан.

— Скажите, а что это за крест висит у вас на шее? Почему вы его носите?

— Глупый вопрос! Я христианин, а крест — символ моей религии.

— А вы знаете, что если человек носит крест на своей шее только как украшение, вместо того, чтобы ежедневно нести его по жизни, распиная собственные плотские желания и похоть, как велел Иисус, то крест принесет ему смерть, а не жизнь?

— Боже упаси! — Танус торопливо сотворил крестное знамение по католическому обычаю. — Я просто ношу крест, как носили его мои родители, как носит мой священник. Все христиане носят крест, не особенно размышляя над этим. И вообще, почему это вы, еврей, заинтересовались нашим христианским крестом?

— Этот вопрос, Танус, мне задают и многие евреи. Они тоже не могут понять, почему я, еврей, верю в Иешуа, Человека, Который был распят на кресте и умер позорной смертью. И они были бы правы, если бы Иешуа так и остался в могиле. Но вы помните, что случилось на третий день?

— Конечно — Он воскрес из мертвых! — словно хвастаясь своими знаниями, ответил Танус.

— И что это значит для вас? — спросил я. — Уверены ли вы, что вам обеспечена вечная жизнь, поскольку в Вас живет Иешуа, восставший из мертвых? Вы действительно пережили новое рождение?

— Конечно! Меня же крестили в церкви.

— Нет, Танус, я спрашиваю, родились ли вы заново или нет? Верите ли, что смерть и воскресение Иешуа — ваши собственные смерть и воскресение и что лишь Он Один — не церковь, не священник и даже не сам Папа Римский — может спасти вас и даровать полное прощение грехов?

Танус явно испытывал замешательство и смущение. Он не мог понять, чем являются сказанные мною слова — чистой ересью или истиной живого Бога.

— Наш священник никогда не говорил с нами об этом, — наконец признался он. — Мы в такое не верим. В такое верят муджадедины (по-арабски «заново рожденные»).

— Возможно, так вас учит церковь, но что об этом говорит Бог? Вы когда-нибудь читали Новый Завет? — спросил я.

— Нет, священник не позволяет нам самим читать Новый Завет. Он говорит, что религия — дело богословов, и что только тот, кто учился в богословской семинарии, может правильно понимать Евангелие. Каждое воскресенье он объясняет нам, что там написано, и даже читает нам отрывки из Нового Завета на латыни.

— Так вы, наверное, очень хорошо знаете латынь? Вы понимаете, что читает священник?

— Ну, сказать по правде, нет. Видите ли, я не такой уж религиозный человек. Я хожу на мессы только по праздникам, а с тех пор как похоронил мать, не бываю на мессах даже на Рождество и Пасху. Я не очень-то религиозен, я простой, обыкновенный человек.

— Вы хотите сказать, что даже по своим собственным меркам вы не на высоте? В таком случае, как вы можете быть уверены, куда попадете после смерти?

— Этого никто не может знать, — задумчиво сказал Танус. — Если человек ведет праведную жизнь, ежедневно молится, если он крещен и регулярно посещает мессы, то у него есть шансы попасть на Небо, и может быть, церковь даже канонизирует его как святого через много лет после его смерти. А если он дурной человек, то наверняка попадет в ад. Ну а если он и не праведник, и не злодей, то наверняка попадет в чистилище. (Католики верят, хотя нигде в Писании об этом не сказано, что существует чистилище — особое место временного пребывания, где души умерших очищаются, пока не станут достойными рая.)

— А вы знаете, Танус, что говорится в Новом Завете о новом рождении?

Танус не знал, и я воспользовался этим обстоятельством, чтобы объяснить ему Благоую весть о Господнем спасении через Иешуа, Мессию. Как это ни грустно, но предрассудки, упрямство и укоренившиеся психологические барьеры помешали ему отдать свою жизнь Иешуа и принять Его в качестве Господина своей жизни. Могу только соболезновать ему — ведь такая живая взаимосвязь с Богом могла бы устранить немало проблем в его жизни. Оказалось, что номинальному христианину не менее трудно, чем еврею, войти в Царство Небесное. Оба должны сперва всем сердцем принять господство Иешуа над собой и Его власть над своей жизнью.

В одном из полетов за границу моими соседями оказались израильский бизнесмен и францисканский монах, облаченный в толстую коричневую рясу. Я так хорошо помню этот случай потому, что из любви к моему народу и повинуюсь Писанию, которое учит проповедовать Евангелие *«во-первых Иудею»* (Рим.1:16), я заговорил с израильтянином и рассказал ему о Мессии. Мне почему-то показалось, что монах не был заново рожденным верующим. Так как израильтянин весьма заинтересовался моими словами, я решил наглядно продемонстрировать ему, что недостаточно быть формальным христианином, чтобы попасть в Царство Небесное. Я повернулся к монаху, с которым уже познакомился до этого, и спросил его:

— Сэр, вы уверены, что после смерти попадете на Небо?

Он ответил, почти как Танус:

— Очень надеюсь!

Тогда я спросил:

— Предположим, вы стоите у небесных врат, и Господь спрашивает: «Почему вы думаете, что можете войти?»

Что бы вы ответили Ему?

Ответ монаха был типичным:

— Я, как мог, старался быть хорошим.

— Тогда зачем же Иешуа принес Себя в жертву, если вам достаточно «быть хорошим», чтобы попасть в Его Царствие? — озадачил я его.

Как и Танус, он, по-видимому, никогда не задавался этим вопросом. Я открыл Писание и попросил его прочесть следующие строки:

- 1 *И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим,*
- 2 *в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе,*
духа, действующего ныне в сынах противления,
- 3 *между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти*
и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие,
- 4 *Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас,*
- 5 *и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом, — благодатью вы спасены,—*
- 6 *и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе,*
- 7 *дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей и благости к нам во*
Христе Иисусе.
- 8 ***Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар:***
- 9 ***не от дел, чтобы никто не хвалился.***

(Еф. 2:1—9; выделено автором)

Я особо указал на восьмой стих: *«Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар»*. Монах был поставлен в тупик, словно впервые в жизни открыл для себя эти строки. Я использовал эту возможность, чтобы показать ему еще кое-что из Писания, например, вот это место:

11 *Свидетельство сие состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его.*

- 12 *Имеющий Сына (Божия) имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни.*
- 13 *Сие написал я вам, верующим во имя Сына Божия, дабы вы знали, что вы, веруя в Сына Божия, имеете жизнь вечную.*

(1 Ин. 5:11—13)

Израильский бизнесмен, прислушивавшийся к моему разговору с монахом, слегка улыбался. Тогда я открыл свой *Танах* и показал ему пророчества Иеремии (гл. 31) и Иезекииля (гл. 36), в которых Бог обещал заключить с евреями новый завет прощения и дать им новое сердце и новый дух. Я разъяснил ему, что вся мессианская (христианская) вера основана только на *Танахе* и что тот, кто этого не понимает, не знает ни Иешуа, ни Нового Завета. Монах, хотя я о нем даже не упоминал, невольно служил при этом живой иллюстрацией к моим словам.

Перед лицом грубого антисемитизма, то скрытого, то явного, наличие христиан, разделяющих идеи библейского сионизма, — словно освежающий ветерок в раскаленной пустыне. Я уже упоминал в этой книге мессианских неевреев (христиан), любящих Израиль всем сердцем и постоянно молящихся за мир и процветание Израиля и Иерусалима. Они торжественно признали тот факт, что они ничем не лучше, ничем не выше любого другого грешника в мире, будь то еврей или нееврей, и приняли слова апостола Павла, сказавшего об этом:

- 13 *Вам говорю, язычникам.*
- 16 *... если корень свят, то и ветви.*
- 17 *Если же некоторые из ветвей отломались, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины,*
- 18 *то не превозносись перед ветвями. Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя.*
- 19 *Скажешь: «ветви отломались, чтобы мне привиться».*
- 20 *Хорошо. Они отломались неверием, а ты держишься верою: не гордись, но бойся.*
- 21 *Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то, смотри, пощадит ли и тебя.*
- 22 *Итак, видишь благодать и строгость Божию: строгость к отпадшим, а благодать к тебе, если пребудешь в благодати Божией; иначе и ты будешь отсечен.*
- 23 *Но и те, если не пребудут в неверии, привьются, потому что Бог силен опять привить их.*
- 24 *Ибо если ты отсечен от дикой по природе маслины и не по природе привился к хорошей маслине, то тем более сии природные привьются к своей маслине.*

(Рим. 11:13,16—24)

Есть еще и такое, совершенно ясное место:

- 11 *Итак помните, что вы, некогда язычники по плоти, которых называли необрезанными так называемые обрезанные плотским обрезанием, совершаемым руками,*
- 12 *что вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире.*
- 13 *А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою.*

- 14 *Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду...*
19 *Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу,*
20 *быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа*
краеугольным камнем.

(Еф. 2:11—14,19,20)

В среде этих мессианских неевреев, которые по-настоящему поняли смысл Нового Завета, можно встретить беззаветную преданность делу Израиля. Многие из них часто бывают в Израиле. Для развития страны они жертвуют деньги, время и силы. Они посылают своих детей работать добровольцами в *киббуцах*, больницах, домах престарелых и даже служить в израильской армии. И они служат Израилю, живя в своих странах и являясь очень эффективным произраильским лобби, выступающим в поддержку идеи сионизма. Например, многие из них оказывали давление на правительство бывшего Советского Союза, чтобы оно выпустило еврейских отказников и узников. Многие люди обязаны им своей свободой и выездом в Израиль.

Группы таких сионистов-христиан не во всем согласны между собой. Между ними идут споры и о ключевых проблемах. Но все они едины в безоговорочной поддержке права Израиля на существование в своих границах и все они верят, что обетования, данные Богом Своему древнему народу, действительны и в наши дни. Все вместе они активно протестуют против разного рода международных резолюций, осуждающих Израиль.

Но многие религиозные вожди Израиля не одобряют деятельность сионистов-христиан и поддержку, которую они оказывают еврейскому государству. Противники этих христиан — либо сами антисемиты, либо подозревают сионистов-христиан в каких-то тайных мотивах и миссионерских намерениях. Так или иначе, но некоторые из ключевых постов в правительстве заняты людьми, которые изо всех сил стараются препятствовать деятельности сионистов-христиан. Они отказывают мессианским верующим в праве въезда в Израиль и не продлевают визы тем, кто уже находится в стране. В общем, они стараются осложнить жизнь мессиан в Израиле.

Печально, но, поступая так, лидеры правительства рубят сук, на котором сидят. Всем известно, что у изолированного Израиля в мире не много союзников и защитников, которые бы так любили и поддерживали нашу страну, как сионисты-христиане. Я уверен, что, если бы израильский премьер-министр знал, как наши миграционные службы обращаются с этими людьми, он бы направил внутреннюю политику Израиля на укрепление и развитие связей с этими союзниками.

Всем сердцем верю, что близок день, когда буквально исполнится пророчество Исаии относительно сионистов-христиан:

- 3 *И придут народы к свету твоему, и цари — к восходящему над тобою сиянию.*
5 *Тогда увидишь, и возрадуешься, и затрепещет и расширится сердце твое, потому что*
богатство моря обратится к тебе, достояние народов придет к тебе.
6 *... принесут золото и ладан и возвестят славу Господа.*
10 *Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их — служить тебе; ибо во гневе*
Моем Я поражал тебя, но в благоволении Моем буду милостив к тебе.
11 *И будут всегда открыты врата твои, не будут затворяться ни днем, ни ночью, чтобы*
приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их.

12 *Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, — погибнут, и такие народы совершенно истребятся.*

14 *И придут к тебе с покорностью сыновья угнетавших тебя, и падут к стопам ног твоих все, презиравшие тебя, и назовут тебя городом Господа, Сионом Святого Израилева.*

(Ис. 60:3,5,6,10—12,14)

Глава 21. Награда за труды

Несколько лет я прожил в доме моих родителей, а потом Господь чудесным образом дал мне арабский дом в Яффе — не очень далеко от моря и от звонницы с часами и в четырех минутах ходьбы до того места, где Петру было великое видение о том, что он послужит примирению между евреями и язычниками (см. Деян. 10 гл.). Я не мог и мечтать, что Господь даст мне такой дом. Однако Бог знает точно, что и когда необходимо Его детям, и способен щедро и сполна обеспечить их всем, чтобы они повиновались Его воле и выполняли то, к чему Он их призвал. Этот дом, конечно, не *киббуц*, о котором я мечтал, но он хорошо иллюстрирует один принцип из Писания, гласящий: *«Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом»* (Прит. 19:21).

Однажды утром в доме зазвонил телефон. Звонил Иоганн, мой добрый друг из Голландии. «Яков! — прокричал он в трубку со свойственным ему энтузиазмом. Я в аэропорту Бен-Гуриона, и со мной группа из двадцати друзей-иностранцев. Можно мы тебя навестим?»

Иоганн — один из тех людей, перед обаянием которых невозможно устоять. Ему просто нельзя сказать «нет». Кроме того, как можно отказать человеку, который так любит Господа и еврейский народ?

Так что вскоре я оказался среди моих новых и милых друзей. Быстро перезнакомившись, мы начали петь гимны хвалы Господу, и наши сердца исполнились великой радостью. Мы молились, читали вслух воодушевляющие отрывки из Писания; я объяснял гостям особенности образа мыслей израильтян, рассказывал, как лучше проповедовать Евангелие евреям — опираясь на Ветхий Завет и особенно на *Тору*.

Потом мы приготовили для всех сумки, наполнив их евангельскими брошюрами для раздачи прохожим. Мы стояли на углу улицы Алленби и бульвара Ротшильда, когда внезапно я услышал на другой стороне улицы чей-то крик. Пожилой ортодоксальный еврей с белой бородой, развевавшейся по ветру, трясся от возбуждения, размахивал руками и кричал что было сил: *«Ой вей, йиден (Ой, горе нам, евреи!) На помощь! Миссионеры! Оскорбляют!»*

Через несколько минут вокруг одной молодой женщины из нашей группы собралась возбужденная и сердитая толпа. Женщина была из Скандинавии, она ни слова не знала на иврите, кроме *шалом*, и никак не могла понять, почему оказалась в центре внимания. Враждебная толпа размахивала кулаками, глаза горели ненавистью.

— Эй ты, миссионерка поганая!

— Убирайся к себе домой, нацистская свинья! Вы хуже нацистов! Они сжигали наши тела, а вы сжигаете наши души!

— Только миссионеров нам тут не хватало!

Издали увидев, что над ней собираются учинить самосуд, я перебежал через дорогу, пытаясь отвлечь огонь на себя.

— Евреи! — закричал я, перекрывая шум. — Евреи, что вы делаете, ради Бога? У вас что, нет сердца? Разве вы не видите, что она не понимает ни слова? Оставьте ее в покое, и пусть себе идет, куда шла!

Тут вся толпа обратилась на меня.

— Она христианка! Она миссионерка! Она навязывает нам Иешу! — возмущались они.

— Ну и что? — попытался я разыграть наивность. — Разве это запрещено законом? Разве ее проступок дает вам право проявлять насилие? Неприлично евреям так себя вести!

— Но она проповедует Иешу и призывает нас уверовать в Него! — старик дрожал от возмущения.

— Успокойтесь, господин. Не понимаю, о чем вы говорите. Она никому ничего не говорила об Иешу. Его имя Иешуа, и Он — Спаситель Израиля.

Шум усилился, и возбужденная толпа начала ругать меня. Для них все было ясно: Иешуа принадлежит *гоям*, а не евреям. Этому учили их раввины, и они были с этим полностью согласны.

Крики стали еще громче, но и я продолжал громко выкрикивать:

— Вы поступаете точно так же, как ваши предки в древности поступали с пророками. Они побивали пророков камнями, а сегодня вы, их потомки, не хотите услышать Слово Господа. Сегодня, как тогда, вы продолжаете творить себе бога по своему образу и подобию. Ваш бог позволяет вам лгать, совершать прелюбодеяния, красть, убивать. Но это не Господь Бог Израиля! Бог Авраама, Исаака и Иакова хочет жить внутри вас Своим Святым Духом, и Он послал Иешуа, чтобы простить вам ваши грехи, если только вы поверите в Него и раскаетесь.

Весь этот крик привлек всеобщее внимание, к нам стали подходить другие люди, заинтересовавшиеся происходящим, стали просить у нас брошюры. Это еще больше возмущало толпу.

— К черту вас с вашими пророками! Этот ваш Иисус Христос, проклятье ему вместе с вами и вашими пророками! — сотрясаясь от злобы, выкрикивал какой-то тип. — Мы верим только в Бога, слышите? Только в Бога!

— Да, да! Только в Бога! — подхватила возбужденная толпа. Ярость продолжала кипеть, каждый добавлял в костер свое полешко: — Вон отсюда, вонючие миссионеры! Убирайтесь к себе домой! Рассказывайте о вашем Иисусе *гоям*!

Горячий спор между мной и разъяренной толпой примерно из полусотни человек, кричавших на меня хором, разгорался все сильнее. Когда я понял, что с помощью логики и здравого смысла практически невозможно убедить такое количество разгоряченных и вышедших из себя людей, я попытался вырваться из кольца и пойти своей дорогой. Но некоторые из нападавших преследовали меня несколько кварталов, выкрикивая ругательства, отзывавшиеся эхом по всей округе.

— Предатель, возмутитель Израиля! Ты продал свою душу *гоям*! *«Разорители и опустошители твои выйдут из твоих собственных рядов»!* (Ис. 49:17 в переводе автора).

Несколько религиозных молодых мужчин, подстрекаемых стариком, который и затеял весь этот скандал, начали избивать меня, пытаясь вырвать из рук сумку с брошюрами. Я сопротивлялся, удерживая сумку всеми силами. Трое парней свалили меня на землю, а старик стоял над ними и давал указания: «Смелее, отнимайте у него сумку! Ее содержимое надо сжечь!»

Я свернулся в клубок на земле, пытаясь защитить от ударов голову, прикрывая ее сумкой, за которую крепко держался. Молодым парням удалось вырвать у меня сумку. Они выбросили на тротуар всю литературу. Кто-то чиркнул спичкой, и через несколько секунд все брошюры горели. Потом они нашли на мостовой Новый Завет. Один из них схватил книгу, триумфально помахал ею над головой и прокричал: «Эй, смотрите, что я нашел! Вот что они хотели нам подсунуть!» И он швырнул книгу в огонь.

Я даже не пытался их остановить. Я знал, что, если бы даже они сожгли все книги в мире, в которых говорится об Иешуа, они не смогли бы уничтожить Божью истину. *«Воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его»* (Ис. 53:10). Лишь после того, как им удалось отобрать у меня брошюры и излить свою ярость на пачку бумаги, они наконец меня отпустили.

Избитый и израненный, я поднялся на ноги. Кто-то, видимо, вызвал полицию, но когда она наконец приехала, толпа уже рассеялась. На месте остался лишь один человек в *кипе*, смаковавший результаты побоища. После краткого выяснения обстоятельств полицейские усадили нас обоих в патрульную машину и отвезли в участок.

Там нас допросили, и, когда полицейский удостоверился, что этот молодой человек активно участвовал в драке и сожжении брошюр, он принял от меня заявление с жалобой и открыл уголовное дело против этого парня, обвинив его в нарушении общественного порядка и в физическом насилии.

— Но этот человек — миссионер! Он проповедовал народу Иешу! — настаивал задержанный.

— В государстве Израиль нет закона, запрещающего это делать. Раздача пропагандистской и рекламной литературы не противоречит закону, если только при этом не нарушается безопасность государства и если в этой литературе нет порнографии и непристойностей. А насколько я вижу, в этих листовках ничего подобного нет.

— Но эти брошюры призывают к смене религии! Они оскорбляют наши религиозные чувства.

— Если вы увидели, что совершается такое нарушение, — терпеливо объяснил полицейский, — вы должны были найти телефон и известить полицию. Ни при каких обстоятельствах вы не должны брать закон в свои руки и действовать путем насилия.

— Но я же был не один! — пытался оправдаться молодой человек. — Там было не меньше полусотни человек, все кричали вместе. Я даже не понимал толком, из-за чего весь этот сыр-бор!

— Это не снимает с вас ответственности. Вы хотите, чтобы я поверил, что вы напали на человека, даже не зная, в чем он провинился и почему вы на него нападаете? Ну нет, вы непохожи на такого неразумного человека!

Мне стало по-настоящему жаль парня. После того как сняли показания, я, понимая тяжесть наказания, которое грозит этому молодому человеку, повернулся к офицеру полиции и сказал:

— Послушайте, я готов пойти на компромисс. Если этот молодой человек согласится извиниться, признать свою вину и попросить прощения, я соглашусь забыть весь инцидент и заберу свое заявление назад.

Две пары глаз с удивлением уставились на меня. Полицейский уж точно не ожидал от меня такой реакции, а обвиняемый не мог поверить своим ушам. Полисмен направил на меня вопрошающий взор, а молодой человек покраснел и кивнул головой. Я посмотрел ему прямо в глаза и протянул руку. Он поколебался и пожал протянутую руку.

Мы вместе покинули участок, он повернулся ко мне и сказал:

— Очень благодарен вам за то, что вы сделали. У меня могли бы быть крупные неприятности. Извините меня.

— Не будем об этом, я простил вас еще до того, как вы попросили об этом. На самом деле я на вас и не обиделся. Думаю, если бы я был на вашем месте, то моя реакция была бы такой же. Но я просто хотел дать вам понять, насколько серьезен ваш проступок. Бог не смотрит на наши грехи сквозь пальцы, Он всегда замечает их. Он знает, что за наши грехи мы все заслуживаем смерти. И все же Он так сильно любит вас и меня, что пожелал Сам расплатиться за наши грехи, Сам понести наказание. Потому-то Он и послал нам Иешуа. Наверное, вы счастливы сейчас, что вас отпустили, но все же еще не знаете, что такое настоящее счастье. Вот получите полное прощение всех грехов от Мессии, тогда узнаете!

Молодой человек улыбнулся, помахал рукой и скрылся в толпе.

Распространяя Евангелия, я многократно подвергался нападениям, но с годами такие инциденты стали редкостью. До недавних пор многие евреи были убеждены, что где-то существует таинственная, чудовищная организация, называемая «Миссия», которая распространяет свои щупальца по всему миру, а особенно по нашей святой земле, и питается человеческими душами. Единственной целью «Миссии», по их представлениям, было хватать невинных, ничего не подозревающих евреев и заставлять их переходить в христианство. Эта странная идея, все еще преобладающая сегодня среди многих религиозных евреев, видимо, возникла в результате неправильного отношения к еврейскому народу Римско-католической церкви, которая в течение двух последних тысячелетий пыталась обратить евреев под страхом смерти. Такие насильственные методы совершенно противоречат основным принципам Евангелия.

К счастью, многие израильтяне начинают понимать, что мы, мессианские евреи, — настоящие евреи и никому не навязываем христианство. В стране много людей, которые, подобно мне и членам организации «Благовестник Спасения Израилю», искренне считают, что распространение истины о Иешуа Мессии крайне важно для того, чтобы люди узнали факты и смогли сделать осознанный выбор. Мессианская вера — дело личного выбора каждого человека. Ее нельзя приобрести по праву рождения или навязать кому-то силой. Слово «миссионер» на самом деле означает того, кто был послан для выполнения определенной задачи. Но трагическая история еврейского народа придала этому слову отрицательный оттенок.

К моему сожалению, правящий раввинат продолжает использовать все возможные средства, включая средства массовой информации, которые он, вообще-то, презирает, чтобы сбить народ с толку и внушить ему страх и отвращение ко всему, что имеет отношение к Иешуа, Сыну Давидову. Однако Бог сказал им следующее: *«Замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится: ибо с нами Бог!»* (Ис. 8:10). Верный Своему народу, Господь открывает ему глаза на различия между раввинским иудаизмом и еврейской мессианской верой. Об этом явно свидетельствует растущее число израильтян, приходящих к Иешуа с верой, и быстрое распространение мессианских общин по всей стране.

На самом деле на каждого еврея, который проклинает и атакует нас, надеясь покончить с нами и нашим служением, найдется тысяча израильтян, желающих прислушаться к *«глаголам вечной жизни»* (Ин. 6:68). Во Второзаконии (13:5—9) Господь заповедал Израилю убивать каждого, кто принесет других богов в его среду. Нам надо понимать истинный источник ненависти тех, кто на нас нападает, и уметь пожалеть их за слепую веру в то, что Иешуа — ложный бог, и за их искренние попытки повиноваться искаженно понимаемым наставлениям Господа.

Похоже, что круг наконец-то замыкается. Евангелие возникло среди еврейского народа на земле Израиля и распространилось отсюда до самых дальних уголков земли. Теперь, когда мы вернулись на родину, вернулось и Евангелие. Из города Яффа (или Иоппия) Благая весть пришла к первому из язычников — римскому центуриону Корнилию, который жил в Кесарии (см. Деян. 10 гл.). Сейчас, почти две тысячи лет спустя, Евангелие снова проповедуют в Яффе.

В другой раз на главной улице в Иерусалиме меня взяли в оборот четверо студентов сверхортодоксальной *йешивы*. Они не тратили время на разговоры, они вообще ничего не сказали. Не говоря худого слова, они просто врезали мне кулаком по затылку, отчего сумка упала с плеча, а потом стали бить меня по лицу. Из разбитого носа потекла кровь, испачкала мне одежду. Я стал звать полицию, и тогда все четверо исчезли, как сквозь землю провалились. С трудом я поднялся с земли, перешел на другую сторону улицы. Я был сердит на самого себя за то, что не смог использовать редкую возможность исполнить заповедь Иешуа:

- 22 *Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого.*
- 23 *Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах. Так поступали с пророками отцы их.*

(Лк. 6:22,23)

- 9 *Но вы смотрите за собою, ибо вас будут предавать в судилища и бить в синагогах, и перед правителями и царями поставят вас за Меня, для свидетельства перед ними.*

(Мк. 13:9)

У меня была замечательная возможность встать и побитому, израненному свидетельствовать перед собиравшейся толпой об Иешуа, а я этого не сделал. Все произошло так быстро, что люди на улице даже не поняли, что случилось. Если бы я только использовал этот шанс проповедовать весть о спасении, несмотря на то, что мое лицо было в крови! Ведь много веков назад распространение Евангелия на улицах Иерусалима именно так и начиналось. Пророки, апостолы, первые ученики платили своей кровью за честь быть вестниками Слова Божьего, и, возможно, круг должен именно так замкнуться в эти последние дни. Я часто думаю: кому достанется эта честь — стать мучениками, буквально пожертвовать собой на алтаре за духовное возрождение Израиля?

Когда я вспоминаю такие случаи, мое сердце вновь наполняется благоговейным страхом и восторгом перед великолепием истины нашего Господа:

13 *...но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете.*

14 *Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий почиает на вас.*

(1Пет. 4:13,14)

Не могу описать словами то благословение, которое снизошло на меня в тот день. Посреди бури я был исполнен необычайным счастьем и блаженством. Избитый, кровоточащий, я был охвачен чудесным ощущением покоя и мог бы спокойно стоять под ударами, даже не пытаясь защищаться от нападавших. Я чувствовал, что меня обнимают руки любящего, всемогущего Отца. Этот сошедший на меня покой совершенно не зависел ни от каких внешних обстоятельств, это был мир, которого неверующие люди не знают и никогда не испытывали. Необычайный внутренний мир, счастье и божественное спокойствие были таковы, что далеко выходили за пределы моего собственного понимания. За годы моего служения мне довелось узнать, что Бог дает гонимым за Него бесподобный дух покоя и славы. Подобных ощущений я не испытывал ни в камерке, где молился, ни при изучении Писания, ни во время хвалы и поклонения Господу в собрании верующих — только в разгаре сражения.

Я медленно добрал до ближайшей больницы, где мне оказали первую помощь. Это было совершенно особое переживание — я выглядел побитым, несчастным, затоптанным, но чувствовал себя как триумфатор, празднующий победу, о которой знала только моя душа, победу, состоящую в том, что я смог не мстить, но победить зло добром! Воистину, в душе тех, кого искупил Бог, действует сила Мессии.

Многие мысли беспокоили меня той ночью. Я молился за напавших на меня словами Иешуа: *«Отче! прости им, ибо не знают, что делают»* (Лк. 23:34). Во мне не было ни злости, ни ненависти к ним. Я мог видеть их лица, искаженные злобой, и представлял себе, как они с гордостью вернулись в свою *йешиву*, как хвастались друзьям и раввину, что им удалось поймать миссионера и обезобразить его до неузнаваемости. Я мог представить и то, как раввин восхваляет их храбрость и призывает других учеников тоже выйти на улицы и вести «священную войну» против «этих миссионеров».

Господь знал, как утешить меня в моей боли. Он вызвал в моей памяти впечатления от мессианской конференции, в которой я недавно участвовал вместе с еврейскими и арабскими верующими. Я думал: *«Как велики дела Твои, Господи! дивно глубоко помышления Твои! Человек несмысленный не знает, и невежда не понимает того»* (Пс. 91:6,7). Арабы и евреи, так много лет жившие в непреходящей враждебности и недоверии друг к другу, теперь родились заново, научились любить и прощать друг друга и вместе проводят конференции, спонсором которых мечтало бы стать любое правительство западного мира.

С благоговейным восторгом я наблюдал, как евреи каются в том, что во время службы в армии плохо обращались с арабами, и просят арабских верующих о прощении. И арабы в свою очередь признавались, что раньше испытывали к евреям бездонную ненависть, каялись в своем врожденном стремлении отомстить и отплатить злом за зло, и просили еврейских верующих простить их.

Арабы молились и просили Господа положить конец актам терроризма и насилия, просили мира для Иерусалима и спасения для Израиля. Мы, евреи, молились за арабов, понимая, что они живут «между молотом и наковальней», и просили Бога, чтобы Он изменил сердца Своего народа и научил его обращаться с «чужаками-арабами» с должным милосердием и состраданием. Излив сердца в молитвах и просьбах, мы вместе пели гимны хвалы и поклонения нашему Господу, Богу Израиля. Арабы прекрасно понимали, что поклоняются Богу, избравшему Израиль из всех других народов.

Я лежал в постели с лицом, распухшим, как подушка, вокруг глаз — темно-лиловые круги. Я обращался к Богу: *«Долго ли еще, Господи? Мы вернулись в нашу страну, словно спасаясь от пожара. «Если бы Господь Саваоф не оставил нам небольшого остатка, то мы были бы то же, что Содом, уподобились бы Гоморре»* (Ис. 1:9). Мы заставили пустыню расцвести, как роза; мы восстановили и перестроили заброшенные города; но в каком состоянии наши сердца? Наши души все так же сухи и страждут, как бесплодные пустыни, и мы страстно желаем Твоего присутствия, о Господи! Прошу, Господи, прости нам наши грехи и исцели эту слепоту, сними эту завесу, заставляющую нас постоянно спотыкаться и падать. Где тот свет, что должен был ярко освещать наши жизни? Не свет юпитеров славы, которая скоротечна, не свет ханукальных свечей, которые всего лишь красивая традиция. Нам нужен свет Твоего присутствия, Господи! Мы хотим быть Твоими свидетелями, нести свидетельство о Тебе, не только своими словами и самим своим существованием, но и своим образом жизни. Пусть Твой лик сияет над нами, да и над теми, кто нападает на нас. Пусть они падут к Твоим ногам в истинном и полном раскаянии, пусть уверуют в Иешуа — Мессию, чтобы их храм поистине стал *«домом молитвы для всех народов»* (Ис. 56:7)».

С этой молитвой на устах я и заснул, зная, что долгожданный день искупления придет, и понимая, что благословение этого дня будет моей вечной наградой.

Глава 22. Праздники и заветы

«А отмечают ли мессианские евреи израильские праздники?» Нам часто задают этот вопрос, тем самым ставя нас в положение оправдывающихся, как если бы мы отсекли себя от иудаизма.

На самом деле мы, мессианские евреи, составляем неотъемлемую часть населения Израиля. Некоторые из нас вышли из нерелигиозной среды, другие из религиозных и даже сверхортодоксальных семей. Одни живут в городах, другие в *киббуцах*, третьи — в *мошавах*. Одни служили в Силах обороны Израиля, другие нет.

Столь же различны мы в нашем отношении к еврейским праздникам. Некоторые празднуют пасхальный *седер* (праздничный ужин) традиционно, другие вносят в *седер* мессианскую символику.

Если говорить о мессианских евреях в целом, ответ может быть более или менее утвердительным: да, конечно, мы отмечаем израильские праздники. Возможно, мы соблюдаем их даже серьезнее, чем большинство других евреев. Мы не считаем эти праздники древним и устаревшим ритуалом; нет, перед нашими глазами всегда стоит *Иешуа ха-Машиах*, Который есть завершение всей *Торы*, и мы видим, что именно Он находится в центре каждого праздника. Все праздники указывают на Него; нам нужно лишь открыть наши духовные глаза, чтобы это увидеть.

Хороший пример — *Песах*. Все годы моей жизни в Израиле я всегда праздновал *Песах* в семье. Но с тех пор, как скончалась моя мать, *седер* перестал быть для меня прежним, и тогда я впервые посетил мессианский еврейский пасхальный *седер*. Он проходил в одной из мессианских общин в центральной части страны. Придя в зал для собраний, тщательно убранный, вымытый и украшенный живыми цветами, я был полон радостных ожиданий. Столы были великолепно сервированы новыми серебряными приборами, фарфоровыми блюдами, хрустальными бокалами и корзинками, наполненными квадратиками *мацы* (тонкие лепешки из пресного бездрожжевого теста, употребляемые в основном на *Песах*). Гости медленно входили в зал и занимали места за расставленными столами. Ведущий *седера* и его жена сидели во главе стола, у каждого места была положена красиво изданная *Агада* (книга традиционных пасхальных текстов).

Когда все расселись, ведущий встал и сказал:

— Праздник *Песах* — праздник нашего освобождения, когда отмечают наш исход из рабства в Египте и обретение свободы Божьего народа. В этот час все израильтяне отмечают этот праздник, чтобы вспомнить первый *Песах* в Египте. Но у мессианских евреев сегодня есть две причины ликовать и праздновать: наш Предвечный пасхальный Агнец, наш Господь Иешуа, Мессия, был принесен в жертву за нас и выкупил нас Своей Кровью из рабства греха, плоти и дьявола. Он с триумфом ввел нас в вечную жизнь в Царстве Божьем. «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 8:36).

Сам *седер* проходил вполне традиционно, как в каждом еврейском доме, где соблюдают обычаи. Время от времени ведущий прерывал ход вечера объяснениями того или иного момента в свете Нового Завета. Вместо того, чтобы омыть руки перед чтением *Агады*, как это делается обычно, мы читали рассказ о том, как Иешуа мыл ноги своим ученикам в начале Тайной вечери, именно в этот момент их *седера*. Произнося традиционное благословение над *мацой*, ведущий пояснил, что *маца* это и есть Сам Иешуа, «хлеб живой, шедший с небес» (Ин. 6:51), Который был поднят из мертвых, как поднимается из земли «зелень на пользу человека, чтобы произвести из земли пищу» (Пс. 103:14).

Произнося молитву благословения над вином, ведущий раскрыл нам, что это благословение говорит о нас, современных учениках Иешуа, являющихся «плодом истинной Лозы», объяснив это так: «Иешуа сказал Своим ученикам о Самом Себе: «Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода» (Ин. 15:5). Мы тоже Его ученики, поэтому мы и есть этот благословенный плод Лозы».

Глубокое впечатление произвело на меня объяснение смысла традиционного *афикомана*. Живя еще в родительском доме, я всегда задумывался над тем, как возникла и что означает эта странная традиция с таким необычным названием. Только теперь, на мессианском *седере*, я наконец все понял. Три пластинки *мацы*, которые кладут на стол во время *седера*, символизируют не только три слоя еврейского общества (священников, левитов и просто израильтян) или трех патриархов (Авраама, Исаака и Иакова), но и три сущности, или ипостаси, Божества — Отца, Сына и Святого Духа. Средний пласт, символизирующий Сына, преломляется. Это символ тела Мессии, «ломимого» за нас на кресте (см. 1 Кор. 11:24).

Половину этой преломленной пластинки *мацы* заворачивают в льняную салфетку и прячут до конца праздничной трапезы, а другую половину возвращают на прежнее место между двумя другими квадратиками *мацы*. Точно так же и тело Иешуа было завернуто в льняной погребальный саван и на время сокрыто в могиле, а Он Сам в это время вернулся на Свое божественное место рядом с Отцом и Духом. После трапезы дети ищут спрятанный кусочек *мацы*, а тот, кому посчастливится его найти, должен вручить его ведущему праздника, чтобы этот кусочек был «выкуплен». Ребенку полагается за него обещанный заранее подарок, и этот подарок должен быть отдан ему не позднее праздника *Шавуот* (Пятидесятницы) — точно так же, как Иешуа Мессия, победив смерть, был поднят из могилы, а нашедшие Его получили в день Пятидесятницы от Отца Небесного дар Святого Духа, обретя новое сердце и новый дух.

В тот вечер я понял, что в древних обычаях *Песаха* символически сокрыта вся история спасения, и большинство евреев ежегодно отмечают этот праздник, совершенно не понимая его глубокого смысла!

Мне понравилась и древняя молитвенная формула, многократно повторявшаяся во время церемонии: «Я готов и подготовлен выполнить заповедь... для воссоединения Имени Святого, да будет Он благословен, с Его *Шхина* (это слово означает присутствие Бога в реальном мире, Его близость к человеку, вечное пребывание среди евреев), через Него, скрытого и спрятанного, и во имя всего Израиля!» Этой молитвой весь народ Израиля освящает и объединяет имя Отца, называемого здесь «Святой, да будет Он благословен», и Святого Духа, «Его *Шхина*», через «Него, скрытого и спрятанного» — а ведь это не кто иной, как Господь Иешуа, Мессия, все еще скрытый от глаз народа Израиля.

Тот пасхальный *седер* так впечатлил меня потому, что на нем я увидел то главное, чего нет в традиционном еврейском *седере*, — Самого пасхального Агнца. На самом деле сегодня евреи отмечают только праздник *мацы* (опресноков, бездрожжевого хлеба), так как настоящей Пасхи у них нет. Вся современная церемония *седера* фактически и появилась только для того, чтобы заменить этот отсутствующий главный элемент. Лишь тот, кто знает Иешуа, безгрешного Агнца Божьего, понимает, что последний и истинный пасхальный Агнец уже был принесен в жертву, а то, что мы делаем сегодня, — на самом деле воспоминание о Нем, сказавшем: «...сие творите... в Мое воспоминание... всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию» (1 Кор. 11:25,26).

Объем книги не позволяет мне подробно рассмотреть смысл каждого элемента Пасхальной вечери с точки зрения мессианских евреев. Но одна тема звучит в ней совершенно ясно: Моисей освободил нас от физического рабства и подготовил для нас путь в землю обетованную; а Иешуа спас нас от духовного порабощения грехом и вывел на свободу, присущую Божьему народу. Иешуа подготовил нам путь, верно ведущий нас в вечное, славное Царство Божье.

Шавуот — это праздник, на который в Храм приносили для освящения первые плоды после истечения 50 дней *омера* (периода между *Песахом* и *Шавуотом*). Согласно раввинской традиции, *Шавуот* знаменует тот день, когда народ получил *Тору* на горе Синай. Новый Завет говорит нам, что именно в этот день Святой Дух сошел на первых учеников Иешуа в Иерусалиме. Этот день стал днем рождения первой мессианской общины и днем заключения обещанного нового завета: «И дам вам сердце новое и дух новый... Вложу внутрь вас дух Мой...» (Иез. 36:26,27). На *Шавуот* Господу

традиционно преподносили в Храме два карава хлеба. Эта жертва символизировала все мессианское сообщество, состоящее как из евреев, так и неевреев.

На *Суккот* (Праздник Кущей, или сбора урожая), собрав весь урожай, народ отмечал это событие праздничной трапезой. В отличие от двух других праздников — *Песаха* и *Шавуота* праздник *Суккот* до сих пор не отмечается полностью. Окончательно он будет праздноваться только тогда, когда под громовые звуки последней трубы придет Иешуа, чтобы собрать вокруг Себя избранных и забрать их на Небеса. (Будут ли это звуки *шофара* — трубы, сделанной из рога барана, которая звучит в конце праздника *Йом Киннур*?) Тогда это будет поистине Праздник урожая. Все народы, которые переживут последнюю великую войну и останутся на лице земли, ежегодно будут собираться в Иерусалиме, чтобы поклониться Господу Богу сил и отметить праздник *Суккот*, как сказано в пророчестве Захарии (см. Зах. 14 гл.).

Кстати, здесь надо упомянуть и *Йом Киннур*, подробно описанный в 16-й главе книги Левит. Есть большая разница между празднованием *Йом Киннура* сейчас, которое проходит по предписаниям раздела Йома в *Талмуде*, и тем, как он праздновался в ветхозаветные времена. Сегодня у нас нет Храма и нет жертвы, а потому народ Израиля не имеет искупления, так как не может быть настоящего искупления без пролития крови (Евр. 9:22). Тот суррогат, который составили раввины и согласно которому «молитва и раскаяние, и праведная раздача милостыни отменяют злой указ», ясно показывает, насколько велико их замешательство перед этим фактом.

Только тот, кто знает Иешуа, понимает, что окончательное, последнее, полноценное искупление уже совершено, раз и навсегда. Потому что Иешуа Своей жертвенной смертью сорвал ту завесу, которая отделяет нас от святая святых и от присутствия Бога. Он обеспечил вечное спасение всем, кто в Него верит. Мессианские евреи уверены, что их имена навечно записаны в принадлежащую Агнцу Книгу жизни и навсегда запечатаны там, тогда как все остальные евреи желают друг другу «Гемар хатима това» («Да будет имя твоё вписано в Книгу жизни»), вкладывая надежду в молитвы и пост, которые, согласно *Торе*, не могут избавить от греха.

Меня часто спрашивают о Субботе: соблюдают ли мессианские евреи Субботу, как того требует *галаха* (свод законодательных текстов)? Здесь тоже ответ может быть положительным и отрицательным одновременно. Да, мы сохраняем святость Субботы ради Господа, но не считаем себя связанными традиционными раввинскими запретами. Иешуа назвал Себя «*господином субботы*» (Мф. 12:8); таким образом, Он не поработен традиционными субботними ограничениями, а это значит, что и мы не обязаны им подчиняться. Да, в этот святой день мы имеем право отдохнуть от всех трудов этого мира и возрадоваться в нашем Господе Боге; но что если для этого необходимо куда-то поехать? Я уверен, что даже сам Моисей, живи он в наше время, при необходимости поехал бы в субботу на машине в синагогу, а оттуда домой. Если празднование субботнего отдыха включает исцеление страждущих или прием пришедших издалека путников, то мы охотно делаем это для Господа. Ведь каждому из нас придется отчитаться перед Господом за свои успехи и провалы. В конце концов это «*праздники Господни*» (Лев. 23:37), а не наши собственные. Всем сердцем мне хотелось бы, чтобы церковь отложила рождественских Санта-Клаусов и пасхальные яйца, а приняла бы и отмечала эти назначенные Самим Богом ветхозаветные празднования.

Многое можно еще сказать об этих удивительно символических святых днях. Точно так же, как эти праздники, соблюдение которых заповедал нам Господь, совершенно ясно указывают на Мессию, указывают на Него и три завета (договора), которые Господь заключил с нами. Рассмотрев каждый из них, мы в каждом увидим Иешуа. Давайте разберем сначала договор, который Бог заключил с Авраамом.

Авраамов завет

- 1 *И сказал Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего [и иди] в землю, которую Я укажу тебе;*
- 2 *и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение;*
- 3 *Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные.*

(Быт. 12:1—3)

Важно отметить, что в этом тексте содержатся три безусловных обетования:

1. Обетование относительно земли: Бог обещал показать Аврааму землю, которую Он отдаст его потомкам в вечное наследие.
2. Обетование семени: Бог обещал, что у Авраама будет потомство.
3. Обетование благословения: Бог обещал, что потомки Авраама будут благословением для всех народов на земле.

И действительно, в Иешуа Мессии духовные дети Авраама — то есть все истинно верующие, и евреи, и неевреи, — стали благословением для всех народов на земле.

Что же такое, в сущности, договор? Прежде всего это соглашение о взаимных обязательствах, заключенное между двумя или несколькими сторонами. Дав эти обетования Аврааму, Бог скрепил их двумя договорами: заветом между частями рассеченных животных (см. Быт. 15 гл.) и заветом обрезания (см. Быт. 17 гл.). В обоих случаях он дал Аврааму несколько безусловных обещаний: Авраам не должен был ничего делать для того, чтобы Бог сдержал Свои обещания; единственное, что от него требовалось, — это принести в жертву животных и выполнить указание об обрезании всех мужчин в его доме. Но в обоих заветах присутствует единый существенный момент: для заключения нерасторжимого договора должна быть пролита кровь. Каждый договор с Богом должен быть скреплен кровью.

В ветхозаветные времена между людьми заключались договоры — например, мирные договоры, оборонительные соглашения, пакты о братстве. При заключении каждого договора устраивали пир, который был непременной частью празднества. Каждая договаривающаяся сторона выдвигала свои условия, и при подписании считалось необходимым пролить кровь, что делало договор действительным и обязательным для обеих сторон. Вот почему, когда уже обрезанный мужчина обращается в иудаизм, он все же непременно должен пролить «кровь завета».

Синайский завет

У подножия горы Синай Моисей заключил завет с Господом от имени Израиля. Читаем об этом:

- 5 *и послал юношей из сынов Израилевых, и принесли они всесожжения, и заклали тельцов в мирную жертву Господу [Богу].*

- 6 *Моисей, взяв половину крови, влил в чаши, а другою половиною окропил жертвенник.*
7 *и взял книгу завета и прочитал вслух народу, и сказали они: все, что сказал Господь, сделаем, и будем послушны.*
8 *И взял Моисей крови и окропил народ, говоря: вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих.*

(Исх. 24:5—8)

С Авраамом Бог заключил безусловный договор, причем от него требовалось только сохранять веру, потому что сказано, что Авраам *«поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность»* (Быт. 15:6). Договор же, заключенный с народом у Синая, включал в себя одно очень важное условие — полное, беспрекословное послушание Божественной *Торе*.

- 1 *Если ты, когда перейдете [за Иордан в землю, которую Господь Бог ваш дает вам], будешь слушать гласа Господа Бога твоего, тщательно исполнять все заповеди Его, которые заповедую тебе сегодня, то Господь Бог твой поставит тебя выше всех народов земли;*
15 *Если же не будешь слушать гласа Господа Бога твоего и не будешь стараться исполнять все заповеди Его и постановления Его, которые Я заповедую тебе сегодня, то придут на тебя все проклятия сии и постигнут тебя.*

(Втор. 28:1,15)

Таким образом, условием, которое Бог поставил в Синайском завете, было полное повиновение *Торе*, придерживаясь ее буквально, не только тех ее указаний, которые кажутся нам привлекательными или легко выполнимыми, не только тех, которые кажутся нам логичными и осмысленными, но абсолютно всех. Бог сказал, что обрушит Свое проклятие на каждого, кто не будет буквально, до последней детали, исполнять все Его заповеди и законы.

- 26 *«Проклят, кто не исполнит слов закона сего и не будет поступать по ним!» И весь народ скажет: «аминь».*

(Втор. 27:26)

Но найдется ли во всем мире хоть один человек, который может честно сказать о себе, что всегда буквально и полностью исполнял каждое указание *Торы*, не согрешив ни разу в жизни? Если такой человек есть, то он опровергает Самого Бога, так как в Писании сказано, что *«нет человека, который не грешил бы»* (3Цар. 8:46) и что *«Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы»* (Екк. 7:20). Другими словами, все люди, когда-либо пытавшиеся следовать всем указаниям *Торы*, самым жалким образом потерпели неудачу.

Народ Израиля все еще считает себя связанным с Богом Синайским заветом. Но, с точки зрения Господа, этот договор был нарушен Израилем еще до его заключения. Моисей еще только спускался с вершины горы, держа в руках скрижали завета, а народ уже дико и непристойно плясал вокруг золотого тельца, сделанного Аароном по их

требованию, так как они были недовольны Моисеем. Таким образом, они нарушили первую заповедь, запрещающую идолопоклонство!

Было ли это однократным промахом, исключительной ошибкой в истории еврейского народа? И был ли в истории нашего древнего народа такой период, когда мы не впадали в поклонение идолам и богам, сделанным из дерева и камня, золота и серебра, до тех пор, пока нас не изгнали из своей земли за «идолопоклонство, кровосмешение и кровопролитие»?

Может ошибочно показаться, что Бог нарочно поставил перед Своим народом задачу, которая не имеет решения. С одной стороны, в завете, заключенном с нашим праотцом Авраамом, Он обещал сделать нас благословением для всех народов на земле и призвал нас быть светом для язычников. С другой стороны, Он дал нам *Тору* такой высочайшей праведности и истины, что никто из нас не может ее придерживаться, и тем как бы заведомо поставил нас под Свое проклятие. Но из такого положения есть выход, ибо Бог никогда не намеревался нас проклясть. Он никогда не оставлял Свой народ завета, народ Израиля. Еще до того, как Он изгнал нас из нашей страны, еще до того, как позволил разрушить Свой Первый храм, Он уже обещал нам через пророка Иеремию, что снова посетит Свой народ и заключит с ним новый завет.

Новый завет

Как мы уже видели, новый завет — вовсе не христианское изобретение. Это обетование, которое Бог дал Своему народу, потому что народ, а не Бог, нарушил Синайский завет.

- 31 *Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, —*
- 32 *Не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь.*
- 33 *Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом.*
- 34 *И уже не будут учить друг друга, брат — брата и говорить: «познайте Господа», ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого, говорит Господь, потому что Я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомяну более.*

(Иер. 31:31—34)

Отсюда явно видно, что Бог торжественно объявил о Своем намерении заключить и закрепить новый завет между Собой и Своим народом, домом Израиля и домом Иуды, взамен Синайского завета, который был нарушен. Бог вполне ясно сказал, что именно народ Израиля нарушил завет, а Он верно хранил его. Но когда одна из сторон нарушает договор, другая сторона освобождается от любых обязательств, предусмотренных этим торжественным соглашением. Поэтому Господь не обещал Израилю обновить старый завет, который все равно не мог соблюдаться из-за

невыполнимости его условий. Вместо того Он обещал заключить совершенно новый завет, гарантируемый Его верностью и любовью.

Основа, на которой был заключен Синайский завет, была не только шаткой, но и просто нереальной. Ни один человек на земле никогда не смог бы всецело и непогрешимо придерживаться указаний *Торы*. По этой причине Бог предложил выход из тупика через систему жертв. Все заверения современного еврея, что он может общаться с Богом сам, не нуждаясь в посредниках, совершенно необоснованны и демонстрируют полное непонимание института священства. Обратите внимание на обещание Бога в Книге пророка Иеремии: «...потому что Я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомню более». Как мог Господь обещать нам прощение грехов, не предопределив жертву? Согласно Писанию, для очищения грешников необходима жертва:

8 *И взял Моисей крови и окропил народ, говоря: вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих.*

(Исх. 24:8)

18 *Почему и первый завет был утвержден не без крови.*

19 *Ибо Моисей, произнеся все заповеди по закону пред всем народом, взял кровь тельцов и козлов с водою и шерстью червеною и иссопом, и окропил как самую книгу, так и весь народ,*

20 *говоря: это кровь завета, который заповедал вам Бог.*

21 *Также окропил кровью и скинию и все сосуды Богослужебные.*

22 *Да и все почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения.*

(Евр. 9:18—22)

11 *А что до тебя, ради крови завета твоего Я освобожу узников твоих из рва, в котором нет воды.*

(Зах. 9:11)

Вот почему наш народ молится и просит Господа рассматривать свои просьбы так, словно молящиеся принесли жертвы, как требует *Тора*. Но Бог не велел нам заменять приношение жертв молитвами, потому что такая замена неприемлема для Него. Все, что Он предлагает нам, — это принять Его завет, скрепленный Им Кровью вечного, безгрешного Агнца Божьего, вечной и полноценной Жертвы. Бог ничего не требует от нас, кроме как принять с верой то, что Он милостиво предложил нам через Свой новый завет, — новое сердце и новый дух, которые поведут нас за Ним из любви, проистекающей из Его милости и Его прощения наших грехов. Все эти обетования исполнены в новом завете через смерть и воскресение Иешуа Мессии, так как Его Кровь была пролита «за многих... во оставление грехов» (Мф. 26:28).

Трагедию народа Израиля на протяжении тысячелетий его истории можно проследить с момента непринятия всеискупляющей жертвы. Мы считали, что вручение нам *Торы* есть знак нашей уникальности как народа перед лицом Господа, но не смогли понять, что на самом деле были призваны стать армией евангелистов, «царством священников и народом святым» (Исх. 19:6), нести миру свидетельство о Боге. В Иешуа Мессии Бог фактически исполнил Свое обетование, что народ Израиля станет благословением для всех народов на земле и светом для язычников. Тот факт, что

многие язычники исказили и извратили Слово Господне, не отменяет исполнение этого обетования; а лишь еще раз доказывает греховную природу человека. Разве не мы, евреи, исказили истины Моисея и пророков, истолковав их как основу для создания системы замкнутых *йешив*, сверхортодоксальных общин и особых привилегий?

Но Бог действует не так, как люди. Верный Своему обещанию, Он дал этому миру новый завет, скрепленный Кровью Мессии. Получилось, что мы, евреи, перепоручили христианам выполнить то, что первоначально предназначалось для нас: ведь это они перевели наш еврейский *Танах* на более чем 1400 языков и наречий и сделали его доступным практически каждому грамотному человеку в мире. Мы должны осознать, что Бог выбрал нас не потому, что мы чем-то лучше или святее других. Для нашего же блага мы должны отказаться от заблуждения, что существует одна истина для евреев и другая — для остального мира или что у Бога есть разные планы спасения для евреев и для неевреев. Дело обстоит совсем наоборот: Господня истина едина, вечна и абсолютна, она действительна и хороша для всего человечества.

Бог создал нас всех по Своему образу и подобию, и Он равно стремится спасти всех людей. Иешуа — это путь, истина и жизнь. Вместо того, чтобы заставлять неевреев проходить через сложный и мучительный процесс обращения в иудаизм, нам следовало бы научить их тому, чему Бог научил нас через Авраама, который «*поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность*» (Быт. 15:6). Нам надо помнить, что Бог заключил Свой первый завет с Аврамом, когда тот еще не был обрезан, и что Бог всегда смотрит на состояние сердца человека, а не на его внешность.

Глава 23. О Михаил, Михаил!

Как-то утром совершенно неожиданно в дверь позвонили. Это был Михаил. Я не слышал о нем с тех пор, как покинул Америку, и был удивлен, что он смог меня разыскать. Передо мной стоял молодой человек, когда-то посланный родителями в Иерусалим, чтобы добиться посвящения в раввины, но взамен избравший манящую суету ночных клубов и ресторанов. Это был тот самый Михаил, который со своим другом в Бруклине занимался карате, чтобы отомстить *гоям*-обидчикам. Михаил, который с той поры разбогател, теперь устроил мне такой же сюрприз, как я пятнадцать лет назад, когда застал его врасплох, постучав в его дверь. Теперь мой дорогой друг приехал в Израиль с одной целью: попытаться вразумить меня, убедить оставить всю эту чушь насчет Иешуа и мессианства, вернуть меня в привычное лоно раввинского иудаизма — по крайней мере, как он его понимал.

— Я хочу, чтобы ты съездил со мной в одну *йешиву* в Иерусалиме, — предложил он мне. — Поедем, поговоришь с ученым раввином и объяснишь ему, почему ты веришь, что Иешуа и есть Мессия. Раскроешь перед ним свой *Танах* и покажешь все те пророчества, которые когда-то показывал мне. Я хочу увидеть, как он прореагирует на твои утверждения. Хочу услышать, как он ответит на твои аргументы относительно того, что мессианский иудаизм и есть настоящий иудаизм.

Я вспомнил все наши горячие споры. Михаил, который очень хорошо знал прежнего Якова, был поражен глубокой переменой, которая произошла во мне, но все еще отказывался признать, что эта перемена объясняется новообретенной верой в Иешуа. Ему было трудно поверить, что я нашел неописуемые покой и радость в вечном наследии Господа Бога Израиля через Его Мессию — причем не склоняясь перед раввинами, о которых днем и ночью ему твердили набожные родители.

Много лет прошло после наших споров, но Михаил явно не мог забыть моих рассказов о новой вере. Может быть, это свидетельство коснулось глубин его омраченной души? Может быть, он хотел облегчить свою совесть и доказать самому себе с помощью ученого раввина, что я заблуждаюсь?

— Ты хочешь организовать мой поединок с раввином? — загорелся я. — Замечательная идея!

Михаил, похоже, удивился. Он, видимо, ожидал, что я буду реагировать иначе — ретируюсь, побоюсь услышать противоположное мнение.

— Хорошо, а если раввин сумеет убедить тебя вернуться к иудаизму в том виде, как его понимает весь народ Израиля, согласишься ли ты оставить свою веру в Иешу и признать, что ошибся? Признаешь ли ты тогда, что все эти дела с Иешу — просто сумасшествие? — недоверчиво спросил он.

Я ответил:

— Во-первых, хочу тебе напомнить, что не весь народ Израиля принимает иудаизм в том виде, в каком его преподносят раввины. Но я определенно тебе обещаю и, если хочешь, дам расписку, что если раввин однозначно убедит меня, что раввинский иудаизм верен, а мессианский — ошибочен, то я непременно признаю свою ошибку. Более того, обещаю написать открытое письмо в ежедневную газету и признать свою прискорбную ошибку, признать, что я ввел в заблуждение многих, так что те жители Израиля, которые пришли к моей вере, могут отказаться от нее и вернуться к раввинскому иудаизму. Это будет честно, не так ли?

Опасаясь, что я передумаю, Михаил воскликнул:

— Тогда не будем терять времени! Поехали в *йешиву*!

Сев в элегантный «мерседес», арендованный Михаилом на время пребывания в Израиле, мы вскоре выехали на шоссе, ведущее в Иерусалим. Михаил оставил машину недалеко от *йешивы*, которая размещалась в нескольких минутах ходьбы от Меа Шаарим, самого сверхортодоксального квартала Израиля. Стены заброшенных зданий были покрыты слоями печатных плакатов, остерегавших публику от нарушения Субботы, от «безнравственных» женщин, позволяющих посторонним видеть свои шеи или лодыжки, и против соседнего раввина и его суда. Другие плакаты призывали верующих собираться большими толпами на митинги, посвященные возрождению религии, или начать священную войну против фальсифицированных выборов в *кнессет* (израильский парламент), против скверны телевидения, против миссионеров, охотящихся за душами, и против всего другого, что авторы плакатов считали нечистым.

По дороге мы с Михаилом разговаривали о всяких пустяках. Я не мог понять, что заставило его устроить эту встречу с раввином. Действительно ли он был так сильно озабочен судьбой моей души в вечности или, может быть, слышал тихий, еле различимый голос Господа, вопрошавший: «Где ты, сын Мой?»

Внезапно Михаил вытащил из кармана две белые *киты*, одну надел на голову, другую вручил мне, сказав:

— Ты, я надеюсь, не возражаешь это надеть?

Посмотрев ему прямо в глаза, я ответил:

— Михаил, если бы я верил, что головной убор — это все, что необходимо для того, чтобы быть *кошерным* евреем, я бы надел даже *штреймель* (парадную меховую шляпу ортодоксальных евреев *ашкенази*). Но, извини, я не хочу притворяться и устраивать маскарад!

Удивленный и разочарованный моим отказом, Михаил запихал *киту* обратно в карман и заметил извиняющимся тоном:

— Должны же мы чем-то отличаться от *гоев*!

Я не ответил и лишь выразительно посмотрел на него. Он меня понял.

Мы вошли в большие чугунные ворота, над которыми было написано: «*Вот врата Господа; праведные войдут в них*» (Пс. 117:20). На обширном дворе тут и там стояли группки учеников *йешивы*, погруженных в праздные разговоры. Михаил, одетый в сшитый на заказ по последней нью-йоркской моде костюм-тройку, с элегантной *кипой* на голове, вошел в *йешиву*, как в собственный дом. Чувствовать себя как дома помогало ему еще и то, что детство и юность он провел в *йешивах* Бруклина. Уже довольно давно он отошел от религиозных дел, но считал, что разбирается в них достаточно, чтобы предположить, что я, уже раскаявшийся и уверовавший в Бога, презирающий тщету этого мира, легко найду себе достойное место в стенах *йешивы*.

Михаил не мог понять, что, хотя я живу в светском мире и внешне ничем не отличаюсь от других людей, мой образ жизни совершенно отличен от светского. Что больше всего удивляло Михаила — это то, каким образом, живя в миру, мне удастся избегать многочисленных искушений, подстерегающих нас на каждом углу. Монахи и отшельники скрываются в своих монастырях, а ортодоксальные евреи прячутся от враждебного мира в *йешивах* и замкнутых общинах. Михаил не понимал, каким образом человек, привыкший ко всем удовольствиям этого мира, мог раскаяться, прийти к вере — и при том внешне никак не измениться.

Мы медленно прошли сквозь просторный зал *йешивы*. Здесь попарно лицом к лицу сидели ученики, ритмично раскачиваясь взад-вперед при чтении толстых комментариев *Талмуда*. Каждый вопрос они подробно рассматривали с разных сторон, а когда наконец приходили к какому-то выводу, то воображали, что мир все еще держится лишь благодаря усилиям раввинов и их учеников.

Когда мы подошли к кабинету раввина, Михаил был явно напряжен. Улыбнувшись мне, он легонько постучал в дверь. Из-за двери немедленно раздался голос раввина, пригласившего нас войти. Храня торжественное выражение на лицах, мы вошли в кабинет. Раввин очень вежливо, с широким жестом, предложил нам сесть. Его стол был завален бумагами, стен не было видно за огромными книжными полками, уставленными сотнями солидных томов священной литературы. Мы уселись напротив раввина и обменялись с Михаилом легкими улыбками. Двадцать лет прошло с тех пор, как мы оба вышли из еврейской религиозной системы, и вот снова сидим в иерусалимской *йешиве*, да еще при столь необычных обстоятельствах. Честно говоря, я не знал, чего ожидать. Мне представлялось, что мог разгореться жаркий спор. Вполне могло оказаться, что раввин, высказав все, что он обо мне думает, созовет всех своих учеников, чтобы проклясть меня и спустить с лестницы. Я был готов к самому худшему.

— Дistinguished ребе, — начал Михаил на удивительно бойком иврите с ярко выраженным нью-йоркским акцентом, — Яков — мой добрый друг, он верит в *Иешуа ха-Машиаха*. Я привез его сюда, чтобы вы пробудили в нем здравый смысл. Возможно, вам удастся вернуть его в иудаизм.

— Конечно! Это же великая *мицва* — вернуть заблуждающегося еврея к его исконным корням.

В комнате воцарилась давящая тишина. Подняв глаза, раввин посмотрел на меня с сочувствием и пониманием. Затем, придав голосу властное выражение, как будто он знал мое сердце и мои убеждения даже лучше меня самого, он сказал:

— Скажите-ка, почему вы думаете, что языческий Новый Завет говорит правду, а наш еврейский *Танах* — нет?

— Дistinguished ребе, — скромно ответил я, — пожалуйста, позвольте мне вас поправить. Во-первых, я не думаю, что Новый Завет можно назвать, как вы это сделали, языческим или что он принадлежит только неевреям. Я считаю Новый Завет священной еврейской книгой, такой же, как наш еврейский *Танах*. Я не считаю, что Новый Завет более правдив, чем наш еврейский *Танах*. Зачем нам их противопоставлять и сталкивать между собой? Это взаимно дополняющие части Священного Писания, одинаково вдохновенные Словом живого Бога!

Это, конечно, было провокацией с моей стороны, и реакцию раввина надо было видеть! Его взгляд окаменел, манера речи изменилась.

— Как вы смеете даже сравнивать нашу священную *Тору*, данную Моисею на горе Синай, с этим нечистым, презренным Новым Заветом?! Как вы смеете заявлять, что это еврейская книга?! Да слышат ли ваши уши то, что произносят ваши уста?

— Извините, господин, — ответил я, — я согласен, что святая *Тора* была дана Моисею на горе Синай, и я не оспариваю в ней ни единой буквы. Но прошу вас, разрешите мне вступить за Новый Завет. Он не нечистый и не презренный. Возможно, он написан более простым языком, чем *Танах*, ведь Бог применил такой метод, чтобы сделать Свои слова ясными и понятными для всех народов мира. Но Новый Завет был дан нам не для того, чтобы изменить *Танах* или заменить его, упаси Господи, но для того, чтобы доказать верность Своему Слову нашего Господа, Бога Израиля, Который обещал нам Мессию и выполнил это обещание. Позвольте, ребе, задать вам вопрос. Вы когда-нибудь заглядывали в Новый Завет? Вы знаете, что там написано?

— Конечно, нет! — раввин ужаснулся так, словно я предложил ему съесть бутерброд с ветчиной и сыром в день *Йом Киппура*, пришедшийся на субботу. — Я никогда не оскверню себя подобной грязью. Это нечистая, презренная книга, написанная для того, чтобы рассказать *гоям*, какое страшное и ужасное преступление совершили евреи, отвергшие Иешу, своего Мессию. Иешу и написанная Им книга стали главной причиной всех наших бед и страданий в этом мире. Именем этого человека *гои* убивали нас в течение последних двух тысячелетий. Каждый еврей, взявшийся читать эту книгу, рискует жизнью!

Утомительная беседа затянулась. Не помню сейчас всех подробностей, но спор все разгорался. Помню только, что я цитировал длинный ряд пророчеств, относящихся к Мессии, который должен был сначала прийти в виде Божьего жертвенного Агнца, чтобы унести все грехи мира, а позже вернуться как Лев Иуды. Но цитировать *Танах* в противовес писаниям еврейских мудрецов, когда имеешь дело со сверхортодоксальными евреями, совершенно бесполезно — ведь власть и авторитет раввинских комментариев ставится сверхортодоксами выше, чем власть и авторитет *Танаха*. Мы смогли сойтись на том, что в некоторых цитатах из *Танаха* действительно говорится о страдающем Мессии, но раввин настаивал, что сейчас никто не может знать, кто он, этот Машиах бен Йосеф (Мессия, сын Иосифа).

Я спросил:

— Тогда каким образом мы Его узнаем, когда Он придет?

У раввина имелся готовый ответ. Маймонид, известный также под именем Рамбам, еврейский философ двенадцатого века, был единственным и окончательным авторитетом (по крайней мере для раввина) в вопросе о том, как узнать Мессию. Раввин снял с книжной полки внушительный том труда Рамбама «Мишне *Тора* — Яд ха-хазака», опытной рукой раскрыл его на нужной главе и стал нараспев читать из «Правил Царей»:

«И когда царь из дома Давидова восстанет, размышляя над *Торой* и исполняя дела праведные, как Давид, его отец, согласно писаной и устной *Торе*, и подвинет весь народ Израиля войти в нее и придерживаться ее, и будет вести сражения Господа — то он может быть Мессией.

И если Он преуспел во всем этом, и построил храм в назначенном месте, и возвратил изгнанника Израиля — тогда Он точно Мессия».

Я старался объяснить раввину огромную разницу между описанием Рамбама и настоящим Мессией, описанным в Писании. Теория мудрецов выделяет и различает двух Мессий. Один — Машиах бен Йосеф, который должен прийти первым и погибнуть в войне, а второй — Машиах бен Давид, который придет с победой как царь-завоеватель. По этой теории должны быть два разных Мессии, тогда как *Танах* на самом деле говорит только об одном Мессии, Который должен прийти дважды. Сначала Он придет, чтобы искупить грехи людей Своей смертью, спасет их от вечного проклятия Своим воскресением и широко откроет врата спасения для язычников; позже Он придет во второй раз как всепобеждающий Царь царей. В *Танахе* нет никаких указаний на возможность двух Мессий, как нет и никаких ветхозаветных аргументов в пользу того, что Мессия придет, когда весь народ Израиля по всем правилам соблюдет две Субботы!

— Напротив, достопочтенный ребе, — воскликнул я, — один Иешуа отвечает всем ветхозаветным требованиям к Машиаху бен Йосефу, так как супруг Мирьям (Марии), Его матери, звался Йосефом, да и потому, что вся Его жизнь напоминает жизнь праведного Йосефа, сына Иакова, нашего праотца. Кроме того, Иешуа исполнит все пророчества относительно Машиаха бен Давида, когда Он вскоре вернется в облаках, в великой славе, чтобы установить на земле Царство Божье.

Я заметил, что у раввина возник интерес, когда я подробно рассматривал пророчества относительно Мессии, и он все более внимательно слушал мои слова. Постепенно он перестал прерывать меня столь агрессивно.

В конце концов раввин спросил, не захочу ли я посетить его семинар по религиозным ценностям для «новых кающихся» (религиозный термин, обозначающий тех светских людей, которые хотят стать правоверными евреями), где я смогу получить ответы на все мои вопросы. Он не заметил, что вопросов у меня не было.

— Конечно, ребе, — сказал я в ответ, — но при одном условии: пусть *йешива* полностью оплатит мое пребывание здесь, поскольку я не намерен тратить на такой семинар ни одного *агорона* (мелкой разменной монеты).

Раввин был несколько обижен таким требованием, но, видимо, ему настолько не хотелось упускать единственный шанс привести меня в чувство, что он согласился принять мое условие. Так я попал в город Натанья, в отель, где проходил семинар.

Этот семинар был классическим примером использования методов интенсивного промывания мозгов, применяемых теми, кто стремится в чем-то убедить своих беспомощных и невежественных жертв. Примерно две сотни человек — причем многие из них знали очень мало о религии вообще и об иудаизме в частности — собрались, чтобы внимательно прослушать целый марафон лекций с раннего утра до поздней ночи. Военные летчики, художники, доктора, университетские профессора — все, правда, бывшие — поднимались на подмостки и рассказывали доверчиво внимающей аудитории о том, как выполнение заповедей *Торы* полностью изменило их жизнь. Другие сообщали об удивительных случаях, наблюдавшихся на спиритических сеансах, и о других «потусторонних» феноменах. Казалось, они настолько увлечены всем оккультным, что не понимают, что имеют дело с демоническими силами. Чем глубже они входили в область эзотерического¹, тем с большим воодушевлением внимала им возбужденная толпа. Большинство лекций сводилось к угрозам и систематическому запугиванию адскими муками, которые ожидают тех, кто не оставит свой светский образ жизни. Кое с чем из услышанного я соглашался всем сердцем, так как меня не надо было убеждать в существовании Бога и сатаны или рая и ада. Но я всей душой восставал против оказываемого давления и методов, которые наблюдал на семинаре. За все время этого утомительного семинара ни разу не был открыт *Танах*, и никто ни разу на него не сослался, хотя бы косвенно.

¹ То есть тайного, понятного лишь избранным, предназначенного только для посвященных. — *Прим. ред.*

На собравшихся оказывалось огромное психологическое давление. В коридорах шла торговля религиозными товарами, например бутылками со «святой водой» из кранов Баба Сали (раввина из *сефардов*, о котором распространился слух, что он творит чудеса), «святыми портретами» великих раввинов, кассетами с выступлениями знаменитых раввинов, музыкальными записями религиозных солистов и хоров, *кипами* из черного бархата, молитвенными покрывалами и *цицит* к ним. Доверчивые слушатели семинара раскупили все!

В последний вечер этой долгой недели большинство участников семинара, поднимаясь на подмостки, делились своими впечатлениями. Они со слезами клялись соблюдать заповеди, особенно Субботы и *кошрута* (свод законов *кошерного* питания). В конце концов только один инакомыслящий из *киббуца* и я остались сидеть на задних скамьях аудитории.

Сидя там, я размышлял о том, что произойдет в ближайшем будущем со многими из собравшихся в этой аудитории. Многие будут изо всех сил стараться соблюдать раввинские заповеди и традиции, но довольно скоро поймут, насколько они бессильны и неспособны умиловить Бога своими трудами. В своих миссионерских странствиях я встречался со многими участниками таких семинаров, раздосадованными и разочарованными. Они задавались вопросами о том, где именно ошиблись, почему им пришлось отступить от той или иной заповеди и почему они все же должны были ее соблюсти. Но ведь им неоднократно внушалось, что они не должны выражать сомнения или задавать вопросы. Некоторым пришлось развестись со своими супругами, которые не хотели вести такую жизнь. Они порвали связи с собственными детьми, отказывались даже навещать своих родителей и есть за их «нечистыми» столами, нарушая этим важную заповедь Божью: «*Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе*» (Исх. 20:12).

Пока я так размышлял, руководитель семинара, сам раввин Перец, подошел ко мне и спросил, почему я продолжаю упорствовать в своем бунте и отказываюсь подняться на сцену, исповедать свои грехи при всех и раскаяться под одобрительные возгласы собравшихся.

Я ничего не ответил. Как мог я выразить словами все, что было у меня на сердце?

Ребе Перец посмотрел на меня так, словно мог читать мои мысли, и спросил:

— Почему бы вам не побеседовать с ребе Ицхаком Амном после собрания?

Ребе Аммон, «Великий Лев», нашел время принять меня только в два часа ночи. Мы сели с несколькими другими раввинами, и по их требованию я стал излагать им принципы мессианской веры, основанной на *Торе* и пророках, ссылаясь на стремление человеческого сердца к прощению грехов и примирению со Святым Господом. Пока они со мной целиком соглашались, и мои высказывания даже подбадривали их. Но когда я начал цитировать места из Писания, связанные с Мессией, атмосфера вдруг стала мрачной и давящей. Само собой, они единогласно и без обиняков отвергли Новый Завет.

— Мне не надо его читать! — решительно сказал ребе Аммон. — Мои праотцы решили отвергнуть его, и этого для меня достаточно. Более того, мои предки получили *Тору* на Синае и добросовестно передавали ее из поколения в поколение до наших дней. А от кого вы получили Новый Завет? От ваших отцов или от *гоев*?

— Новый Завет был написан моими еврейскими праотцами, — ответил я. — Они же донесли весть о Господнем спасении во все уголки мира.

Правда, Джефф, который донес эту весть до меня первым, не был евреем, но новое сердце и новый дух, которые жили теперь во мне, я получил не от Джеффа и не от отцов или праотцов, а от Самого Господа Бога Израиля.

Я напомнил им, что наши еврейские предки были слабыми, греховными существами, как и все мы. В ветхозаветные времена они не раз оказывались не на высоте и вводили весь народ в грех. То же самое они делают и сейчас. *«Посему скажи дому Израилеву: так говорит Господь Бог: не оскверняете ли вы себя по примеру отцов ваших и не блудодействуете ли вслед мерзостей их?»* (Иез. 20:30).

Я продолжал:

— Неужели вы, господа, ожидаете от меня, что я буду относиться к моим праотцам и раввинам древности с почтением только потому, что они жили раньше меня? Вы хотите, чтобы я чтил их слова превыше Слова живого Бога? Религиозные и духовные вожди Израиля всегда отвергали истинных пророков, когда те приносили божественные послания от Господа. Может быть, когда пришел Иешуа, о Котором сказано: *«се, Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной»* (Зах. 9:9), они отвергли и Его, потому что Он не соответствовал распространенным, но не имеющим отношения к *Танаху* представлениям?

Посмотрев прямо в глаза раввинам, я спросил:

— Что конкретно в Иешуа вы отвергаете? Какой, собственно, грех Он совершил, что заслужил такую страстную вашу ненависть? Когда вы научитесь видеть Его в Его истинном свете?

Теперь, как и в древности, религиозные лидеры ждут какого-то воображаемого, неведомого «еврейского» Мессию, который должен спасти народ Израиля от подчинения нечистым язычникам, а ведь Бог ясно говорит, что желает спасти Свой народ прежде всего от осквернения их собственными нечистыми, греховными сердцами. Так кому же я должен верить? Должен ли я слушаться слов моих праотцов и раввинских мудрецов или святого Божьего Слова?

Когда же придет тот славный день, когда вы, раввины, наконец признаете божественную истину и сложите свою славу и суетное тщеславие к подножию креста Мессии? Когда вы прекратите обвинять Иешуа и винить Его во всех наших несчастьях и громко воскликнете со всем народом Израиля: *«Благословен грядущий во имя Господне!»* (Пс. 117:26)?

Это была незабываемая, но печальная ночь. На рассвете мы распрощались и пошли каждый своим путем. Раввины настаивали на том, что мое толкование неверно, так как я отвергаю устные предания еврейских мудрецов, раввинские правила, которые они считают священными. Они были убеждены, что я перешел в языческое христианство. Я же, со своей стороны, доказывал, что это они изменили первоначальной иудейской вере ради религии, созданной людьми и потому ложной.

Но, несмотря на горячие споры, атмосфера во время дебатов оставалась цивилизованной и достойной. Не могу не признать, что впервые повстречал раввинов, которые уважали мои взгляды и даже на прощание пожелали мне всяческих благ. Всем сердцем желаю, чтобы Слово Господне, которое я так настойчиво им проповедовал, нашло живой отклик в их сердцах!

Глава 24. Каменный лев, лев Иуды

Сегодня, охватывая мысленным взором свое многолетнее служение Господу и глядя на Его разрастающийся «виноградник» в Израиле, я могу только удивляться пути, пройденному мальчишкой из Кирьят-Шмона. Он, некогда лелеявший гневные замыслы мести «этим *гойм*» на Тель-Хае у подножия окаменевшего в беззвучном рыке льва, превратился в мужчину, несущего слова утешения и спасения не только — а прежде всего — народу Израиля, но и *гойм*, то есть всем другим народам Земли.

Это глубокое осознание своей миссии идет, конечно же, не от меня самого. Я не просил и вовсе не искал служения евангелиста. Не является эта миссия и плодом моего разгоряченного воображения. Правда состоит в том, что я не выдержал бы ни единого дня такого служения, если бы не жил полноценной жизнью у ног Господа Иешуа, моего Искупителя, *«льва от колена Иудина»* (Отк. 5:5).

Немало лет прошло с тех давних пор,
Когда мальчишкой шел я на Тель-Хай,
Чтоб сверху, с высоты орлиных гор,
Увидеть мой любимый отчий край.
Так что ж — сражаться в одиночку мне
В моей больной, израненной стране?
— Нет, не один ты, брат, в своей борьбе
За право жить евреям на земле.

В День Памяти народ идет сюда,
Чтоб флаги в честь погибших приподнять
Сперва до середины, как всегда,
Потом на верх флагштока. И опять
О крови павших речи прозвучат,
Прольются слезы. Дальше, в свой черед,
Лишь завершится траурная часть —
Закружится танцоров хоровод.

Потом вернутся все к своим делам,
И мы, подобно остальным народам,
Продолжим службу собственным богам:
Теперь уж не Ваалу с Аштарот¹,
Не идолам, не золотым тельцам,
Но людям и иным твореньям Бога,
Земле бесценной, что мила сердцам.
Ведь Бог, Кто даровал нам эту землю,
Для нас давно лишь миф — Ему не внемлем.

Здесь, у подножья каменного льва,
Отцы детей готовят беззаветно,
Чтоб жизнь могли за родину отдать,
Пасть на войне, стать жертвой безответной...
— Нет, не один ты, брат, в своей борьбе
За право жить евреям на земле!

Да, кровью и огнем Иуда пал;
Уж так судил Господь. К Себе обратно
Он нынче нас зовет, как прежде звал,
Но глух и слеп народ Израиля. Напрасно
Господь протягивает руки нам —
Иным мы поклоняемся богам.

С тех давних пор, когда я был мальцом,
Меня любить учили Трумпельдора.
Всю кровь свою, весь жар души притом
Я был готов пожертвовать без спора
В борьбе за жизнь евреев. Но сокрыт
Был Божий лик. И много, много лет
Я, как другие, мучился вопросом:
«Что значит — быть евреем?» И в ответ
Я наконец услышал весть от Бога:

«Пролита Кровь — и заключен Завет;
Мир с Богом навсегда дарован людям».
Мертв и бессилён каменный тот лев,
Но жив, могуч, как прежде, Лев Иудин!
Мы жизнь навеки обретаем в Нем.
Ему всю честь, хвалу и славу воздаем!

Яков Дамкани

¹ Аштарот (Астарт) — богиня всего Месопотамского региона от Вавилона до Финикии. — *Прим. ред.*

Этот путь был долгим и нелегким, полным препятствий и неудач, страданий и провалов, грехов и побед. Мою жизнь и сегодня нельзя назвать легкой. Но ведь Мессия и не обещал нам розового сада, верно? Тот, кто полагает, что Иешуа дал нам Тору, придерживаться которой легче, чем *Торы* Моисеевой, тот глубоко заблуждается. Но я не променяю ее на все богатства и радости мира. Если вы тоже родились заново, вы меня понимаете.

В смерчах и бурях этого мира, когда я преодолеваю глубокие воды потоков или иду через огонь страданий и мучений, меня поддерживает твердое обещание Господа, что Он никогда не оставит и никогда не покинет меня (см. Евр. 13:5), что Он будет со мной всегда, *до скончания века* (Мф. 28:20). Если я спотыкаюсь и падаю, Он всегда оказывается рядом, чтобы протянуть мне Свою крепкую, могучую руку и снова поставить мои стопы на прочную Скалу. Бог всегда верно хранил Свои обещания (см. Евр. 10:23), хотя сам я нередко Его подводил.

Временами, когда я размышляю, закрыв глаза, передо мной появляется картина из далекого прошлого, как из другого мира: на ней отец и сын. Я вижу двенадцатилетнего мальчика, стоящего рядом с отцом в синагоге иранских и иракских евреев в Кирьят-Шмона. Я вижу, как отец склоняется над сыном и ласково указывает ему то место в молитвеннике, которое сейчас читает *кантор* (певец синагогальной службы). Мальчику трудно поспевать за быстрым

чтением молящихся, но он старается не опозорить отца перед всеми собравшимися, упаси Боже! От отца он узнал, что значит быть евреем, и гордится принадлежностью к своему народу.

Потом картина внезапно меняется. Ясный весенний день, праздник большой мессианской общины в зале для собраний на горе Кармель. Снова я вижу этого мальчика, уже повзрослевшего, рядом с постаревшим отцом. Проповедник стоит и читает в микрофон отрывки из Писания. В руках у сына книга — не *сидур*, а Библия, Слово Бога живого, и он следит за чтением, водя пальцем по строчкам, показывая своему отцу, что значит быть мессианским евреем, и он гордится принадлежностью к этому народу!

Народ Израиля, как никакой другой, привержен своей религии. Он стремится обрести национальное самосознание, которое было утрачено. Необходимо заново определить, что значит — быть евреем. Но до сих пор израильское правительство не может точно сформулировать, кого называть евреем. Лишь чувство национальной гордости и угроза национальной безопасности объединяет многих израильтян. При этом большинство из них не имеют настоящей связи с еврейским наследием, Бог Священного Писания по-прежнему или неизвестен им, или забыт ими, а почитаются традиции, установленные людьми.

Этот новый я, с новым сердцем и новым духом, преобразованный живым Богом, больше не задается вопросом: «Почему я, Господи? Почему я родился евреем?» Я знаю теперь, что план моей жизни, созданный Богом, гораздо более совершенен, чем все, что я мог придумать самостоятельно. Я мечтаю о том дне, когда весь мой народ и все народы мира найдут свои истинные еврейские корни, как нашел их я. Для этого я охотно предоставил бы себя *в жертву живую* (Рим. 12:1). Молюсь о том, чтобы евреи всех конфессий — ортодоксальные и консервативные, реформисты и светские, *хасиды* и мессиане — могли бы петь и танцевать вместе, с наслаждением черпая живую воду из вечных источников спасения!

Это не означает, что мы должны прекратить зажигать субботние свечи, или читать *киддуш* над вином и хлебом, или прекратить строить кущи на праздник *Суккот*. Не означает это, что мы теперь должны есть дрожжевой хлеб на *Песах*, или публично нарушать Субботу, или прекратить поститься на *Йом Киппур*. Напротив, мы должны продолжать черпать воду из источников иудаизма. Мы должны по-прежнему соблюдать наши праздники, согласно освященным традициям наших отцов — если они не противоречат Слову Божьему и если мы при этом понимаем, что одним лишь соблюдением праздников невозможно добиться вечного спасения. Только Бог — наш Спаситель, и Он дал нам Свое спасение, основанное не на традициях людей, а на искупительной смерти и Воскресении Его Сына, Иешуа Мессии.

Если мне удалось в этой книге представить верный, не искаженный рассказ, свидетельствующий о чудесах, сотворенных Царем царей и Господом господствующих в моей жизни — пусть это и будет моей наградой. Вся хвала и слава принадлежит Господу и Его Мессии, во веки веков. Аминь!

Оглавление

Глава 1. Трумпельдор и другие мои герои

Глава 2. В местной синагоге

Глава 3. Семья и дом

Глава 4. Переезд в город

Глава 5. Я отправляюсь в большой мир

Глава 6. Нью-Йорк, Нью-Йорк!

Глава 7. Знакомство с Джеффом

Глава 8. Душа тела в крови

- Глава 9. Кто же был принесен в жертву?
- Глава 10. Жажда истины
- Глава 11. Что же сокрыто в этой книге?
- Глава 12. Болезни роста
- Глава 13. Общее направление — на запад
- Глава 14. Семья Грин из Калифорнии
- Глава 15. Снова на восток
- Глава 16. У открытой могилы брата
- Глава 17. Первые шаги на родине
- Глава 18. Опыт гонений
- Глава 19. От Иосифа к Иосифу
- Глава 20. Мой народ — это твой народ, и твой Бог — это мой Бог
- Глава 21. Награда за труды
- Глава 22. Праздники и заветы
- Глава 23. О Михаил, Михаил!
- Глава 24. Каменный лев, лев Иуды

Подписи к фотографиям:

1. Моя сестра и я, одетые «по-благородному».
2. В Кирьят-Шмона, большая счастливая семья. У меня на руках — сын моей сестры.
3. В глубине души меня терзает вопрос: в чем смысл жизни?
4. Парень в шляпе — это я. В тот период я твердо решил: ни за что не стану наркоманом!
5. С пехотинцами в Самарии. У меня в руках бумага и авторучка.
6. Что стало с горячим патриотом из Кирьят-Шмона?
7. Мои дорогие родители.
8. В Бруклине, на свадьбе Михаила.
9. У них нет ни знания, ни понимания, а потому они немедленно пускают в ход кулаки.
10. Этот человек так и не бросил в меня камень, что у него в руке, но ненависть ранит больше камня.

11. Враги Евангелия, но возлюбленные Богом (см. Рим. 11:28).
12. Правоверного еврея тревожит готовность других евреев читать и понимать то, что мы им предлагаем.
13. В Тиверии. Идет серьезная дискуссия о различиях между Законом Писания и раввинским законом.
14. В свете Божьей истины — кто есть истинный еврей?
15. «Как верить в Того, о Ком не слышали?» (Рим. 10:14).
16. Многие охотно слушают нас.
17. После всех моих объяснений — примет ли он дар Господа верой?
18. Яков наставляет наших арабских братьев.
19. Проповедуем Евангелие у полицейского участка.
20. Совместное собрание арабских и еврейских христиан для установления братских отношений. Только Мессия может принести истинный мир.
21. Свет язычникам и благословение всем племенам земным (см. Быт. 12:3).
22. Хвала Господу за верующих, которые перевели Священное Писание на множество языков.
23. *«Отворите ворота; да войдет народ праведный, хранящий истину»* (Ис. 26:2).
24. С моей всегда любящей и понимающей мамой под гуавой.
25. *«Что мне сказать тебе, с чем сравнить тебя, дочь Иерусалима? чему уподобить тебя, чтоб утешить тебя, дева, дочь Сиона? ибо рана твоя велика, как море; кто может исцелить тебя?»* (Пл. Иер. 2:13).
26. Несем Благоую весть евреям в синагоге.
27. Исполнившись любовью и жизненной силой Мессии, мы служим тем, кто нуждается в помощи.

Надпись на 1-й обложке

«Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь — крепость жизни моей: кого мне страшиться?»

Надпись на задней обложке

Новое сердце

У Якова Дамкани, урожденного израильянина, было весьма туманное представление о том, что значит быть евреем. В традициях и обрядах иудаизма ему не доставало непосредственной духовной связи с Богом. Он стремился ближе узнать Небесного Отца, но опасался совершить предательство не только по отношению к Богу Израиля, но и к своему народу, своей семье. Эти соображения заставляли его упрямо оспаривать и отвергать доводы христианства. Но в его сердце и разуме бушевала настоящая война — война печали и радости, страдания и счастья, стыда и славы, провалов и побед.

Еврей вы или нет, захватывающий рассказ Я. Дамкани принесет вам:

- Уверенность, что спасение предложено всем народам
- Уверенность, что Бог не оставил Свой избранный народ
- Готовность отдать Господу свою жизнь
- Любовь ко всему человечеству — и евреям, и неевреям
- Понимание того, почему евреи не должны «обращаться» в христианство

Это история замечательного преобразования сердца, которое когда-то очерствело и отвернулось от бесплодной религии, а ныне исполнено радости и любви к Богу. Прочтите о том, как обычный еврей пришел к необыкновенным отношениям с Мессией. Вы тоже можете испытать преображение и безмерную радость познания Божьей любви.

«Тогда придите, и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю» (Ис. 1:18).

Адреса на обороте титульного листа

В Израиле:

Jacob Damkani

Trumpet of Salvation to Israel

P.O. Box 8355

Jaffa 61082 Israel

Телефон: 011-972-3-518-18-88

Факс: 011-972-3-681-00-96

Электронная почта: trumpsal@netvision.net.il

Адрес в Интернете: www.wp.com/trumpsal

В США:

Trumpet of Salvation to Israel

P.O. Box 535

Pelham, AL 35124

Телефон: (205) 620-40-34

Факс: (205) 620-00-12